ФИЛИП РИВ

СМЕРТНЫЕ МАШИНЫ

ХРОНИКИ ХИЩНЫХ ГОРОДОВ. КНИГА 1

АЗБУКА

Annotation

В новом переводе – первый роман эпопеи «Хроники хищных городов». Действие этой фантастической саги происходит в будущем, после Шестидесятиминутной войны, когда экологические и техногенные катастрофы заставили города встать на колеса. Оторвавшись от земли, Лондон, Архангельск и прочие мегаполисы принялись путешествовать через постапокалиптический ландшафт, разыскивая артефакты Древних – и пожирая друг друга. Том Нэтсуорти, ученик в лондонской Гильдии историков, и представить себе не мог, чем обернется для него случайная встреча с Эстер Шоу из только что проглоченного Лондоном шахтерского городка: Тому и Эстер становится известна тайна, способная изменить мировой порядок…

Возможно, самая ожидаемая премьера 2018 года – это экранизация «Хищных машин», выходящая на экраны в декабре 2018 года под названием «Хроники хищных городов». Исполнительным продюсером и автором сценария картины выступает Питер Джексон, постановщиком – Кристиан Риверс (мастер спецэффектов, работавший с Джексоном на съемках «Властелина Колец», «Хоббита» и «Кинг-Конга»), в ролях Стивен Лэнг из «Аватара» и Хью Уивинг («Матрица», «Властелин Колец»).

- Содержание
  -
  -
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12

        - Глава 13
        - Глава 14
        - Глава 15
        - Глава 16
        - Глава 17
        - Глава 18
        - Глава 19
        - Глава 20
        - Глава 21
        - Глава 22
        - Глава 23
    - Часть вторая
        - Глава 24
        - Глава 25
        - Глава 26
        - Глава 27
        - Глава 28
        - Глава 29
        - Глава 30
        - Глава 31
        - Глава 32
        - Глава 33
        - Глава 34
        - Глава 35
        - Глава 36
        - Глава 37
    - Благодарности
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11

- 12
- 13
- 14
- 15

Содержание

Филип Рив
Смертные машины

Philip Reeve
MORTAL ENGINES
Copyright © Philip Reeve, 2001
All rights reserved

© М. Лахути, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

*** * ***

Посвящается Саре

Название романа (Mortal Engines) взято из пьесы У. Шекспира «Отелло» (акт III, сц. 3): «And O you mortal engines whose rude throats / Th’immortal Jove’s dread clamors counterfeit». Процитируем некоторые варианты перевода этого фрагмента:

И вы, орудья смертные, чьи глотки
Громам богов бессмертных подражают.

(А. Радлова, 1935)

И вы, орудья гибели, чей рев
Подобен грозным возгласам Зевеса,
Навек прощайте!

(М. Лозинский, 1950)

Прощайте всѣ вы, грозныя орудія смерти, издающія изъ

своихъ могучихъ жерлъ такіе-же потрясающіе раскаты на землѣ, какъ и небесные громы безсмертнаго Юпитера!

(П. Каншин, 1893)

Часть первая

Глава 1
Охотничьи Угодья

Пасмурный, ветреный весенний день клонился к вечеру. Посреди высохшего Северного моря Лондон гнался за мелким шахтерским городком.

В счастливом прошлом Лондон никогда бы не польстился на такую жалкую дичь. Движущийся мегаполис тогда охотился на города покрупнее, заходя до окраин Ледяных Пустошей на севере и берегов Средиземного моря на юге. Но в последнее время добычи стало меньше и большие города бросали на Лондон голодные взгляды. Он уже десять лет прятался от них, скитаясь по сырой холмистой местности на западе, – как утверждала Гильдия историков, здесь в древности располагался остров Британия. Десять лет Лондон питался крохотными фермерскими городками и затерянными среди холмов стационарными поселками. И вот наконец лорд-мэр счел, что пришло время вернуться через Перешеек в Большие Охотничьи Угодья.

Примерно на середине пути наблюдатели на дозорных башнях углядели шахтерский городок, вгрызающийся в солончаки миль на двадцать впереди. Лондонцам это показалось знаком свыше, и даже лорд-мэр (который не верил ни в знаки, ни в высшие силы) решил, что это хорошее начало для путешествия на восток, и дал приказ открыть охоту.

Шахтерский городок, заметив опасность, бросился удирать, но огромные гусеничные траки под брюхом Лондона уже закрутились быстрей и быстрей. Громада мегаполиса ринулась в погоню – движущаяся гора металла, словно семиярусный свадебный торт. Нижние ярусы окутаны дымом, на верхних палубах сверкают белые виллы богачей, и над всем парит золотой крест собора Святого Павла, на высоте двух тысяч футов над исковерканной землей.

Когда началась погоня, Том занимался тем, что протирал экспонаты в отделе естествознания Лондонского музея. По металлическому полу пробежала дрожь, а под потолком закачались, поскрипывая канатами, чучела китов и дельфинов.

Том не испугался. Он все свои пятнадцать лет прожил в Лондоне и привык к его движению. Он знал, что сейчас город меняет курс и набирает скорость. Чуть-чуть укололо волнение, древний охотничий инстинкт,

присущий всем лондонцам. Наверное, заметили дичь! Побросав метелки и тряпки, Том прижал к стене ладонь и ощутил вибрацию, идущую от скрытого далеко внизу, в Брюхе, машинного отделения. Да, вот она – глубинная пульсация. Это включились вспомогательные моторы – бум, бум, бум, словно у него в костях бьет огромный барабан.

В дальнем конце галереи хлопнула дверь. На пороге появился Чадли Помрой, парик у него съехал набок, а круглое лицо покраснело от возмущения.

– Какого Квирка?! – рявкнул он, тараща глаза на качающиеся муляжи китов и чучела птиц, подпрыгивающие в клетках, словно они готовились в полет после долгого плена. – Ученик Нэтсуорти! Что здесь происходит?

– Идет охота, сэр! – ответил Том, изумляясь про себя, как это заместитель главы Гильдии историков ухитрился столько лет прожить на борту Лондона, так и не научившись распознавать, как бьется сердце города. – Наверное, хорошая добыча, – пояснил Том. – Все вспомогательные моторы включили. Такого уже давно не бывало. Может, нам наконец-то начнет везти!

– Пфа! – фыркнул Помрой и поморщился от дребезжащего звука – это стеклянные витрины отозвались дрожью на вибрацию моторов.

Под потолком задергался, раскачиваясь, как на качелях, громадный макет животного под названием «синий кит», вымершего тысячи лет назад.

– Не знаю, как там насчет везения, Нэтсуорти, – сказал Чадли Помрой, – но хотелось бы, чтобы Гильдия инженеров поставила наконец в здание Музея приличные амортизаторы. В нашей коллекции есть чрезвычайно хрупкие экземпляры. Так не годится! Совсем не годится!

Он вытащил из складок длинной черной мантии носовой платок в горошек и утер лоб.

– А можно мне, пожалуйста, сбегать на обзорную площадку посмотреть погоню? – спросил Том. – Хоть на полчасика? Уже столько лет хорошей охоты не было…

– Нет, конечно! – возмутился Помрой. – Посмотри, сколько пыли из-за этой злосчастной охоты насыпалось! Придется все заново протереть и проверить, не пострадали ли экспонаты.

– У-у-у, так нечестно! – завопил Том. – Я только что всю галерею почистил!

Он сразу понял свою ошибку. Старина Помрой был не так уж плох для гильдейца, но ему не понравилось, что с ним спорит ничтожный ученик третьего ранга. Он выпрямился во весь свой рост (чуть побольше его же ширины) и так нахмурился, что знак гильдии на лбу почти совсем скрылся

между бровями.

– Жизнь вообще несправедлива, Нэтсуорти! – прогремел он. – Будешь еще дерзить – отправишься на дежурство в Брюхо, сразу как закончится охота!

Из всех кошмарных обязанностей, какие приходится выполнять ученику третьего ранга, дежурство в Брюхе Том ненавидел сильнее всего. Он мгновенно заткнулся, смиренно разглядывая замшевые носы ботинок главного хранителя.

– Сказано: работать здесь до семи, вот и работай до семи! – продолжал Чадли Помрой. – А я пойду посоветуюсь с другими хранителями насчет этой ужасной тряски…

Он поспешно ушел, все еще что-то бурча себе под нос. Том проводил его взглядом, собрал щетки и тряпки и, совершенно несчастный, вернулся к работе. Обычно ему даже нравилось заниматься уборкой, особенно в этом отделе, среди дружелюбных, поеденных молью животных, возле синего кита с широкой синей улыбкой. Если становилось скучно, Том погружался в мечты. Там он был героем, спасал красавиц от воздушных пиратов, а Лондон – от Лиги противников движения и жил потом долго и счастливо. Но какие мечты сейчас, когда весь город наслаждается первой за долгое время настоящей охотой?

Он выждал двадцать минут. Чадли Помрой не возвращался, и никого другого вокруг не было. Музей по средам был закрыт для посетителей, большинство старших гильдейцев и учеников первого и второго ранга в этот день получали выходной. Кому повредит, если Том выскочит минут на десять, хоть посмотреть, что происходит снаружи? Он спрятал за чучелом яка сумку с принадлежностями для уборки и, окруженный пляшущими тенями дельфинов, побежал к двери.

В коридоре аргоновые лампы тоже отплясывали вовсю, расплескивая свет на металлические стены. Мимо быстрым шагом прошли двое гильдейцев в черных мантиях. Том услышал тонкий недовольный голос старого профессора Аркенгарта.

– Вибрация! Вибрация! В коллекции керамики двадцать пятого века черт знает что творится!

Том переждал, пока они не скрылись за углом, и поскорее шмыгнул на ближайшую лестничную площадку. Сбежал вниз, промчался через галерею двадцать первого века, мимо огромных пластмассовых статуй, изображающих Плуто и Микки – божества с головами животных, в которых верили в давно погибшей Америке. Пробежал через главный зал, потом через другие галереи, заполненные предметами, чудом

пережившими тысячелетия после того, как Древние уничтожили сами себя в безумном вихре под названием Шестидесятиминутная война, с использованием атомных снарядов «космос-земля» и бомб с искусственно выведенными вирусами. Скоро Том уже выскользнул через боковый вход и сразу окунулся в шум и суету Тотнем-Корт-роуд.

Лондонский музей стоял в самом центре Второго яруса, в оживленном районе под названием Блумсбери. Над самыми крышами, словно ржавое небо, нависала палуба Первого яруса. Том не боялся, что его заметят, пока он пробирается по темноватым людным улицам к общественному визи-экрану возле лифтовой станции «Тотнем-Корт-роуд». Втиснувшись в толпу зрителей, он впервые увидел на экране далекую добычу: размытое серо-голубое пятно, пойманное визи-камерами с Шестого яруса.

– Город называется Солтхук, – гремел голос комментатора. – Шахтерская платформа, население – девятьсот человек. В настоящий момент направляется на восток, но по оценкам Гильдии навигаторов мы догоним ее еще до захода солнца. Несомненно, за Перешейком нас поджидает еще много подобных городков, и это ясно доказывает, насколько мудрым было решение нашего любимого лорд-мэра вернуться на восток…

На памяти Тома Лондон еще никогда не путешествовал с такой скоростью. До чего же хочется постоять на обзорной площадке, почувствовать ветер, бьющий в лицо! Мистер Помрой и так его накажет. Наверное, еще несколько украденных минут не составят большой разницы?

Том пустился бежать и скоро оказался в парке Блумсбери, у самого края палубы. Когда-то здесь был настоящий парк, с деревьями и прудами, где плавали утки, но из-за нехватки добычи в последнее время парк приспособили для производства еды. На газонах разбили капустные грядки и установили цистерны для разведения водорослей. Но обзорные площадки остались – выступающие над краем палубы балконы, откуда можно любоваться проплывающими мимо пейзажами. Том бросился к ближайшей площадке. Здесь народу толпилось еще больше. Некоторые были в черных плащах Гильдии историков. Том старался быть как можно незаметней, проталкиваясь к поручням. Солтхук опережал Лондон всего на каких-нибудь пять миль. Он мчался на всех парах, из выхлопных труб валил черный дым.

– Нэтсуорти! – пролаял чей-то голос.

У Тома сердце сжалось. Оглянувшись, он увидел совсем рядом Меллифанта – коренастого мальчишку, ученика первого ранга.

Тот ухмыльнулся:

– Здорово, правда? Жирненькая соледобывающая платформа с

сухопутными моторами «эс-двадцать». Для Лондона в самый раз!

Герберт Меллифант был из тех уродов, кто не просто тебя поколотит и сунет головой в унитаз; ему еще надо вызнать все твои секреты и болевые точки и потом без конца в них тыкать. Он обожал донимать Тома, потому что Том был мелкий, застенчивый и заступиться за него было некому, а сам он сдачи дать не мог, потому что Меллифанту родители оплатили первый ученический ранг, в то время как Том, без родных и без друзей, был всего лишь учеником третьего ранга. Он знал, что сейчас Меллифант с ним заговорил только потому, что выпендривался перед хорошенькой девчонкой из Гильдии историков по имени Клития Поттс – она стояла у них за спиной.

Том кивнул и отвернулся, наблюдая за охотой.

– Смотрите! – крикнула Клития.

Разрыв между Лондоном и добычей быстро сокращался. Над Солтхуком взмыло в небо темное пятно, потом еще и еще. Дирижабли! В толпе на обзорных площадках послышались ликующие крики.

– А, воздушные торговцы… – сказал Меллифант. – Поняли, что городу крышка, и спешат удрать, пока мы его не слопали. Иначе мы могли бы забрать их груз вместе со всем прочим!

Том втайне порадовался, видя, что Клития Поттс слушает Меллифанта со скукой: она все это и без него знала, потому что училась на год старше, уже сдала гильдейские экзамены и получила татуировку на лбу – знак историка.

– Смотрите! – повторила она и улыбнулась, встретившись глазами с Томом. – Летят, летят! Красота какая!

Том отвел назад лезущие в глаза растрепанные волосы, глядя, как дирижабли поднимаются все выше и исчезают за свинцово-серыми тучами. На какую-то секунду ему захотелось улететь вместе с ними – вверх, к солнцу. Если бы родители не были такими бедными и не оставили его на попечение гильдии! Он мог бы стать юнгой на небесном клипере и повидать все города мира: дрейфующий в Тихом океане Пуэрто-Анджелес и скользящий на металлических полозьях по замерзшим северным морям Архангельск, огромные города-зиккураты народа нуэво-майя и вросшие в землю крепости Лиги противников движения…

Но это всего лишь мечты, лучше их отложить на скучные дежурства в Музее. Толпа вновь разразилась приветственными воплями, – значит, погоня близится к концу. Том, забыв о дирижаблях, опять сосредоточился на Солтхуке.

Городок был уже так близко, что стало можно рассмотреть, как мечутся на верхних ярусах крохотные человечки, словно муравьи. Им,

наверное, страшно – Лондон настигает и спрятаться некуда! Но жалеть их не надо, ведь это естественный процесс: большие города поглощают маленькие, а те – еще более мелкие, а самые крохотные городки поедают мизерные неподвижные поселения. В этом и состоит принцип муниципального дарвинизма. По этому принципу развивается мир уже сотни лет, с тех пор, как великий инженер Николас Квирк впервые превратил Лондон в движущийся город на гусеничном ходу.

– Лондон! Лондон! – закричал Том, вплетая свой голос в общий хор зрителей.

Наградой им стало радостное зрелище: у Солтхука отвалилось колесо. Шахтерский город занесло вбок, а потом он и вовсе остановился. Несколько дымовых труб отломились и рухнули на улицы, где толпились перепуганные люди. Тут их заслонили нижние ярусы Лондона. Палуба под ногами дрогнула, когда захлопнулись громадные гидравлические челюсти.

На всех обзорных площадках началось ликование. Громкоговорители, укрепленные на опорах Верхнего яруса, заиграли «Гордость Лондона». Совершенно незнакомый человек стиснул Тома в объятиях, крича в самое ухо:

– Добыча! Добыча!

Том не обиделся. В эту минуту он любил всех вокруг, даже Меллифанта.

– Добыча! – подхватил он общий крик, высвобождаясь.

Палуба снова задрожала. Где-то далеко внизу стальные челюсти ухватили Солтхук, подняли и потащили в Брюхо.

– …Может, ученик Нэтсуорти тоже хочет пойти? – сказала Клития Поттс.

Том понятия не имел, о чем она говорит. Он обернулся, Клития тронула его за локоть и объяснила с улыбкой:

– Вечером в Кенсингтонском саду будет праздник с танцами и фейерверками! Пойдешь с нами?

Том сперва решил, что она издевается: учеников третьего ранга обычно не зовут на праздники, и уж тем более их не приглашают такие красавицы, как Клития. Но Меллифант явно думал иначе. Он дернул Клитию к себе и сказал:

– Там такие, как Нэтсуорти, не нужны.

– Почему? – спросила Клития.

– Ну, ты же понимаешь, – хмыкнул Меллифант, побагровев лицом почти как мистер Помрой. – Он же третьеранговый, на побегушках. И знака гильдии ему не видать. Будет каким-нибудь помощником хранителя. А,

Нэтсуорти? – Он гадко ухмыльнулся, глядя на Тома. – Жаль, что твой папочка не оставил тебе денег на нормальное обучение.

– Не твое дело! – разозлился Том.

Радость от удачной охоты испарилась без следа. Том снова напрягся, гадая, какое наказание назначит ему Чадли Помрой, когда узнает, что Том удрал с дежурства. Было совсем не до Меллифантовых подначек.

– Ну, видно, так уж получается, когда живешь в трущобе на нижних ярусах, – злорадно фыркнул Меллифант, снова обращаясь к Клитии. – Знаешь, у Нэтсуорти мамочка с папочкой жили на Четвертом, и когда случился Большой Крен, их расплющило, как пару блинчиков с малиновым вареньем: плямс!

Том не собирался его ударить; это как-то само собой получилось. Том еще и подумать ничего не успел, а его рука уже сжалась в кулак и рванулась вперед.

– Ай! – завопил Меллифант, от неожиданности шлепнувшись на задницу.

Рядом выкрикнули что-то ободряющее, а Клития тихонько захихикала. Том растерянно смотрел на свой дрожащий кулак и не мог понять, как все это вышло.

Но Меллифант уже вскочил на ноги, а он был гораздо выше и крепче Тома. Клития пыталась его удержать, но другие историки стали его подзуживать, а толпившиеся рядом мальчишки в зеленых ученических безрукавках Гильдии навигаторов начали скандировать:

– Драться! Драться! Драться!

Том понимал, что против Меллифанта у него шансов не больше, чем у Солтхука против Лондона. Он попятился, но толпа напирала. Тут кулак Меллифанта врезался ему в скулу, а колено со всей силы ударило между ног. Том согнулся пополам, шатаясь и ничего не видя от слез. Он ткнулся головой во что-то большое и мягкое, сказавшее:

– Уф!

Том поднял голову и увидел перед собой круглое красное лицо с кустистыми бровями под куцым паричком. Узнав Тома, лицо это покраснело еще больше.

– Нэтсуорти! – рявкнул Чадли Помрой. – Какого Квирка ты тут вытворяешь?

Глава 2
Валентайн

И вот, пока другие ученики праздновали успешный захват Солтхука, Тома отправили на дежурство в Брюхо. Сперва Помрой долго стыдил его и отчитывал («Нарушение дисциплины, Нэтсуорти… Еще и затеял драку со старшим учеником… Что сказали бы твои несчастные родители?»), а потом он поплелся на станцию «Тотнем-Корт-роуд», ждать лифта.

Лифт пришел переполненный. Сидячие места в верхнем отделении были заняты надменными представителями Гильдии инженеров – самой влиятельной из четырех гильдий Лондона. Смотреть на их лысые головы и длинные белые резиновые плащи было жутковато, поэтому Том остался стоять в нижнем отделении, где с плакатов по стенам на него смотрело суровое лицо лорд-мэра. Подписи на плакатах гласили: «Движение – это жизнь! Поможем Гильдии инженеров держать Лондон в движении!» Лифт спускался все ниже, мелькали знакомые остановки: Бейкерлоо, Верхний Холборн, Нижний Холборн, Бетнал-Грин – и на каждой остановке в кабину вваливалась очередная толпа. Тома чуть не расплющили о заднюю стенку, так что он почти с облегчением вывалился наконец в шум и суету Брюха.

В Брюхе разбирали на части захваченные Лондоном города. От Челюстей до машинного отделения сплошняком тянулись мастерские и заводы. Том эту часть города ненавидел. Здесь всегда было шумно, толклись грязные страшноватые рабочие с нижних ярусов и, еще хуже того, заключенные из тюрем Подбрюшья. От жары начинала болеть голова, от запаха серы Том постоянно чихал, а мигающий свет аргоновых ламп резал глаза. Но когда Лондон переваривал очередную добычу, при этом обязательно должен был присутствовать кто-нибудь от Гильдии историков, и сегодня именно Тому выпала обязанность напоминать суровым пожилым бригадирам, что любые книги и предметы старины на борту пойманного городка по праву принадлежат его гильдии и что история не менее важна, чем кирпичи, железо и уголь.

Он пробился к выходу из лифта на конечной станции и быстрым шагом двинулся к складу Гильдии историков по трубообразным коридорам, отделанным зеленой керамической плиткой, и металлическим мостикам высоко над огненными провалами Пищеварительных верфей. Далеко внизу раздирали на куски Солтхук. Шахтерский городок казался совсем крохотным по сравнению с огромным Лондоном. Здоровенные желтые

машины для демонтажа ползали вокруг на гусеничном ходу, нависали сверху на подъемных кранах и карабкались прямо на город на гидравлических паучьих лапках. Колеса и оси уже сняли и приступили к разборке корпуса. Циркулярные пилы размером с колесо обозрения вгрызались в палубы, разбрызгивая веера искр. От плавильных печей веяло жаром, и не успел Том пройти и двадцати шагов, как черная форменная куртка под мышками промокла от пота.

Правда, когда Том наконец добрался до склада, ему открылась более обнадеживающая картина. В Солтхуке не было ни музея, ни библиотеки, а то немногое, что удалось спасти из городских антикварных лавок, уже начали упаковывать в ящики для отправки на Второй ярус. Если повезет, работа закончится рано и можно будет еще застать кусочек праздника! Интересно, кто из гильдейцев сегодня здесь за главного? Если старый Аркенгарт или доктор Веймут – тогда дело плохо. Они всегда заставляют отдежурить до конца смены, и не важно, есть тебе чем заняться или нет. А вот если Потти Пьютертайд или мисс Плим, то могут и отпустить…

Но, подходя к конторе управляющего, Том понял, что сегодня в Брюхе дежурит кто-то намного выше рангом. У конторы стоял блестящий черный «жук» с эмблемой гильдии на капоте – слишком шикарная машинка для рядовых историков. Рядом стояли двое в ливреях, какие носила обслуга высших чинов гильдии. Несмотря на роскошную одежду, вид у них был бандитский. Том сразу узнал этих типов: Пьюси и Генч, бывшие воздушные пираты. Они перековались и вот уже двадцать лет верно служили Главному историку. Когда он отправлялся в экспедиции, они пилотировали его дирижабль «Лифт на тринадцатый этаж»[1]. «Валентайн здесь!» – подумал Том, пробегая мимо и стараясь не слишком таращиться.

Таддеус Валентайн был для Тома кумиром. Бывший кладоискатель сумел стать самым известным лондонским археологом и главой Гильдии историков, к возмущению и зависти таких людей, как Чадли Помрой. Том повесил его фотографию на стену над своей койкой и столько раз читал и перечитывал его книги, что выучил их наизусть: «Приключения практикующего историка» и «Покинутая Америка. Через Мертвый континент с ружьем, фотоаппаратом и дирижаблем». А как Том гордился, когда в двенадцать лет получил из рук Валентайна, приехавшего награждать учеников по случаю окончания учебного года, приз за сочинение о распознавании поддельных древностей! Он до сих пор помнил каждое слово великого человека. «Ученики, помните: мы, историки, – важнейшая гильдия Лондона! Мы не зарабатываем много денег, как купцы, но мы создаем куда бо́льшую ценность – знания. Мы не определяем курс

города, как навигаторы, но что делали бы навигаторы без сохраненных нами древних карт и таблиц? Что касается инженеров, достаточно вспомнить, что все их машины разработаны на основе предметов олд-тека, высоких технологий древности, которые были найдены нашими археологами и хранятся в наших музеях».

Том в ответ еле-еле промямлил: «Спасибо, сэр» – и поскорее вернулся на свое место. Ему и в голову не могло прийти, что Валентайн его запомнит. Но когда он заглянул в контору, великий человек улыбнулся, подняв голову от бумаг.

– Нэтсуорти, я не ошибаюсь? Ученик, умеющий с блеском распознавать подделки? Придется мне сегодня поостеречься, как бы ты меня не разоблачил!

Простенькая шутка вмиг разбила неловкость, неизбежную между учеником и старшим гильдейцем. Том сразу успокоился, перестал топтаться на пороге и прошел внутрь, протягивая записку от Чадли Помроя.

Валентайн, встав из-за стола, шагнул ему навстречу. Высокий красавец лет под сорок, с густой гривой черных, чуть тронутых сединой волос и аккуратной черной бородкой. Серые глаза – глаза моряка – искрились весельем, а третий глаз на лбу, метка Гильдии историков – синий глаз, обращенный в прошлое, – словно подмигивал, когда Валентайн иронически выгибал бровь.

– Подрался, вот как? Что же такого сделал ученик Меллифант, чтобы заслужить синяк под глазом?

– Он говорил гадости про моих родителей, сэр, – тихо ответил Том.

– Понятно. – Исследователь кивнул, внимательно наблюдая за Томом.

Ругать его он не стал. Вместо этого спросил:

– Ты – сын Дэвида и Ребекки Нэтсуорти?

– Да, сэр. Но когда случился Большой Крен, мне было всего шесть… Я их почти не помню.

Валентайн снова кивнул. Глаза у него были добрые и печальные.

– Они были хорошими историками, Томас. Надеюсь, ты пойдешь по их стопам.

– О да, сэр! – воскликнул Том. – То есть… Я тоже надеюсь!

Его родители погибли, когда часть Чипсайда рухнула на нижний ярус. До сих пор никто о них не говорил хорошего слова. У Тома слезы навернулись на глаза. Он чувствовал, что Валентайну можно рассказать все, что угодно. Он хотел уже сказать, как скучает по маме с папой и как тосклива жизнь ученика третьего ранга, но тут в контору вошел волк.

Очень большой белый волк появился из двери в кладовую и, едва увидел Тома, бросился к нему, оскалив желтоватые клыки.

– А-а-а! – завопил Том, вскакивая на стул. – Волк!

– Ой, веди себя прилично! – раздался девчачий голос, и вслед за тем сама девушка появилась в комнате.

Она склонилась над зверем и пощекотала мягкий белый мех у него под подбородком. Свирепые янтарные глаза блаженно сощурились, а хвост с шорохом прошелся по ее коленям.

– Не беспокойтесь, – засмеялась девушка. – Он просто ягненочек! То есть на самом деле он, конечно, волк, но смирный, как ягненок.

– Том, – сказал Валентайн, весело блестя глазами, – познакомься, это моя дочь Кэтрин и Собака.

– Собака?

Том слез со стула, чувствуя себя довольно глупо. И все еще было страшновато. Он сперва подумал, что хищник сбежал из зверинца в Круговом парке.

– Это долгая история, – сказал Валентайн. – Кэтрин до пяти лет жила в плавучем городе, Пуэрто-Анджелесе. Потом у нее умерла мама, и Кэтрин переехала ко мне. Собаку я привез ей в подарок из экспедиции в Ледяные Пустоши. Кэтрин тогда еще плохо говорила на англичанском, а о волках и вовсе никогда не слышала. Как увидела, сразу сказала: «Собака!» Кличка так и прилипла.

– Он совсем ручной, – заверила девушка, с улыбкой глядя на Тома. – Когда папа его нашел, он был щеночком. Волчицу пришлось застрелить, а добить малыша у папы рука не поднялась. Он очень любит, когда ему щекочут пузико. Собака, в смысле, не папа.

Она засмеялась. У нее были длинные темные кудри, а глаза серые, как у отца, и такая же стремительная сияющая улыбка. Одета Кэтрин была в шелковые узкие брюки и свободную блузу – самый писк верхнелондонской моды этим летом. Восхищенный Том смотрел на нее во все глаза. Он видел раньше фотографии дочери Валентайна, но не замечал, какая она красивая.

– Смотри, ты ему понравился! – сказала Кэтрин.

Собака не спеша подошел, помахивая хвостом, и обнюхал край куртки Тома. Розовый мокрый язык царапнул Тому пальцы.

– Обычно если Собаке кто-нибудь нравится, то и мне тоже, – сказала Кэтрин. – Так что давай, папа, познакомь нас по-человечески!

Валентайн засмеялся.

– Познакомься, Кейт, это Том Нэтсуорти. Его прислали нам помогать, и, если твой волчище с ним закончил, надо бы дать ему возможность

заняться делом. – Он доброжелательно положил руку Тому на плечо. – Работы не очень много; пройдемся напоследок по верфям и…

Он разорвал записку Чадли Помроя на мелкие кусочки, а кусочки выбросил в красную урну для вторсырья рядом с письменным столом.

– И можешь идти!

Том сам не знал, что его удивило сильнее – то, что Валентайн его отпускает или что он лично явился на верфь. Обычно старшие члены гильдии предпочитали сидеть у себя в уютных кабинетах, пока ученики вкалывают в жаре и чаду, а Валентайн как ни в чем не бывало сбросил черную мантию, сунул в карман жилета авторучку и уже на пороге улыбнулся Тому:

– Идем! Чем раньше приступим, тем раньше ты сможешь присоединиться к веселью в Кенсингтонском саду…

Они спускались по винтовым железным лестницам, а Собака и Кэтрин следовали за ними. Вниз, вниз, к Пищеварительной верфи, где от Солтхука почти уже ничего не осталось – только стальной скелет, да и тот рабочие механизмы раздирали на части, утаскивая лонжероны и куски палубного покрытия на переплавку. Тем временем груды кирпича, шифера, бревен, соли и угля уплывали на конвейерных лентах в глубину Брюха, а мебель и провизию увозили вручную на тележках.

Рабочие Пищеварительных верфей были истинными правителями этой части Лондона и отлично знали об этом. Они с кошачьей ловкостью расхаживали по узеньким мостикам, их голые торсы блестели от пота, а глаза прятались за темными стеклами защитных очков. Том всегда их боялся, а Валентайн здоровался с ними легко и непринужденно и спрашивал, не попадалось ли среди добычи чего-нибудь интересного для Музея. Иногда он останавливался перекинуться парой слов, шутил или спрашивал о здоровье родных и обязательно представлял своего спутника: «Мой коллега, мистер Нэтсуорти». Том прямо раздулся от гордости. Валентайн обращался к нему как к взрослому, а вслед за ним точно так же относились и рабочие – тронув свои засаленные кепки, улыбались во весь рот и называли свои имена. Всех их звали, кажется, или Лен, или Чумазнер.

– Ты не слушай, что об этих ребятах говорят в Музее, – предупредил Валентайн, пока очередной Лен вел их к мусорному контейнеру, где были свалены найденные реликвии. – Если они живут в нижних районах и не умеют правильно склонять слова, это еще не значит, что они плохо соображают. Поэтому я и люблю наведываться сюда лично, когда на верфях идет работа. Мусорщики и кладоискатели часто находят ценнейшие

артефакты, которые просмотрели историки, я не раз такое видел.

– Да, сэр, – согласился Том, косясь на Кэтрин.

Ему страшно хотелось совершить что-нибудь выдающееся, чтобы Главный историк и его красавица-дочь оценили. Вот бы найти среди мусора удивительный и необыкновенный предмет олд-тека, чтобы они вспоминали Тома, когда уже вернутся домой, в блеск и роскошь Верхнего Лондона. А то, может, он с ними и не увидится больше никогда!

Полный надежд, он бросился к мусорному контейнеру и заглянул внутрь. В конце концов, предметы олд-тека в самом деле иногда можно найти в антикварной лавке маленького городка или на каминной полке в доме какой-нибудь старушки. Только представить, вдруг он раскроет утерянную тайну древности, вроде летательных аппаратов тяжелее воздуха или лапши быстрого приготовления! Даже если его находка и не пригодится Гильдии инженеров, – может, она все-таки попадет в Музей, будет стоять в витрине с пометкой на табличке: «Обнаружено мистером Т. Нэтсуорти». Том с надеждой рассматривал груду мусора в контейнере: пластмассовые обломки, разбитые настольные лампы, расплющенная детская игрушечная машинка… Его взгляд зацепился за плоскую металлическую коробочку. Том вытащил ее, открыл – и на него с серебристого пластикового диска уставилось собственное отражение.

– Мистер Валентайн! Смотрите! Сидюк!

Валентайн вынул диск из коробочки и повертел в руках. По блестящей поверхности побежали радужные блики.

– Совершенно верно, – подтвердил историк. – Древние использовали их при работе с компьютерами, для хранения информации.

– От него может быть польза? – спросил Том.

Валентайн покачал головой:

– Увы, Томас. Хоть Древние и жили в неподвижных поселениях, электроника у них была необычайно развита. Лондонским инженерам пока не удалось воспроизвести их достижения. Даже если на этом диске хранятся ценные сведения, у нас нет возможности их прочитать. Но находка хорошая. Сохрани ее на всякий случай.

Валентайн отошел, а Том убрал коробочку с сидюком в карман.

Кэтрин, должно быть, заметила, что он расстроился. Она тронула руку Тома:

– Такая красота! Любая находка, пережившая тысячи лет, прекрасна, пусть она и не пригодится этой жуткой Гильдии инженеров. У меня вот есть целое ожерелье из древних компьютерных дисков…

Она улыбнулась. Кэтрин была красавица, как девушки в его мечтах,

только еще и добрая, и веселая. Том знал, что с этого дня все героини, которых он спасает в воображении, будут похожи на Кэтрин Валентайн.

Больше в контейнере ничего интересного не оказалось. Солтхук был город практичный, слишком занятый тем, что вгрызался в дно высохшего моря, ему некогда было копаться в прошлом. Но Валентайн не вернулся сразу на склад, а повел своих спутников наверх, по очередной металлической лестнице и дальше по узкому мостику в Зал для прибывающих. Там бывшие жители Солтхука выстроились в очередь к Приемщику. Они называли ему свои имена, после чего их отправляли на новое место жительства – в недорогие гостиницы и рабочие общежития.

– Даже когда я не на дежурстве, – объяснил Валентайн, – я непременно спускаюсь поговорить с захваченными кладоискателями, пока они не успели продать свои находки старьевщикам на Пятом ярусе и снова не затерялись на Поверхности.

Вместе с добычей всегда попадались несколько кладоискателей, что бродят по Охотничьим Угодьям и подбирают предметы олд-тека. Солтхук не был исключением. В хвосте огромной очереди печальных горожан виднелась группа людей в длинных, до щиколотки, потрепанных пальто и защитных очках; на шее у них болтались респираторы.

Том, как и большинство лондонцев, приходил в ужас от одной мысли, что кто-то может жить вот так, прямо на голой земле. Они с Кэтрин и Собакой топтались в сторонке, не решаясь подойти ближе, а Валентайн смело шагнул вперед и заговорил с кладоискателями. Те столпились вокруг него, и только один держался в сторонке – высокий, в черном пальто. Тому показалось, что это девушка, хотя точно разобрать не получалось, потому что лицо у нее было замотано черным платком, вроде как тюрбан кочевника в пустыне.

Валентайн представился кладоискателям и спросил:

– Ну что, найдется у вас что-нибудь такое, что имеет смысл приобрести для Гильдии историков?

Некоторые закивали, другие качали головой, несколько человек начали рыться в заплечных мешках.

Девушка в черном платке сунула руку за пазуху:

– У меня кое-что есть для тебя, Валентайн.

Она говорила так тихо, что услышали только Том и Кэтрин. Они обернулись, и тут она бросилась вперед, выхватывая длинный тонкий нож.

Глава 3
Сброс шлака

Некогда было раздумывать. Кэтрин закричала, Собака зарычал, девушка на мгновение запнулась, и Том не упустил свой шанс: он рванулся к ней и перехватил руку с ножом, нацеленным Валентайну в сердце. Нож упал на палубу, девушка зашипела, вырвалась и кинулась бежать.

– Задержите ее! – рявкнул Валентайн, бросаясь за ней, но беженцы, увидев нож, в страхе заметались и мешали ему пройти.

Кое-кто из кладоискателей выхватил ружья и пистолеты. Сразу же сквозь толпу начал проталкиваться полицейский в бронекостюме, похожий на громадного синего жука, крича:

– В Лондоне огнестрельное оружие запрещено!

Том через головы кладоискателей разглядел вдали темный силуэт на фоне пылающих печей. Девушка шустро карабкалась по лесенке на следующий уровень. Том бросился за ней и попытался схватить за щиколотку. Чуть-чуть не дотянулся, и в ту же секунду мимо просвистела стрела и ударилась о железную перекладину лестницы, высекая тучу искр. Том оглянулся. Расталкивая толпу, за ними спешили еще двое полицейских с арбалетами на изготовку. За их спинами виднелись Кэтрин с отцом.

– Не стреляйте! – крикнул Том. – Я ее догоню!

Он полез вверх, стремясь к одной цели – именно он, и никто другой, должен поймать несостоявшуюся убийцу. Сердце отчаянно колотилось. Столько долгих скучных лет он мечтал о приключениях, и вот наконец мечты сбываются! Он спас жизнь мистеру Валентайну! Он герой!

Девушка уже бежала по лабиринту пешеходных мостиков, который начинался рядом с плавильными печами. Том помчался следом, надеясь, что Кэтрин все еще его видит. После развилки мостик стал совсем узким – не больше метра между поручнями. Внизу, на Пищеварительных верфях, работа шла своим чередом. Никто и не заметил, что над головой разыгрывается драма. Том бежал сквозь полосы густой тени и клубы горячего пара, но девушка по-прежнему опережала его на несколько шагов. Ее черный платок зацепился за низко нависшую трубу и слетел с головы. Длинные волосы девушки отливали медью в отсветах плавильных печей, но лицо рассмотреть не удавалось. Мелькнула мысль: наверное, она хорошенькая. Красотка-убийца из Лиги противников движения.

Том проскочил мимо висящего на трубе платка и помчался дальше,

задыхаясь и на ходу расстегивая ворот. Слетел по винтовой железной лестнице с такой скоростью, что голова закружилась, и выскочил на верфь, в мешанину конвейеров и огромных шарообразных емкостей с горючим. Заключенные, трудившиеся на демонтаже добычи, с удивлением оглядывались вслед бегущей девушке.

– Задержите ее! – крикнул Том.

Арестанты смотрели на него, разинув рот, и не двигались с места, но, оглянувшись, Том увидел, что надзирающий за ними ученик из Гильдии инженеров бросил работать и тоже кинулся в погоню. Том немедленно пожалел, что позвал на помощь. Он не собирался делить победу с каким-то тупым инженером! Том рванулся вперед, чтобы первым догнать преступницу.

Дорогу ему перегородила круглая дыра в полу, огороженная ржавыми перилами, – желоб для сброса отработанного материала, обгорелый и почерневший оттого, что в него сбрасывали шлак из печей. Девушка на миг запнулась, выбирая, в какую сторону свернуть. Она побежала дальше, но Том одним рывком преодолел оставшееся расстояние и, вытянув руку, ухватился за ее рюкзак. Лямка оторвалась. Девушка обернулась к Тому лицом, в багровых отблесках пламени из печей.

Она была не старше Тома и страшная на вид. Лицо от лба до подбородка рассекал чудовищный шрам – словно чей-то портрет со злостью разорвали сверху донизу. Рот кривился в вечной усмешке, от носа остался обрубок. С изуродованного лица на Тома смотрел единственный уцелевший глаз, серый и холодный, как зимнее море.

– Зачем ты помешал мне его убить? – прошипела она.

Том в растерянности застыл, онемев, и только молча смотрел, как девушка подобрала рюкзак и отвернулась, чтобы бежать дальше. Но сзади уже раздались полицейские свистки. Засвистели арбалетные стрелы, высекая искры из металлической палубы и тянувшихся под потолком труб. Девушка, выронив рюкзак, упала на бок, выдохнув совершенно нецензурное ругательство. Том и подумать не мог, что девушки знают такие слова.

– Не стреляйте! – завопил он, размахивая руками.

Полицейские спускались по винтовой лестнице, громыхая сапогами и стреляя на ходу, как будто не замечали, что Том стоит у них на пути.

– Не стреляйте!

Девушка кое-как встала. Ногу ей пробила стрела, чуть выше колена. Девушка зажимала рану рукой. Сквозь пальцы сочилась кровь. Рвано, со всхлипами дыша, девушка попятилась к перилам. За спиной у нее, словно

разинутая пасть, зияло отверстие мусорного желоба.

– НЕ-Е-ЕТ! – закричал Том, поняв, что она задумала.

Он уже не чувствовал себя героем. Ему просто было жаль эту несчастную, обезображенную девушку и стыдно, что именно он загнал ее сюда. Том протянул к ней руку, мысленно умоляя остановиться и не прыгать.

– Я не мог допустить, чтобы ты ранила мистера Валентайна! – заорал он, перекрикивая грохот Брюха. – Он хороший, добрый, храбрый, он замечательный…

Девушка вдруг качнулась вперед, так что ее жуткое безносое лицо оказалось прямо перед глазами Тома.

– Посмотри на меня! – невнятно выговорила она перекошенным ртом. – Смотри, что сделал твой замечательный добрый Валентайн!

– О чем ты?

– Его спроси! – крикнула она. – Спроси, что он сделал с Эстер Шоу!

Полицейские были уже совсем рядом. Том чувствовал, как дрожит под их шагами палуба. Девушка посмотрела ему за плечо и перекинула раненую ногу через перила, вскрикнув от боли.

– Не надо! – снова взмолился Том, но было поздно.

Взметнулись полы рваного пальто, и она исчезла.

Том подскочил к перилам, заглянул вниз. В лицо ему ударил холодный воздух, пахнущий глиной и раздавленными листьями. Пахнущий землей, что пролетала внизу, под движущимся городом.

– Нет!

Все-таки она прыгнула! Убилась насмерть… *Эстер Шоу.* Нужно запомнить имя и помолиться за нее кому-нибудь из многочисленных богов Лондона.

В клубах дыма проступили очертания людей. Полицейские медленно приближались, как крабы-бокоходы. Впереди шел Валентайн. Том заметил в тени возле резервуара с топливом потрясенного ученика-инженера. Том хотел ему улыбнуться, но лицо словно застыло, а в следующий миг все снова затянуло дымом.

– Том! Ты цел? – Валентайн подбежал, запыхавшись. – Где она? Где та девушка?

– Умерла, – тупо ответил Том.

Валентайн заглянул через поручень. По лицу его бежали тени от струек дыма, похожие на паутину. Глаза горели непонятным огнем на белом испуганном лице.

– Том, ты ее видел? У нее был шрам?

– Да, – ответил Том, удивляясь, откуда Валентайн это знает. – Ужасный шрам! У нее одного глаза нет, и нос…

Тут он вспомнил страшные слова девушки.

– Она еще сказала…

Том вдруг подумал, что незачем повторять такую безумную ложь.

– Она сказала, что ее зовут Эстер Шоу.

– Великий Квирк! – прошипел Валентайн.

Том отшатнулся. Наверное, зря он это сказал. Но когда решился поднять взгляд, Валентайн приветливо улыбался, хотя глаза у него были полны грусти.

– Ничего, Том, – сказал Валентайн. – Прости…

Большая, ласковая рука легла Тому на плечо… А дальше он ничего не успел сообразить – рывок, он переваливается через перила и падает, как упала Эстер Шоу, дико размахивая руками, стараясь ухватиться за гладкие металлические края. «Он меня столкнул!» – изумленно подумал Том, даже не чувствуя страха, а потом черный зев желоба поглотил его.

Глава 4
На Поверхности

Тишина. Полная тишина. Это не умещалось в голове. Даже когда Лондон стоял на месте, в общей спальне всегда слышались звуки: гудение вентиляторов, шум лифта вдали, храп учеников на соседних койках. А тут вдруг – тихо. Болела голова. Вообще-то, болело все. И койка какая-то странная… Том пошевелил рукой и почувствовал, что сквозь пальцы сочится что-то холодное и склизкое, вроде как…

Глина! Том резко сел и ахнул. Он был не в общежитии для учеников третьего ранга. Он лежал на куче влажной земли на краю глубокой канавы. В жемчужно-серых предрассветных сумерках он увидел, что рядом сидит девушка с изуродованным лицом. Значит, когда ему снилось, что он скользит по обгорелому желобу для сброса шлака, это было на самом деле – он выпал из Лондона и теперь остался на голой земле, вдвоем с Эстер Шоу!

Том застонал от ужаса. Девушка бросила на него быстрый взгляд и отвернулась.

– Живой, значит, – промолвила она. – А я думала, ты умер.

Она говорила так, как будто ей все равно.

Том с трудом поднялся на четвереньки, чтобы касаться земли только ладонями, коленками и пальцами ног. Руки у него были голые до плеч. Том осмотрел себя и понял, что он голый по пояс и весь в синяках. Куртка лежала поблизости, а рубашки нигде не было видно. Только когда он подполз поближе к девушке со шрамом, понял: она занята тем, что рвет его рубашку на полосы и бинтует себе раненую ногу.

– Эй! – сказал Том. – Это рубашка у меня одна из лучших!

– И что? – ответила она, не оборачиваясь. – Эта нога у меня тоже одна из лучших.

Том натянул куртку, грязную и рваную после путешествия по желобу. Через дыры свободно проходил холодный воздух. Дрожа, Том обхватил себя руками. «Валентайн меня столкнул! Он толкнул меня, и я скатился по желобу на Поверхность! Он меня толкнул… Нет, он не мог! Тут какая-то ошибка! Я, наверное, поскользнулся, а он старался меня удержать, вот как все было».

Эстер Шоу закончила перевязку и встала. Охнула от боли, натягивая поверх раны грязные, заскорузлые от крови штаны. Швырнула в Тома

остатками рубашки – теперь это была бесполезная тряпка.

– Зря ты не дал мне его убить.

Сказала и решительно захромала прочь, по длинной полосе взрытой земли.

Том смотрел ей вслед в полной растерянности. Только когда она исчезла за гребнем холма, он понял, что не хочет остаться один в тишине. Лишь бы рядом кто-то был, пусть даже Эстер Шоу.

Том бросил изодранную рубашку и побежал догонять, поскальзываясь на жирной липкой грязи, спотыкаясь о камни и вывороченные из земли корни. Слева зияла глубокая канава с отвесными стенками. Поднявшись на гребень, Том понял, что это всего лишь одна из сотни таких же канав: колеи, оставленные громадными гусеницами Лондона, тянулись вдаль, словно их проложили по линейке. Далеко впереди виднелся город, окутанный дымом своих моторов, на фоне светлеющего к востоку неба. Стало зябко от тоски по дому. Все, что он в своей жизни знал, было там, на быстро удаляющейся громаде, а здесь только Эстер с мрачной решимостью шагала вперед, приволакивая раненую ногу.

– Стой! – закричал Том, ковыляя за ней по грязи. – Эстер! Мисс Шоу!

– Отстань! – огрызнулась она.

– А куда ты идешь?

– Мне же надо в Лондон, – ответила она. – Я два года его искала, всю Поверхность исходила вдоль и поперек, забиралась на разные мелкие городишки – надеялась, что Лондон их слопает. Наконец добралась и отыскала Валентайна – кладоискатели мне говорили, что он обязательно явится посмотреть, как разбирают добычу. А дальше что? Какой-то балбес взял и помешал мне вырезать ему сердце, как он того заслуживает. – Эстер остановилась и повернулась к Тому лицом. – Если бы ты не сунулся, Валентайн был бы мертв, а я упала бы рядом и тоже умерла, и все мои мучения закончились бы!

Том уставился на нее. Глаза у него вдруг наполнились слезами, и он ничего не мог с этим поделать. Том ненавидел себя за то, что стоит перед ней таким дураком, но сдержаться было невозможно. Разом навалилось потрясение от всего происшедшего и сознание, что все его бросили. Горячие слезы потекли по щекам, промывая дорожки в грязи.

Эстер уже собиралась уходить, но тут остановилась и уставилась на Тома, как будто не понимала, что с ним творится.

– Ты плачешь! – тихо и удивленно сказала она наконец.

– Извини. – Том шмыгнул носом.

– А я никогда не плачу. Не умею. Когда Валентайн убил моих маму и

папу, и то не плакала.

– Что? – Голос Тома все еще дрожал от слез. – Мистер Валентайн никогда бы такого не сделал! Кэтрин сказала, он даже волчонка не смог застрелить. Ты врешь!

– А как же тогда ты здесь оказался? – спросила она насмешливо. – Он тебя столкнул, так? Всего лишь за то, что ты меня увидел.

– Врешь! – повторил Том.

Но он вспомнил, как большие ладони надавили ему на спину, как он падал и какой странный огонь горел в глазах археолога.

– Ну что? – спросила Эстер.

– Он меня столкнул! – потрясенно прошептал Том.

Эстер Шоу только плечами пожала, как бы говоря: «Видишь, какой он на самом деле?» Потом она отвернулась и пошла дальше.

Том побежал за ней.

– Я с тобой! Мне тоже надо в Лондон! Я тебе помогу!

– Ты?

Эстер хрипло засмеялась и сплюнула ему под ноги.

– Ты же вроде был за Валентайна? А теперь собрался помогать мне его убить?

Том замотал головой. Он сам не знал, чего хочет. Какая-то часть его сознания все еще цеплялась за надежду, что случилось ужасное недоразумение, а на самом деле Валентайн хороший. Он точно не хотел, чтобы Валентайна убили у него на глазах и бедная Кэтрин осталась сиротой… Но он же должен каким-то образом вернуться в Лондон, а в одиночку у него не выйдет. И потом, он чувствовал, что отвечает за Эстер Шоу. В конце концов, это из-за него ее ранили.

– Я помогу тебе идти, – сказал он. – У тебя нога болит. Я тебе нужен.

– Мне никто не нужен! – яростно ответила она.

– Мы вместе догоним Лондон, – пообещал Том. – Я состою в Гильдии историков. Меня послушают! Я все расскажу мистеру Помрою. Если Валентайн правда сделал то, что ты сказала, пусть отвечает по закону!

– По закону? – хмыкнула Эстер. – В Лондоне Валентайн сам – закон. Он же любимчик лорд-мэра! Он – Главный историк! Да он меня просто убьет, если я его первая не убью. Он и тебя убьет, я думаю. Вжжух!

Она сделала вид, что выхватывает шпагу и вонзает в грудь Тома.

Взошло солнце. Над мокрой землей поднимались завитки пара. Лондон все уменьшался. Обычно город, наевшись, останавливался на несколько дней, и в заторможенном мозгу Тома мелькнула мысль: «Куда это он спешит?»

Но тут Эстер споткнулась и упала – раненая нога подломилась. Том бросился ее поднимать. Она не сказала «спасибо», но и не оттолкнула. Том закинул ее руку себе на плечи и помог встать, и они вместе побрели дальше по взрытой земле, следуя за Лондоном на восток.

Глава 5
Лорд-мэр

На сто миль впереди восходящее солнце осветило Круговой парк – нарядное кольцо газонов и клумб вокруг Первого яруса. Блестели в рассветных лучах декоративные пруды и влажные от росы дорожки, сверкали шпили Клио-Хауса – виллы Валентайна, приютившейся на краю парка, среди темных кедров, словно забытая на берегу огромная витая раковина.

Кэтрин проснулась в своей комнате на верхнем этаже и лежала, глядя, как солнечный свет просачивается сквозь черепаховые ставни. Она чувствовала себя ужасно несчастной, хотя сперва и не понимала, отчего это.

Потом она вспомнила вчерашний день в Брюхе, внезапное нападение и как бедный симпатичный ученик-историк бросился в погоню за убийцей и погиб. Кэтрин бежала за отцом, но, когда добралась до мусорного желоба, все было уже кончено: ученик-инженер пятился, сам белее своего резинового плаща, а папа, бледный и разгневанный, стоял в окружении полицейских. Кэтрин никогда не видела его таким, и никогда он не говорил с ней таким неестественным, злым голосом. Он резко приказал ей идти домой.

Захотелось свернуться в комочек и снова заснуть, но Кэтрин должна была повидать отца – убедиться, что с ним все хорошо. Откинув одеяло, она встала и натянула на себя вчерашнюю одежду, которая валялась, скомканная, на полу. От одежды все еще пахло плавильными печами.

Сводчатый коридор за дверью спальни плавно шел вниз, закручиваясь, как будто был проложен внутри аммонита. Кэтрин сбежала на первый этаж, по дороге почтительно остановившись перед статуей Клио – богини историков. Статуя стояла в нише у входа в столовую. В соседних нишах лежали привезенные отцом из экспедиций сокровища: глиняные черепки, фрагменты компьютерных клавиатур и ржавые железные черепа Сталкеров – загадочных полумеханических солдат забытой войны. Их растресканные стеклянные глаза провожали Кэтрин злобными взглядами.

Отец пил кофе в атриуме – просторном открытом помещении в центре дома. Он в халате расхаживал между папоротниками в горшках, узкое длинное лицо было серьезно. Кэтрин по глазам поняла, что отец вообще не ложился.

– Папа? – позвала она. – Что случилось?

– А, Кейт! – Он подошел и крепко ее обнял. – Что за ночка!

– Бедный тот мальчик, – прошептала Кэтрин. – Бедный Том! Наверное… ничего не нашли?

Валентайн покачал головой:

– Убийца бросилась вниз и утащила его с собой. Они оба утонули в жидкой грязи, или их раздавило гусеницами.

– Ох… – выдохнула Кэтрин.

Она присела на край стола, не замечая, что Собака подошел и положил тяжелую голову ей на колени. «Бедный Том», – думала Кэтрин. Он был такой милый, так старался понравиться – и он ей действительно понравился. Она даже хотела попросить папу, чтобы пригласил его поработать в Клио-Хаус – тогда они с Собакой могли бы присмотреться к нему получше. А теперь он умер. Его душа отправилась в Страну, не ведающую солнца, а тело осталось лежать, холодное, на холодной земле.

– Лорд-мэр недоволен, – сказал Валентайн, глянув на часы. – В первый же день возвращения в Охотничьи Угодья в Брюхе разгуливает убийца. Лорд-мэр лично спустится сюда обсудить происшествие. Вот жду его. Посидишь со мной? Могу поделиться завтраком, если хочешь. Кофе на столе. Булочки, масло… У меня совсем нет аппетита.

У Кэтрин аппетита не было тоже, но она все-таки посмотрела на еду и вдруг заметила лежащий на дальнем конце стола потертый кожаный ранец. Его вчера выронила та девушка, убийца. Рядом было разложено содержимое, словно экспонаты в каком-то странном музее: металлическая фляга, аптечка, моток веревки, несколько полосок вяленого мяса, с виду жесткие, как язычки от старых ботинок, и мятый засаленный листок бумаги с прикрепленной к нему фотографией. Кэтрин взяла листок. Это оказалось удостоверение личности, выданное в городе под названием Строул, – грязное, затрепанное, распадающееся на части по сгибам. Прежде чем что-нибудь прочесть, Кэтрин задержала взгляд на фотографии и ахнула:

– Папа! Что у нее с лицом?

Валентайн обернулся и немедленно вырвал бумагу у нее из рук:

– Кейт, не трогай! Не надо тебе на это смотреть! Да и никому не надо…

Он достал из кармана зажигалку, аккуратно поджег уголок листа и держал над пепельницей, пока бумажка не сгорела дотла. Потом снова принялся расхаживать по комнате, а Кэтрин сидела и смотрела на него. За десять лет с тех пор, как приехала в Лондон, Кэтрин привыкла считать его не только отцом, но и лучшим другом. У них были одинаковые вкусы, они

смеялись над одними и теми же шутками, у них не было секретов друг от друга – а сейчас он что-то недоговаривал об этой девушке. Никогда еще Кэтрин не видела отца таким встревоженным.

– Кто она, папа? Ты ее встречал в экспедиции? Такая молоденькая и такая… Что же у нее случилось с лицом?

В коридоре послышались шаги, потом в дверь постучали и в комнату ворвался Пьюси.

– Шеф, лорд-мэр едет!

– Уже? – охнул Валентайн.

– Вроде того. Генч видел, катит на своем «жуке» через парк. С виду нерадостный.

У Валентайна тоже вид был нерадостный. Он подхватил брошенную на спинку кресла мантию и стал торопливо натягивать ее на себя. Кэтрин подошла помочь, но он отмахнулся. Тогда Кэтрин чмокнула его в щеку и убежала. Собака потрусил следом. Через большие овальные окна гостиной было видно, как в ворота въезжает белый казенный «жук». Впереди бежали солдаты в ярко-красных доспехах гвардейцев – личная охрана лорд-мэра. Они рассыпались по саду и застыли, словно безобразные садовые скульптуры. Тем временем Генч и еще кто-то из обслуги бросились открывать стекластиковый колпак «жука». Лорд-мэр вышел из машины и, размашисто шагая, направился к дому.

Магнус Кром почти уже двадцать лет властвовал в Лондоне, но до сих пор совсем не выглядел лорд-мэром. В учебниках истории, по которым училась Кэтрин, лорд-мэрами были веселые румяные толстяки, а Кром был тощий, как старая ворона, и притом вдвое угрюмее. Он даже не носил алую мантию, красу и гордость бывших лорд-мэров, а ходил по-прежнему в длинном белом резиновом плаще, с красным колесом – знаком Гильдии инженеров – на лбу. Прежние лорд-мэры убирали знак гильдии, показывая, что служат всему Лондону, но Кром, придя к власти, завел новые порядки. Если кто и говорил, что несправедливо одному человеку быть одновременно и лорд-мэром, и главой Гильдии инженеров, тем не менее все признавали, что Кром отлично руководит городом.

Кэтрин он никогда не нравился, хоть и благоволил к ее отцу. А сегодня утром она была совсем не в настроении общаться с лорд-мэром. Заслышав, как открывается диафрагма входной двери, Кэтрин отступила вглубь коридора и тихонько позвала за собой Собаку. Она остановилась за первым же поворотом и затаилась в неглубокой нише, успокаивающе поглаживая волка по голове кончиками пальцев. Кэтрин чувствовала, что с отцом случилось что-то плохое, и твердо решила: она не позволит и дальше

скрывать от нее правду, как от несмышленого ребенка.

Через несколько секунд у двери в атриум показался Генч.

Он поклонился, комкая шапку в руках.

– Сюда, ваше достопочтенное благородие! Осторожно, ваше мэрство, тут ступенька.

Сразу за Генчем вошел Кром. Постоял немного, поворачивая голову влево-вправо странным змеиным движением. Кэтрин показалось, будто по коридору пронесся морозный ветер с Ледяных Пустошей. Она плотнее вжалась в нишу, молясь Квирку и Клио, чтобы Кром ее не увидел. Она слышала его дыхание и как поскрипывает резиновый плащ. Потом Генч провел Крома в атриум. Кэтрин перевела дух.

Придерживая Собаку за ошейник, она подкралась к двери и прислушалась. В комнате раздавался папин голос. Кэтрин представила, как отец стоит возле декоративного фонтанчика, пока слуги усаживают Крома. Отец сказал было что-то светское о погоде, но его перебил холодный, тонкий голос лорд-мэра.

– Валентайн, я прочел отчет о ваших вчерашних похождениях. А ведь вы уверяли, что со всей семейкой разобрались.

Кэтрин отшатнулась от двери, словно обжегшись. Как смеет мерзкий старик говорить с ее папой таким тоном! Ей не хотелось больше ничего слышать, но любопытство пересилило. Кэтрин снова прижалась ухом к двери.

– … Призрак из прошлого, – говорил отец. – Не представляю, как она спаслась. И один Квирк знает, где она научилась ловкости и хитрости. Но сейчас она мертва, как и мальчишка, который ее поймал. Бедняга Нэтсуорти…

– Вы уверены?

– Кром, они упали за борт.

– Это ничего не значит. Мы сейчас движемся по мягкой почве; они вполне могли выжить. Нужно было послать людей проверить. Неизвестно, много ли девчонка знала о работе своей матери. Если она расскажет в каком-нибудь другом городе, что у нас есть МЕДУЗА, раньше чем мы будем готовы пустить ее в ход…

– Я понимаю, понимаю! – с досадой ответил Валентайн.

Кэтрин услышала скрип стула, на который с размаху уселся отец.

– Я возьму «Лифт на тринадцатый этаж», слетаю поищу тела…

– Нет, – отрезал Кром. – Вы с вашим дирижаблем нужны мне для другого. Полетите вперед. Проверьте обстановку между Лондоном и его местом назначения.

– Кром, это работа не для «Лифта», а для разведывательных кораблей Планового комитета…

– Нет! – снова оборвал его Кром. – Я не хочу, чтобы слишком много народу знало, куда направляется город. Узнают, когда придет время. К тому же есть одно задание, которое я могу доверить только вам.

– А девчонка? – спросил Валентайн.

– Не беспокойтесь, – ответил лорд-мэр. – У меня есть надежный агент, он выследит ее и закончит то, что вы не доделали. Займитесь лучше подготовкой дирижабля к полету, Валентайн.

Разговор был окончен. Кэтрин услышала, как лорд-мэр встает, собираясь уходить, и сбежала, пока не открылась дверь. В голове у нее крутился целый вихрь мыслей, словно в стиральной машине из музейного зала древних технологий.

У себя в комнате Кэтрин села и попробовала обдумать все, что только что услышала. Она надеялась разгадать загадку, а в результате тайн стало еще больше. Ясно одно: у папы есть секрет. Раньше он никогда ничего от нее не скрывал. Обо всем рассказывал, советовался, а сейчас шепчется с лорд-мэром, называя ту девушку призраком из прошлого. Какого-то агента отправят найти ее и доделать… Что доделать? Неужели Том и девушка-убийца в самом деле могут быть живы? И почему лорд-мэр отправляет папу на разведку, да еще с такой секретностью? И почему не хочет, чтобы знали, куда направляется Лондон? И что же такое эта МЕДУЗА?

Глава 6
Спидвелл

Весь день они брели вперед по краю рваного шрама, пропаханного Лондоном в мягкой земле Охотничьих Угодий. Город все еще виднелся вдали, только становился все меньше и меньше, уходя на восток. Том понял, что скоро город скроется за горизонтом, и на него накатило ощущение одиночества. Раньше ему не особо нравилась жизнь ученика-историка (третьего ранга), но сейчас годы, проведенные в Музее, казались прекрасным сном. Он уже соскучился по хлопотливому доктору Аркенгарту и напыщенному Чадли Помрою, по своей койке в продуваемой сквозняками общей спальне и по долгим часам работы, а еще он тосковал по Кэтрин Валентайн, хоть они и были знакомы всего несколько минут. Закрывая глаза, он ясно видел ее лицо, добрые серые глаза и чудесную улыбку. Наверняка она не знает, что за человек ее отец…

– Смотри, куда идешь! – сердито крикнула Эстер Шоу.

Том открыл глаза и понял, что чуть не утянул ее за край глубокой траншеи, оставленной гусеницами города.

Они все шли и шли, и Том начал склоняться к мысли, что больше всего скучает по еде. В гильдейской столовой кормили не слишком хорошо, но все-таки это лучше, чем ничего, а сейчас у него как раз ничего съедобного не было. Когда он спросил Эстер Шоу, чем они будут питаться, она ответила только:

– Жалеешь теперь небось, что потерял мой рюкзак, лондонский мальчик! У меня там была отличная вяленая собачатина.

Вскоре после того, как перевалило за полдень, они наткнулись на заросли полузасыпанных землей чахлых сероватых кустов. Эстер нарвала листьев и растерла их в кашицу между двумя камнями.

– Если их сварить, было бы вкуснее, – заметила она, когда они ели кошмарную слякотную массу. – В рюкзаке была растопка для костра.

Позже Эстер поймала лягушку в глубокой луже, скопившейся на дне колеи. С Томом она не поделилась, а он старался не смотреть, как она ест.

Он не знал, что и думать о своей спутнице. Она все больше помалкивала, а когда он пытался завести разговор, так яростно сверкала единственным глазом, что он предпочел тоже идти молча. Но иногда она вдруг заговаривала сама. Например, говорила: «Местность повышается. Значит, Лондон притормозит. Ехать в гору на полной скорости – слишком

много топлива уйдет». Потом через час-два: «Мама говорила, что движущиеся города – это глупость. Может, в них был смысл тысячу лет назад, когда постоянно случались землетрясения, извержения вулканов и ледники сползали к югу. А сейчас города просто катаются туда-сюда и жрут друг друга, а у людей ума не хватает остановиться».

Тому нравилось, когда Эстер нарушала молчание, хотя ее мама производила впечатление опасной противницы Движения. Но когда Том пробовал поддержать разговор, Эстер снова уходила в себя, рукой прикрывая лицо. Как будто в одном худеньком теле жили две Эстер: одна – мрачная мстительница, которая только и думает о том, как убить Валентайна, а другая – умная, живая, обаятельная девушка, изредка выглядывающая из-за исполосованной шрамами маски. Может, она немного не в себе? Как не спятить, когда у тебя на глазах убивают твоих родителей.

– Как это случилось? – тихо спросил он. – Я про твоих маму и папу. Ты уверена, что это Валентайн?..

– Заткнись и шагай давай, – оборвала она.

Но вечером, когда уже стемнело и они устроились в какой-то яме, спасаясь от холодного ночного ветра, Эстер вдруг начала рассказывать.

– Я родилась на голой земле, но там было не так, как здесь. Я жила на крайнем западе, на Дубовом острове. Когда-то он был частью Охотничьих земель, но от частых землетрясений местность вокруг затопило и получился остров. Голодные города не могли до него добраться, слишком далеко от берега, а города-амфибии тоже не могли подступиться, чтобы не напороться на рифы. Там было чудесно – зеленые холмы, и каменистые мысы, и ручьи в густых дубравах. Деревья все заросли седым лишайником, стояли лохматые, как старые собаки.

Тома передернуло. На голой земле живут одни дикари, это каждому лондонцу известно.

– Мне больше нравится, когда под ногами надежная прочная палуба, – сказал он.

Эстер будто не слышала. Она не могла остановиться, как будто слова сами сыпались из ее искореженного рта.

– У нас был город, назывался Данроуминг[2]. Раньше он тоже ездил, но жителям надоело вечно удирать от больших городов, они переплыли на Дубовый остров, сняли колеса и моторы и закопали среди холмов. Данроуминг уже больше ста лет стоит на острове, и не догадаешься, что когда-то он двигался.

– Это же ужасно! – ахнул Том. – Прямо в духе Лиги!

– Мои родители жили на отшибе, – продолжала Эстер, как будто он ничего и не говорил. – У них был дом на краю вересковой пустоши, у самого берега. Папа был фермером, а мама – историком, как ты. Только гораздо умнее, конечно. Каждое лето она улетала куда-нибудь на своем дирижабле, раскапывала разные предметы олд-тека, а осенью обязательно возвращалась. Зимой я приходила по вечерам к ней в кабинет на чердаке, мы ели гренки с сыром, и мама рассказывала мне о своих приключениях… А однажды, семь лет назад, я проснулась ночью, слышу – на чердаке голоса, о чем-то спорят. Я поднялась по лесенке, заглянула – а там Валентайн. Я его знала, они с мамой дружили, и он часто заходил в гости. Только в ту ночь он вел себя совсем не по-дружески. Все повторял: «Отдай мне машину, Пандора! Отдай МЕДУЗУ!» Меня он не заметил. Я выглядывала из люка и от страха не могла двинуться с места, ни вперед, ни назад. Валентайн стоял ко мне спиной, а мама – напротив. Она держала в руках ту самую машину. Мама сказала: «Иди к черту, Таддеус! Она моя, это я ее нашла». И тогда Валентайн выхватил шпагу… Он… Он…

Эстер умолкла, задыхаясь. Она не хотела говорить дальше, но волна памяти подхватила ее и тащила назад, к той ночи, той комнате, где брызги крови на маминых звездных картах – как будто новое созвездие.

– А потом он обернулся, и увидел меня, и бросился, а я отскочила, и его шпага только порезала мне лицо, а я грохнулась с лестницы. Наверное, он подумал, что убил меня. Я слышала, он подошел к маминому столу и стал рыться в бумагах, а я вскочила – и бежать. В кухне на полу лежал папа, он тоже был мертвый. Даже собаки были мертвые… Я выбежала из дома и увидела пришвартованный около нашего сада черный дирижабль Валентайна. Там ждали его люди. Они погнались за мной, но я удрала. Добежала до лодочного сарая, взяла папину лодку и уплыла. Вроде я хотела плыть в Данроуминг, позвать на помощь. Я была совсем маленькая, думала – доктор вылечит маму и папу. Но я так ослабла от боли, и крови столько вытекло… Отвязать лодку сил еще хватило, течением ее отнесло от берега… А после этого я помню только, как очнулась на берегу, уже в Охотничьих Угодьях… Я так и осталась там жить. Сначала я почти ничего не помнила. Как будто, когда он раскроил мне голову, половина воспоминаний вывалилась, а остальные перемешались. Но постепенно память начала возвращаться. Однажды я вспомнила Валентайна и то, что он сделал. Тогда я решила, что найду его и убью, как он убил маму с папой.

– А что это за машина была? – спросил Том после долгого молчания. – Что такое МЕДУЗА?

Эстер пожала плечами. (Том не увидел в темноте, но он *услышал*

движение плеч под замурзанным пальто).

– Какая-то из маминых находок. Какой-нибудь олд-тек. На вид ничего особенного. Металлический шар, с футбольный мяч размером, весь помятый и поцарапанный. А Валентайн из-за этого ее убил.

– Семь лет назад, – прошептал Том. – Как раз тогда мистера Валентайна сделали главой гильдии. Говорили, он что-то такое нашел на Поверхности, Кром был очень доволен и повысил его через голову Чадли Помроя и еще других. Но я ни разу не слышал, что же он там нашел. И о МЕДУЗЕ ничего не слышал.

Эстер молчала и через несколько минут начала похрапывать.

А Том долго сидел без сна, так и этак обдумывая ее рассказ. Вспоминал мечты, которые помогали ему пережить долгие скучные дни в Музее. Он воображал, как выслеживает преступника на Поверхности вместе с прекрасной девушкой. Только не представлял, до чего здесь мокро и холодно, и как болят ноги, и что убийцей окажется величайший герой Лондона. Что касается девушки…

Лунный свет озарял обезображенное лицо Эстер Шоу. Она хмурилась даже во сне. Сейчас Том лучше понимал ее. Она ненавидела Валентайна, но себя ненавидела еще сильнее – за то, что уродина и что осталась жива, когда ее родители погибли. Том вспомнил, что он сам чувствовал после Большого Крена, когда пришел домой и увидел, что дом раздавлен, а мамы и папы больше нет. Ему тогда казалось, что он каким-то образом виноват. Было стыдно, что он не умер вместе с ними.

«Надо ей помочь, – думал Том. – Я не позволю ей убить мистера Валентайна, но я найду способ рассказать всем правду. Если, конечно, это правда. Может, завтра Лондон чуть-чуть притормозит, а у Эстер нога будет меньше болеть. К закату мы вернемся в город, и кто-нибудь нас обязательно выслушает»…

Но назавтра, когда они проснулись, оказалось, что город ушел еще дальше, а состояние Эстер ухудшилось. Она стонала от боли, наступая на раненую ногу, лицо у нее стало цвета слежавшегося снега. Сквозь повязки сочилась кровь и стекала в сапог. Том ругал себя последними словами, что выбросил остатки рубашки и что из-за него Эстер потеряла рюкзак с аптечкой…

Ближе к полудню они сквозь пелену дождя увидели что-то впереди. Кучу шлака посреди широкой колеи, проложенной накануне Лондоном. Рядом остановился маленький городок. Подойдя ближе, Том и Эстер увидели, что по груде отходов карабкаются люди, просеивая оплавленные

куски металла и не до конца сгоревший уголь.

Обрадованные, они прибавили ходу и вскоре после полудня уже шли в тени огромных колес. Том, задрав голову, с удивлением рассматривал единственный ярус городка. В Лондоне многие дома были больше по размеру. Городок был деревянный и как будто построен очень странным плотником, который считает, что работать надо так: забил пару гвоздей, и сойдет. Здание муниципалитета походило на сарай, а за ним виднелись корявые дымовые трубы какого-то невиданного двигателя.

– Добро пожаловать! – прокричал, спускаясь с груды шлака, высокий седобородый старик в развевающейся коричневой мантии. – Добро пожаловать в Спидвелл! Я – мэр города, Орми Рейленд. Вы говорите по-англичански?

Эстер настороженно попятилась, а Том шагнул вперед. Старик ему показался вполне дружелюбным.

– Простите, сэр, нам бы поесть, и еще нужен доктор, посмотреть ногу моей подруги…

– Я тебе не подруга! – прошипела Эстер. – И с ногой у меня все в порядке.

А сама побелела и дрожит, и лицо блестит от пота.

– Доктора в Спидвелле все равно нету, – засмеялся Рейленд. – А насчет еды… Времена-то нынче тяжелые. Может, у вас что найдется на обмен?

Том похлопал себя по карманам. У него было немножко денег, но зачем Орми Рейленду лондонские деньги? Вдруг он нащупал что-то твердое. Сидюк, найденный в Брюхе! Том вытащил его и, проводив печальным взглядом, протянул старику. Он собирался когда-нибудь подарить вещицу Кэтрин, но сейчас еда была важнее.

– Красиво! Очень! – восхитился Орми Рейленд, любуясь радужными переливами на поверхности диска. – Пользы, правда, от него немного, ну да ладно, можете получить укрытие на пару-тройку ночей и еды маленько. Правда, еда не ахти какая, но все-таки лучше, чем ничего.

Старик не соврал: еда в самом деле была не ахти, но Том и Эстер накинулись на нее с жадностью и потом еще протянули миски за добавкой.

– В основном это делается из водорослей, – объяснил Орми Рейленд, пока его жена наплюхивала в миски добавку синеватой гущи. – Мы их выращиваем в чанах под главным машинным отделением. Гадость редкостная, но позволяет перебиться, пока с уловом негусто, а между нами, улов нынче жидкий, как никогда. Потому мы и обрадовались, когда наткнулись на эту вот гору мусора.

Том кивнул и откинулся на спинку стула, оглядываясь по сторонам. Комната была маленькая, тесная – совсем не похоже на жилище мэра. Хотя и сам Орми Рейленд ничуть не был похож на мэра. Обшарпанный старик руководил городом, населенным, казалось, сплошь его родственниками: сыновьями, дочерьми, внуками, племянниками и племянницами да их мужьями и женами, которых те нашли во встречных городах.

Но Рейленда такое положение вещей, как видно, не устраивало.

– Не так-то весело управлять движущимся городом, – повторял он. – Да-да, какое уж там веселье. Было время, когда городишко вроде Спидвелла мог спокойно разъезжать по своим делам. Другие города не стали бы связываться с такой мелочью. А сейчас – дело другое. Дичь повывелась, и каждый встречный норовит тебя слопать. На днях вообще пришлось удирать от мегаполиса. Из этих, французинскоговорящих, *вилль мобиль*. Я вас спрашиваю, зачем такому чудищу какой-то Спидвелл? На один зуб! Нет, погнались за нами.

– Наверное, ваш город очень быстрый, – сказал Том.

– О да! – заулыбался Рейленд.

А его жена прибавила:

– Развивает скорость до ста миль в час! Это все благодаря Рейленду. Он прямо волшебник, такие чудеса творит с двигателями.

– Вы нам не поможете? – Том подался вперед. – Нам очень нужно в Лондон поскорее. Вы, наверное, могли бы его догнать. Вдруг по дороге попадутся еще такие же кучи мусора…

– Боги с тобой, малыш! – Рейленд покачал головой. – Лондонские отходы не стоят того, чтобы за ними тащиться в такую даль. Нынче все пускают в повторную переработку, добычи-то мало. Эх, помню я, было время, когда отходы городов лежали грудами по всем Охотничьим Угодьям. Вот тогда было чем поживиться! Сейчас не то, совсем не то. И к тому же, – добавил он, передернувшись, – я не рискну подводить свой городишко близко к Лондону, и вообще к большим городам. Нету им веры. Возьмет да и схрумкает нас. Ам, и все! Нет уж.

Том кивнул, стараясь не выдать разочарования. Он покосился на Эстер, но она, низко опустив голову, то ли спала, то ли потеряла сознание. Том понадеялся, что это просто от усталости и сытной еды. Он привстал, собираясь проверить, все ли с ней в порядке, но тут Рейленд сказал:

– Знаешь, что я тебе скажу, малыш: мы вас подбросим до Ярмарки!

– Куда?

– Ярмарка! Там собираются мелкие городки, пара дней пути на юго-восток. Мы так и так хотели туда заехать.

– На Ярмарку съезжается много разных городов, – подхватила миссис Рейленд. – А если даже ни один не согласится доставить вас в Лондон, вы быстро найдете воздушного торговца, которому с вами будет по пути. Там всегда полно воздушных торговцев.

– Я… – Том запнулся.

Ему было как-то нехорошо. Комната словно качнулась, потом задергалась, как изображение на плохо настроенном визи-экране. Том посмотрел на Эстер: она сползла со стула на пол. С настенного алтаря ухмылялись домашние божки Рейлендов, и кажется, один из них проговорил голосом Орми:

– Конечно, Том, на Ярмарке обязательно найдется дирижабль, там всегда много дирижаблей…

Том упал на колени.

– Хочешь еще водорослей, милый? – спросила миссис Рейленд.

Ее голос доносился как будто издалека:

– Ужас, как долго не могло подействовать, правда, Орми?

И Том едва расслышал ответ Рейленда:

– Надо будет в следующий раз сыпать побольше, дорогая.

Потом завитки узора на ковре рванулись и оплели его и утащили в глубокий сон, мягкий, как вата. Ему снилась Кэтрин.

Глава 7
Верхний Лондон

Выше Первого яруса, выше оживленных магазинов Мэйфера и Пикадилли, выше Квирк-Серкус, где гордо высится на ребристой стальной колонне статуя спасителя Лондона, подобно железной короне, поддерживаемый мощными опорами, над городом нависает Верхний ярус. Это самый маленький и самый значительный из семи ярусов. Там стоят всего три здания, но это самые важные здания в Лондоне. Ближе к корме возносятся к небу башни городской Ратуши – там находятся офисы больших и малых гильдий, и там раз в месяц все они собираются на совет. Напротив – здание, где на самом деле принимаются важные решения: черный стеклянный коготь Инженериума. И между ними – собор Святого Павла, древний христианский храм; Квирк разобрал его на части и заново отстроил здесь, когда превратил Лондон в движущийся город. Сейчас собор выглядит уныло: весь в лесах и подпорках, он ведь не был рассчитан на переезды, и от тряски старинная кладка совсем расшаталась. Хотя скоро он снова откроется для публики. Гильдия инженеров обещала провести полную реставрацию. Если прислушаться, можно различить внутри стук молотков и жужжание дрелей.

Магнус Кром все это слышит, когда его «жук», негромко урча, проезжает в тени собора к Инженериуму. Слышит и улыбается затаенной улыбкой.

В Инженериум солнцу путь заказан – черные окна закрыты наглухо. Металлические стены озарены холодным неоновым светом, и в воздухе пахнет антисептиком – Кром вдыхает его с наслаждением после вони цветов и свежескошенной травы, от которой в Лондоне не продохнуть в этот теплый весенний день. Молоденькая ученица при виде лорд-мэра вытягивается по стойке смирно и склоняет обритую голову, услышав отрывистый приказ:

– Проводи меня к доктору Твикс.

Вагончик монорельса уже ждет. Ученица помогает лорд-мэру усесться, и его по плавной дуге поднимают в самое сердце Инженериума. Этаж за этажом проплывают мимо кабинеты, лаборатории, конференц-залы, за стенами матового стекла смутно виднеются причудливые механизмы. Всюду лорд-мэр видит своих согильдейцев за работой – они возятся с фрагментами олд-тека, проводят опыты на мышах и собаках,

мелькают стайки бритоголовых детей, которых привезли на экскурсию из гильдейских детских садиков Подбрюшья. Здесь, в светлом и ясном святилище гильдии, Магнус Кром чувствует себя спокойным и довольным. Сразу вспоминается, почему он так любит Лондон и готов любыми способами добиваться, чтобы город оставался в движении.

Много лет назад, еще учеником, он начитался мрачных прогнозов о том, что добычи становится все меньше, а значит Движению городов придет конец. И поставил целью своей жизни доказать, что они ошибаются. Зубами и когтями пробиться на самый верх гильдии, а затем и на трон лорд-мэра – это было только начало. Драконовские законы о вторичной переработке и строжайшем режиме экономии – всего лишь временная мера, чтобы заткнуть дыры. А сейчас Кром почти готов раскрыть свой истинный план.

Только нужно сперва убедиться, что девчонка Шоу больше не доставит неприятностей.

Вагончик с легким шорохом останавливается возле одной из верхних лабораторий. У входа переминается с ноги на ногу приземистая, плотная, как бочонок в белом халате, женщина. Эвадна Твикс числится одним из лучших инженеров Лондона. Хоть с виду она и похожа на чью-нибудь придурковатую тетушку и развесила у себя в лаборатории картинки с цветами и щенятами (в нарушение правил гильдии), зато в работе – совершенно беспощадна.

– Здравствуйте, лорд-мэр! – лебезит она, кланяясь. – Как чудесно, что вы к нам зашли! Решили навестить моих деточек?

– Хочу увидеть Шрайка, – резко отвечает Кром, проходя мимо, а она спешит за ним, словно листок, подхваченный ветром от промчавшегося города.

Они идут через лабораторию, мимо сгибающихся в поклоне инженеров, мимо сверкающих колб и пробирок, мимо столов, на которых со всем тщанием восстанавливают ржавые железные скелеты. Команда доктора Твикс уже долгие годы занимается изучением Сталкеров. Время от времени на просторах Необжитых земель попадаются эти Воскрешенные – а недавно появился новый материал для исследований, уже не просто жалкие останки.

– Вы закончили изучать Шрайка? – спрашивает Кром на ходу. – Его точно больше нельзя использовать?

– Ах, лорд-мэр, я узнала все, что только возможно! – щебечет доктор Твикс. – Он – совершенно удивительное изделие, но, к сожалению, слишком уж сложно устроен. У него почти сформировалась личность! Да

тут еще его странная одержимость той девушкой… Следующие модели будем делать попроще, я за этим прослежу. Приказать, чтобы его демонтировали?

– Нет. – Кром останавливается у круглой дверцы и нажимает кнопку, отчего дверь, жужжа, открывается. – Я намерен сдержать данное Шрайку слово. И у меня есть для него задание.

За дверью полумрак и пахнет машинным маслом. У дальней стены застыл высокий силуэт. Лорд-мэр перешагивает порог, и немедленно два больших зеленых глаза вспыхивают, словно фары.

– Мистер Шрайк! – бодрым тоном произносит Кром. – Как поживаем? Не разбудил?

– Я НИКОГДА НЕ СПЛЮ, – отвечает из темноты жуткий голос, резкий, как скрежет ржавых шестеренок.

Даже доктор Твикс, привычная к этому голосу, вздрагивает под своим резиновым плащом.

– ХОТИТЕ ЕЩЕ РАЗ МЕНЯ ОСМОТРЕТЬ?

– Нет, Шрайк, – отвечает Кром. – Помните, полтора года назад, когда вы только к нам попали, вы предупреждали меня? Насчет девицы Шоу?

– Я ГОВОРИЛ, ЧТО ОНА ЖИВА И НАПРАВЛЯЕТСЯ В ЛОНДОН.

– Как выяснилось, вы были правы. Она и в самом деле здесь появилась.

– ГДЕ ОНА? ПРИВЕДИТЕ ЕЕ КО МНЕ!

– Увы, это невозможно. Она спрыгнула в желоб для отходов. Вернулась на Поверхность.

В ответ раздается протяжное шипение, словно выходит пар.

– МНЕ НУЖНО ЕЕ ДОГНАТЬ.

Кром улыбается:

– Я надеялся, что вы это скажете. Для вас приготовили один из разведывательных дирижаблей гильдии, «Ястреб-девяносто». Пилоты будут следовать вдоль колеи, оставленной городом, пока вы не найдете то место, где выпала девчонка. Если она и ее спутник мертвы, все отлично. Если живы – убейте обоих, а трупы привезите мне.

– А ПОТОМ? – спрашивает жуткий голос.

– А потом, Шрайк, – отвечает Кром, – я исполню ваше заветное желание.

Странное время наступило для Лондона. Город по-прежнему мчался на большой скорости, словно преследуя добычу, но никаких других городов не было видно среди серых слякотных равнин северо-западной части

Охотничьих Угодий. Горожане терялись в догадках: что задумал лорд-мэр? Кэтрин слышала, как кто-то из прислуги ворчал: «Нельзя же так нестись очертя голову! Дальше к востоку попадаются большие города, они нас разжуют и косточки выплюнут!» Но экономка, миссис Мэллоу, прошептала в ответ: «Много ты понимаешь, Сьюки Блайндер! Вот скажи, разве не отправили в разведку самого мистера Валентайна? У них с Магнусом Кромом крупная добыча на прицеле, даже не сумлевайся!»

Может, и крупная, но никто не знал, что это за добыча. Когда Валентайн пришел домой обедать после очередного собрания в Гильдии инженеров, Кэтрин спросила:

– Почему тебя в разведку отправляют? Так нечестно! Это работа для навигатора, а не для лучшего в мире археолога!

Валентайн вздохнул с вселенским терпением:

– Кейт, лорд-мэр мне доверяет. И я скоро вернусь. Недели через три. Максимум через месяц. Давай-ка сходим в ангар, посмотрим, что там Пьюси и Генч сотворили с моим дирижаблем.

За долгие тысячелетия, прошедшие с Шестидесятиминутной войны, развитие воздухоплавания достигло таких высот, какие не снились даже Древним. «Лифт на тринадцатый этаж» построили для Валентайна по спецзаказу – на это ушла часть денег, полученных от Крома за найденные в Америке двадцать лет назад предметы олд-тека. Валентайн говорил, что лучшего дирижабля еще не бывало на свете, и Кэтрин не видела причин в этом сомневаться. Само собой, отец держал свой любимый дирижабль не в воздушной гавани Пятого яруса, вместе с простыми торговыми судами, а на частной пристани, совсем недалеко от Клио-Хауса.

Кэтрин и Валентайн прошлись к пристани по залитому солнцем парку. В ангаре и на металлической площадке перед ним толпились люди, приезжали и уезжали «жуки». Пьюси и Генч загружали в «Лифт» провизию на время предстоящего полета. Собака побежал вперед и обнюхал сложенные штабелями бочонки и ящики: мясные консервы, баллоны со сжиженным газом, лекарства, наборы для починки оболочки, крем от солнца, респираторы, огнеупорные комбинезоны, ружья, дождевики, теплые куртки, картографическое оборудование, переносные печки, запасные носки, пластиковые стаканчики, три надувные лодки и коробка с надписью: «Патентованные галоши Пинка – лучшая защита для вашего ботинка!»

В темноватом ангаре дожидался хозяина огромный дирижабль. Черный бронированный корпус был укрыт брезентом. У Кэтрин, как

всегда, быстрей забилось сердце при мысли, что этот громадный воздушный корабль унесет ее отца в небо, и стало грустно, что они расстаются, и страшно – вдруг папа не вернется.

– Если бы можно было мне полететь с тобой!

– Не в этот раз, Кейт, – сказал Валентайн. – Может быть, когда-нибудь.

– Потому, что я девочка? – спросила Кэтрин. – Это же все равно! В древности женщинам разрешали делать все то же, что и мужчины, и вообще, среди воздухоплавателей полно женщин-пилотов! У тебя у самого во время экспедиции в Америку была женщина-пилот. Я помню, я видела фотографии…

– Кейт, не в этом дело. – Отец обнял ее. – Просто в этот раз может быть опасно. Да и не хочу я, чтобы ты заделалась бродягой вроде меня. Лучше оставайся здесь, закончи школу и стань истинной леди из Верхнего Лондона. А главное, не дай Собаке опи́сать мои ящики с супом…

После того как Собаку оттащили от ящиков и как следует отругали, Кэтрин с отцом сели рядышком в тени ангара, и Кэтрин спросила:

– Так ты мне расскажешь, что это за важное и опасное задание?

– Я не должен никому говорить, – ответил Валентайн, поглядывая на нее искоса.

– Да ладно! – засмеялась она. – Мы же лучшие друзья, правда? Ты ведь знаешь, я не разболтаю. А мне так хочется узнать, куда поедет Лондон! В школе все уже голову сломали. Мы так давно движемся на восток на всех парах. Не остановились, даже когда съели Солтхук…

– Видишь ли, Кейт, – сдался отец, – Кром поручил мне собрать сведения о Шань-Го.

Шань-Го – это была главная страна Лиги противников движения, варварского альянса, контролирующего всю территорию Индии и то, что осталось от Китая. От голодных городов их защищала могучая горная цепь, а также болота вдоль восточной границы Охотничьих Угодий. Кэтрин проходила все это на уроках географии. Перейти через горы можно было только в одном месте, и на этом перевале стояла ужасная неприступная крепость под названием Батмунх-Гомпа, Щит-Стена. В первые века Эры Движения от ее пушек погибли сотни городов.

– А зачем? – удивилась Кейт. – Не поедет же Лондон туда!

– Я и не говорил, что поедет, – ответил Валентайн. – Но возможно, когда-нибудь возникнет необходимость в самом деле отправиться в Шань-Го и пробить оборону Лиги. Ты же знаешь, дичи все меньше. Наступит голод, и большие города начнут истреблять друг друга.

Кэтрин вздрогнула.

– Должно же быть какое-то другое решение! – возразила она. – Разве нельзя договориться с лорд-мэрами других мегаполисов?

Отец негромко засмеялся:

– Боюсь, Кейт, у муниципального дарвинизма другие законы. В нашем мире между городами идет борьба на выживание. Но ты не беспокойся, Кром великий человек, он найдет выход.

Кэтрин грустно кивнула. В папиных глазах снова появилось затравленное выражение. Он так ничего и не рассказал ей о девушке-убийце, а сейчас она чувствовала, что отец еще что-то от нее скрывает. Что-то связанное с предстоящей экспедицией и с планами лорд-мэра. Неужели все это взаимосвязано? Она не могла спросить прямо – тогда пришлось бы признаться, что она подслушивала.

Кэтрин спросила иначе, просто чтобы проверить, что он ответит:

– Это не из-за той ужасной девушки? Может, она была из Шань-Го?

– Нет, – сказал Валентайн, стремительно бледнея. – Она умерла, Кейт, не нужно больше о ней беспокоиться. Идем! – Он поспешно встал. – До моего отлета еще несколько дней, так давай насладимся ими на полную катушку. Будем сидеть у камина, есть гренки с маслом, вспоминать старые времена и не думать… об этой несчастной изуродованной девочке.

Пока они шли через парк, держась за руки, на них упала тень: от Инженериума отчалил «Ястреб-90».

– Видишь? – сказала Кэтрин. – У Гильдии инженеров есть собственные дирижабли. По-моему, это свинство, что Магнус Кром отнимает тебя у меня.

Но отец только заслонил глаза от солнца, глядя, как белый дирижабль описывает круг над Верхним ярусом и берет курс на запад.

Глава 8
Ярмарка

Тому снилась Кэтрин. Они шли рука об руку по знакомым музейным залам, только вокруг не было ни хранителей, ни гильдейцев-историков, и некому было сказать: «Вымой пол, Нэтсуорти» или «Протри стеклянные изделия сорок третьего века». Он показывал ей Музей, как будто собственные владения, а она улыбалась ему, слушая, как он рассказывает об устройстве дирижаблей и подробно объясняет огромный макет Лондона в разрезе. И все это время на заднем плане звучит причудливая жалобная музыка. Только придя в отдел естествознания, они поняли, что это поет синий кит.

Сон постепенно начал тускнеть, но песня синего кита еще звучала. Том лежал на вздрагивающем дощатом полу, со всех сторон высились дощатые стены. В щели между досками светило утреннее солнце. По потолку вились в безумном сплетении какие-то трубы и шланги. Это была водопроводная и канализационная система Спидвелла; ее-то бормотание и бульканье Том во сне принял за песню кита.

Он перекатился на бок и осмотрелся. У дальней стены крошечной комнатки сидела Эстер. Увидев, что Том проснулся, она ему кивнула.

– Где я? – простонал он.

– Я не знала, что люди на самом деле так говорят, – сказала Эстер. – Думала, это только в книжках пишут. «Где я?» Надо же.

– Нет, правда! – Том разглядывал грубо сколоченные стены и узкую железную дверь. – Мы все еще в Спидвелле? Что случилось?

– Еда, конечно, – ответила Эстер.

– В смысле, Рейленд подсыпал нам снотворное? Но зачем?

Том встал и по качающемуся полу пошел к двери.

– Не старайся, там заперто, – предупредила Эстер.

Том все равно подергал ручку. Точно, заперто. Он добрался до стены и выглянул в щелочку. Снаружи увидел узкую дощатую палубу. Картинка мигала, как на визи-экране, – по ней пробегали тени от огромного колеса. Мимо проносилась Поверхность, значительно более гористая, чем когда он в прошлый раз ее видел.

– Мы с рассвета движемся на юго-юго-восток, – устало объяснила Эстер, не дожидаясь, пока он спросит. – Может, и дольше, только я спала, как и ты.

– Куда нас везут?

– А я откуда знаю?

Том сполз на пол, привалившись спиной к подрагивающей стене.

– Значит, все… До Лондона, наверное, сотни миль! Теперь я никогда не вернусь домой!

Эстер молчала. Лицо у нее было белое, отчего шрамы выступали резче обычного. Доски пола вокруг раненой ноги пропитались кровью.

Время тянулось еле-еле. Час, другой. Изредка снаружи проходили люди, их мелькающие тени на миг заслоняли узкие полоски света. В трубах тихонько бормотало, словно они разговаривали сами с собой. Наконец раздался скрежет ключа в замке. Внизу в двери приоткрылось окошечко, и в комнату просунулось чье-то лицо.

– Все в порядке? – спросило лицо.

– В порядке? – заорал Том. – Ничего не в порядке!

Он плашмя бросился на пол рядом с дверью. Снаружи Рейленд, стоя на четвереньках, заглядывал в окошечко (Том подозревал, что изначально это была дверка для кошки). Дальше виднелись чьи-то ноги в сапогах – наверное, охранников.

– Зачем вы с нами так? – спросил Том. – Мы вам ничего плохого не сделали!

Старик смутился:

– Правда, мой милый, но времена нынче, понимаешь, тяжелые. Управлять движущимся городом – это тебе не шутки. Пробавляемся чем придется. Тут одно прихватишь, там другое… Вот и вас прихватили. В рабство продадим, вот оно дело какое. На Ярмарке будут рабовладельческие города, мы им вас и пристроим. Иначе никак. Нам нужны запчасти для двигателей, без них не уйти от мегаполисов…

– Продать нас? – Том слыхал о городах, где в машинном отделении используют рабский труд, но это казалось какой-то далекой экзотикой, что никогда его не коснется. – Меня нельзя продавать! Мне в Лондон вернуться надо!

– О-о-о, за тебя наверняка дадут хорошую цену, – сказал Рейленд, как будто Тома это должно было обрадовать. – Такой здоровенький, симпатичный парнишка! Мы тебе подберем хорошего владельца. Вот насчет подружки твоей даже не знаю: с виду она полумертвая, да и раньше, если честно, смотреть было не на что. Ну, может, получится продать вас одним комплектом; так сказать, «вторую бесплатно».

Мэр просунул в окошечко две миски – такие круглые, металлические миски, из каких обычно едят собаки. В одной была вода, в другой – все те

же синеватые водоросли.

– Ешьте! – жизнерадостно скомандовал Рейленд. – Надо, чтобы на аукционе вы появились бодрыми и упитанными. На Ярмарку мы прибудем к закату, а утречком продадим вас.

– Но… – начал Том.

– Я все понимаю, самому тошно, а что поделаешь? – вздохнул Рейленд. – Времена такие настали.

Окошечко в двери захлопнулось.

– А как же мой сидюк? – закричал Том.

Никто ему не ответил. Слышно было, как Рейленд переговаривается с охранником, потом голоса затихли. Том зачерпнул воды ладонями, напился и поставил миску перед Эстер.

– Надо удирать! – сказал он.

– Как?

Том осмотрелся. В дверь ломиться бесполезно, она заперта, да еще и охранник снаружи. Том рассматривал трубы под потолком, пока не заныла шея, но, хотя некоторые были настолько толстыми, что по ним бы мог проползти человек, Том не представлял, как в них забраться, и вообще – как допрыгнуть до них. И не хотелось бы ползать в той густой жиже, которая в них булькала. Он стал исследовать стены. Ощупал каждую досочку и наконец нашел одну, которая чуть-чуть расшаталась. Том стал ее расшатывать сильнее.

Дело продвигалось медленно и мучительно. Том насажал себе заноз, по лицу у него ручьями тек пот, и к тому же он вынужден был прерываться каждый раз, когда кто-нибудь проходил снаружи по палубе. Эстер молча наблюдала за ним. В конце концов Том начал злиться, что она даже не пробует помочь. И все-таки к вечеру, когда заходящее солнце окрасило все вокруг в красный цвет и город сбросил скорость, Том сумел проделать довольно большое отверстие – достаточно, чтобы просунуть голову.

Том выждал, пока не убедился, что поблизости никого нет, и выглянул наружу. Спидвелл ехал в тени высоких скал – остатков изгрызенной городами горной гряды. Впереди раскинулся природный амфитеатр – неглубокая впадина, окруженная скальными столбами, а в ней теснилось множество городов. Том никогда не видел столько торговых поселков и деревушек сразу.

– Приехали! – объявил он. – Вот она, Ярмарка.

Спидвелл постепенно замедлял ход, пробираясь на свободное место между обшарпанной парусной деревенькой и городком чуть побольше. Том слышал, как с других городов окликают Спидвелл, расспрашивают, откуда

он прибыл и что привез на продажу.

– Металлолом! – крикнула в ответ миссис Рейленд. – Немного древесины, красивый сидюк и двух отличных, крепких молодых рабов!

– О Квирк! – пробормотал Том, изо всех сил стараясь расширить дыру.

– Все равно не пролезем, – заметила Эстер.

Она всегда ожидала худшего и обычно оказывалась права.

– Лучше бы помогла, чем так сидеть! – огрызнулся Том и сразу пожалел о своих словах.

Видно было, что Эстер совсем плохо. Что будет, если у нее не хватит сил на побег? Нельзя же удрать одному, а ее бросить! Но если Том останется, его продадут в рабство на какой-нибудь мерзкий городишко!

Он постарался не думать об этом, сосредоточившись на работе. Тем временем стемнело, в небо поднялась луна. Со всех сторон доносились музыка, и смех, и топот бегущих – жители Спидвелла спешили повеселиться на борту других городов. Том дергал доски, царапал их ржавым гвоздем, но все без толку. Наконец он в отчаянии обернулся к Эстер и зашептал:

– Пожалуйста, помоги!

Она встала, покачнулась и нетвердыми шагами подошла к нему. Вид у нее был больной, но не настолько, как боялся Том. Наверное, она копила силы к ночи, когда темнота поможет убежать. Эстер ощупала края дыры и кивнула. Потом, навалившись всем весом на плечо Тома, размахнулась здоровой ногой и пнула стену – раз, потом еще, древесина трещала, щепки летели во все стороны, и на третий раз целый кусок стены отвалился. Доски рассыпались по палубе.

– Я бы и сам так мог! – Том рассматривал пролом, изумляясь, почему он до этого не додумался.

– Мог, да не сделал, правда?

Эстер попыталась улыбнуться. Том впервые видел ее улыбку: перекошенную, но удивительно приятную. От этого казалось, что Эстер наконец-то начинает хорошо к нему относиться и больше не считает досадной помехой.

– Ну пошли, что ли, – сказала Эстер.

За сто миль от них Шрайк что-то замечает на озаренной луной равнине. Он дает знак пилотам-инженерам, и те, кивнув и недовольно ворча, начинают снижение.

– Что там еще? Долго мы будем летать туда-сюда над колеей, пока он наконец признает, что сопляки убились насмерть?

Но ворчат они тихонько, потому что боятся Шрайка.

Открывается люк, и Шрайк спускается на землю. Водит зелеными глазами из стороны в сторону и наконец находит то, что искал: клочок белой ткани от разорванной рубашки, намокший от дождей, полузасыпанный глиной.

– ЗДЕСЬ БЫЛА ЭСТЕР ШОУ, – объявляет Шрайк в пространство и начинает вынюхивать ее запах.

Глава 9
«Дженни Ганивер»

Поначалу казалось, что удача им улыбается. Том и Эстер быстро пробрались по слабо освещенной палубе и нырнули в тень огромного колеса. Вокруг виднелись темные очертания других городов со светящимися окнами, а у одного шахтерского городка на верхней палубе пылал большой костер – там вовсю веселились.

Беглецы прокрались к сходням, перекинутым на соседний торговый городок. Охрана там не дежурила, но сходни были ярко освещены. Как только Том и Эстер сошли на палубу соседей, сзади раздался оклик:

– Эй!

А потом уже громче:

– Эй-эй! Дядя Рейленд! Рабы удирают!

Они бросились бежать, – вернее, Том побежал, волоча Эстер за собой, а она на каждом шагу поскуливала от боли. Вверх по лестнице, потом по мостику, мимо храма Перипатетии – богини странствующих городов, – и вот они выскочили на рыночную площадь, уставленную рядами железных клеток. В некоторых клетках сидели в ожидании продажи тощие заморенные рабы. Том заставил себя притормозить, стараясь не привлекать внимания и прислушиваясь, нет ли погони. Погони слышно не было. Может, Рейленды махнули на них рукой, а может, ловить рабов в чужих городах запрещалось, – Том не знал, какие правила приняты на Ярмарке.

– Идем к носу. – Эстер выпустила его руку и подняла воротник пальто, скрывая лицо. – Если повезет, в носовой части будет воздушный причал.

Им повезло. На верхнем ярусе на возвышении были причалены с полдюжины небольших дирижаблей. В темноте наполненные газом оболочки напоминали сонных китов.

– Мы украдем дирижабль? – прошептал Том.

– Нет, разве только ты умеешь его водить, – через силу проговорила Эстер. – Видишь, там кафе для летчиков? Попробуем заказать перелет, как нормальные люди.

Кафе размещалось в старой ржавой гондоле от дирижабля, привинченной к палубе. У входа под полосатым тентом стояли несколько металлических столиков. Внутри горели керосиновые лампы и пожилой летчик дремал, развалившись в кресле. Кроме него, была только одна посетительница – зловещего вида восточная женщина в длинном красном

кожаном пальто. Она сидела в темном углу возле стойки бара – несмотря на темноту, в черных очках. Крошечные стеклышки поблескивали, как надкрылья жука. Она обернулась, когда Том подошел к стойке, и уставилась на него.

За стойкой крошечный человечек с огромными вислыми усами протирал стаканы. Он не проявил интереса, когда Том сказал:

– Мне нужен дирижабль.

– Куда?

– В Лондон, – ответил Том. – И чтобы вылет сегодня.

– Лондон, говорите? – Усы человечка дернулись, как будто под носом у него сидели две белки и помахивали хвостами. – Там разрешают причаливать только судам с лицензией от лондонской Гильдии купцов. У нас таких не водится. Стейнс – не того уровня город.

– Возможно, я вам помогу? – послышался у Тома за плечом негромкий вкрадчивый голос с иностранным акцентом.

Женщина в красном пальто незаметно подошла к нему вплотную: красивая, поджарая, с белыми прядками в коротко остриженных черных волосах, словно полоски у барсука. В темных стеклах ее очков плясали отражения керосиновых ламп, а когда она улыбнулась, стало видно, что ее зубы испачканы красным.

– У меня нет лондонской лицензии, но я направляюсь в Воздушную Гавань. Там вы найдете корабль, который довезет вас до места. Деньги у вас есть?

О деньгах Том не подумал. Он порылся в карманах и выудил две мятые банкноты с изображением Квирка на лицевой стороне; с оборота сурово взирал Магнус Кром. Том сунул их в карман в тот самый вечер, когда захватили Солтхук, – надеялся потратить на празднике в Кенсингтонском саду. Здесь, в свете чадящих керосиновых ламп, эти бумажки казались неуместными, словно игрушечные деньги.

Женщина в красном пальто, кажется, тоже так думала.

– А-а-а, – сказала она, – двадцать квирков. Их только в Лондоне и можно потратить, а бедной небесной бродяжке вроде меня они без надобности. Может, у вас есть золото? Или что-нибудь из олд-тека?

Том пожал плечами и промямлил нечто невнятное. Краем глаза он заметил, что между столиков проталкиваются новые посетители.

Один из них крикнул:

– Дядя Рейленд, смотри! Вон они! Попались!

Оглянувшись, Том увидел приближающегося Рейленда и пару его ребят с тяжелыми дубинками. Он схватил за руку Эстер – та прислонилась

к стойке бара почти в обмороке. Кто-то из Спидвелла метнулся наперерез, но ему заступила дорогу женщина в красном пальто.

– Это мои пассажиры! Мы как раз договаривались об оплате.

– Они мои рабы! – заорал Рейленд, отталкивая ее. – Том Нитсуорти и его подружка. Все честно, мы их на Поверхности нашли. Что нашел, то твое…

Том потащил за собой Эстер через металлическую площадку перед кафе, мимо лестницы, ведущей к причалам. Сзади перекрикивались между собой люди Рейленда – они разделились, отыскивая беглецов. Потом вдруг раздался хруст и грохот, как будто кто-то из них упал. «Хорошо», – подумал Том, но он понимал, что остальные скоро его найдут.

Он потянул Эстер по железной лесенке вверх, на причал. У некоторых висящих на якоре дирижаблей в иллюминаторах горел свет. Мелькнула смутная мысль ворваться на первый попавшийся дирижабль и потребовать, чтобы их отвезли в Лондон. Только ничего похожего на оружие у него не было, и найти что-нибудь подходящее он не успевал – металлические ступеньки зазвенели под шагами и голос Рейленда произнес:

– Мистер Нитсуорти, ну будьте посговорчивей! Не хотелось бы вас поранить. Фред! – позвал он. – Тут они, гаденыши! Фред?

Надежда покинула Тома. Бежать было некуда. Он безвольно смотрел, как Рейленд выходит в пятно света из иллюминатора, как замахивается дубинкой… Эстер со стоном привалилась к лебедке на причале.

– Все справедливо, – заявил Рейленд, как будто решил, что Эстер его упрекает. – Мне все это рабство тоже не по душе, но времена нынче трудные, и вы же не будете спорить, мы вас все-таки поймали…

Эстер вдруг с невероятной быстротой выдернула из лебедки металлический стержень и, размахнувшись, ударила. Дубинка вылетела из рук Рейленда и со звоном покатилась по палубе. Удар пришелся Рейленду вскользь по виску.

– А-а-а! – завопил старик, падая.

Эстер снова замахнулась, но не успела опустить свое оружие на голову Рейленда – Том перехватил ее руку.

– Стой! Ты его убьешь!

– И что? – Эстер обернулась, оскалив кривые зубы, словно безумная мартышка. – И что?

– Дорогая, он прав, – послышался негромкий голос. – Приканчивать старика нет необходимости.

К ним подошла женщина из бара. Полы красного пальто развевались на ходу.

– Давайте поднимемся ко мне на корабль, пока не набежали его помощнички.

– Вы говорили, у нас денег не хватает, – напомнил Том.

– Не хватает, мистер Нитсуорти, – ответила летчица. – Но не могу же я спокойно смотреть, как вас продадут? Я сама была в рабстве, никому не посоветую.

Она сняла очки. Глаза у нее оказались темные, миндалевидные, в уголках веселые морщинки, когда улыбается.

– К тому же вы меня заинтриговали. Почему мальчик из Лондона шатается по Охотничьим Угодьям и влипает в неприятности?

Она протянула Тому руку – узкую, смуглую, с проступающими косточками и сухожилиями под тонкой кожей.

– А откуда нам знать, что вы нас не предадите, как Рейленд? – спросил Том.

Она засмеялась:

– Ниоткуда, конечно! Придется просто мне поверить.

Тому казалось, что после Валентайна и Рейленда он никогда в жизни никому не поверит, но, кроме этой непонятной иностранки, надеяться было не на кого.

– Ладно, – сказал он. – Только Рейленд переврал, как меня зовут. Моя фамилия – Нэтсуорти.

– А моя – Фанг, – сказала летчица. – Мисс Анна Фанг. – Она так и стояла с протянутой рукой, как будто хотела приручить дикую зверюшку, и по-прежнему улыбалась пугающей алой улыбкой. – Мой корабль у шестого причала.

Том и Эстер пошли за ней, и в тенях под причалами они наткнулись на приятелей Рейленда. Те валялись, привалившись к столбу и свесив головы, как пьяные.

– Что с ними? – прошептал Том.

– В отключке, – ответила мисс Фанг. – Боюсь, я немного не рассчитала силу.

Том хотел задержаться и проверить, живы ли эти люди, но Анна Фанг подтолкнула его вперед. Они поднялись по железной лестнице на шестой причал. Воздушный корабль оказался совсем не похож на элегантный клипер, каким его представлял Том. По сути, это была просто потертая ярко-красная оболочка, заполненная газом, и пара ржавых двигателей, привинченных к деревянной гондоле.

– Он из мусора сделан! – изумился Том.

– Из мусора? – засмеялась мисс Фанг. – Да что ты, «Дженни

Ганивер»[3] сделана из фрагментов лучших дирижаблей в истории! Оболочка из силиконового шелка – от клипера из Шань-Го, двигатели Жёне-Каро – с парижского штурмовика, газовые баллоны повышенной прочности – от боевого аэростата со Шпицбергена… Поразительные вещи можно отыскать на свалках…

Она провела их по сходням в тесную, пахнущую пряностями гондолу. Та представляла собой просто узкий деревянный цилиндр, с приборной доской впереди и каютой мисс Фанг в задней части и еще несколькими малюсенькими каютами посередине. Тому все время приходилось пригибать голову, чтобы не стукнуться о шкафчики под потолком и свисающие пучками кабели. Летчица между тем порхала по гондоле с легкостью, что-то бормоча себе под нос на непонятном языке, щелкая переключателями, дергая за рычажки и включая мерцающие зеленоватым светом приборы, отчего в кабине стало как в аквариуме.

Заметив тревогу Тома, мисс Фанг засмеялась:

– Это аэросперанто, всеобщий язык воздухоплавателей. На птичьих дорогах бывает одиноко, вот я и завела привычку разговаривать сама с собой…

Она сдвинула последний рычаг, и гондола наполнилась скрипом вентилей и шипением газа, проходящего через клапаны. С лязганьем раскрылись причальные магнитные зажимы.

Затем ожил радиоприемник. Сквозь треск помех раздался резкий голос:

– «Дженни Ганивер», говорит управление воздушной гавани Стейнса. Вы не получили разрешения на вылет!

Но «Дженни Ганивер» уже отвалила от причала. У Тома желудок перекувырнулся, когда дирижабль взмыл в ночное небо. Том подскочил к иллюминатору. Городок быстро уходил вниз. Показался Спидвелл, а потом вся Ярмарка раскинулась под ними, словно макет в Музее.

– «Дженни Ганивер»! – надрывался радиоприемник. – Немедленно вернитесь к пристани! К нам поступило требование от городского совета Спидвелла выдать ваших пассажиров, иначе они будут вынуждены…

– Надоели! – пропела мисс Фанг и выключила радио.

Самодельная ракетная установка на крыше муниципалитета Спидвелла выплюнула им вслед рой снарядов. Три без всякого вреда просвистели мимо, четвертый задел по касательной скулу правого борта, так что гондола закачалась, будто маятник, пятый прошел совсем близко – Анна Фанг только бровью повела, а Том и Эстер бросились искать укрытие, как перепуганные кролики. Потом дирижабль ушел так далеко, что

выстрелы уже не доставали. «Дженни Ганивер» поднималась все выше в холодное ясное небо. Ярмарка осталась далеким светящимся пятном, едва проглядывающим сквозь облака.

Глава 10
«Лифт на тринадцатый этаж»

Ночью в Лондоне шел дождь, но к рассвету небо стало ясным и прозрачным, как озеро в безветренный день. Дым от городских моторов поднимался прямо вверх. Мокрые палубы серебристо поблескивали в лучах восходящего солнца. Флаги на Первом ярусе бессильно повисли. Сбылись надежды Валентайна и страхи Кэтрин – день был идеальный для полета.

Несмотря на раннее время, вдоль края Первого яруса толпился народ. Пока «жук» с Генчем за рулем ехал к воздушной пристани, Кэтрин увидела, что и Круговой парк переполнен зрителями. Казалось, весь Лондон пришел проводить Валентайна. Никто, конечно, не знал, куда он направляется, но слухи носились по всему городу. Лондонцы не сомневались, что экспедиция Валентайна как-то связана с великолепной добычей, на которую рассчитывает лорд-мэр.

Для муниципалитета и гильдий установили временные трибуны. Кэтрин попрощалась с отцом в ангаре, среди деловитой суеты, и заняла свое место на трибунах рядом с другими историками, втиснувшись вместе с Собакой между Чадли Помроем и доктором Аркенгартом. Вокруг стояли самые выдающиеся граждане Лондона: папины коллеги-историки в строгих черных мантиях, члены Гильдии купцов в фиолетовых одеждах, серьезные навигаторы в зеленых куртках и стройные ряды инженеров, с ног до головы одетых в белую резину, будто огромные сувенирные ластики. Даже Магнус Кром в честь торжественного события нацепил на свою тощую шею старинную золотую цепь лорд-мэра.

Кэтрин была бы рада, если бы все эти люди спокойно остались дома. Трудно прощаться с близким человеком, когда стоишь в огромной толпе, где все кричат «ура» и машут флажками. Она погладила Собаку по голове и шепнула в мохнатое ухо:

– Смотри, вон папа поднимается по сходням. Сейчас запустят моторы.

– Хоть бы все прошло без сбоев, – пробормотал доктор Аркенгарт. – Столько рассказывают о том, как дирижабли взрываются ни с того ни с сего.

– Может, нам отойти подальше? – всполошилась мисс Плим, хлопотливая хранительница отдела мебели.

– Ерунда! – сердито сказала Кэтрин. – Не будет никаких сбоев.

– Да уж, Аркенгарт, помолчи, старый пень! – неожиданно поддержал ее Чадли Помрой. – Не волнуйтесь, мисс Валентайн, у вашего отца самый лучший дирижабль и самые умелые пилоты в мире! Никаких сбоев.

Кэтрин благодарно ему улыбнулась, но все-таки скрестила пальцы. Собака, почуяв ее настроение, тихонько заскулил.

Из ангара донесся стук захлопывающихся люков и отодвигаемых сходней. Трибуны затихли в ожидании. Верхний Лондон на миг перестал дышать. А потом оркестр грянул «Правь, Лондиниум» и механики Валентайна вытянули на свет «Лифт на тринадцатый этаж» – черную глянцевую стрелу, чья армированная оболочка блестела, словно шелк. На корме гондолы, на небольшом балкончике, стоял Валентайн и махал рукой, приветствуя механиков и пестрящие флагами трибуны. Потом он улыбнулся Кэтрин, мгновенно и безошибочно выделив ее лицо в общей толпе.

Она отчаянно замахала в ответ, а толпа орала, надсаживая глотки. Моторы «Лифта на тринадцатый этаж» медленно развернулись, занимая нужное положение для взлета. Техники отцепили причальные канаты, закрутились пропеллеры, и огромная махина поднялась в воздух в вихре конфетти. Ученики-историки развернули транспарант с надписью «Валентайнов день!». Толпа вопила так, словно не сомневалась, что дирижабль держится в воздухе только силой их любви: «Ва-лен-тайн! Ва-лен-тайн!»

А Валентайн не обращал внимания на шум и развевающиеся флаги. Он не сводил глаз с Кэтрин, подняв руку в прощальном приветствии, пока дирижабль не поднялся так высоко, что человека на борту невозможно стало разглядеть.

Наконец «Лифт» превратился в крохотную точку. Трибуны понемногу пустели. Кэтрин вытерла глаза, взяла Собаку за поводок и пошла домой. Она уже тосковала по отцу, но у нее был план. Она проведет собственное расследование и узнает, кто была та загадочная девушка и почему отец так ее испугался.

Глава 11
Воздушная Гавань

Том помылся, выспался, наелся, и ему начало казаться, что приключения, пожалуй, не так уж и плохи. К утру он почти забыл мучения пешего похода и заточение в Спидвелле. Из обзорных окон на носу «Дженни Ганивер» открывался такой вид, что дух захватывало. Облака в лучах рассвета были похожи на золотые горы, и даже боль от предательства Валентайна поблекла рядом с этим зрелищем. За завтраком, попивая с мисс Фанг горячий шоколад, он уже вовсю наслаждался жизнью.

Как только «Дженни Ганивер» отдалилась от Спидвелла на безопасное расстояние, летчица стала просто лучиться добротой и улыбками. Она задала курс дирижаблю и принялась устраивать Тома со всеми возможными удобствами: нашла для него теплую куртку с подкладкой из овечьей шерсти, соорудила ему постель в грузовом отсеке – небольшом помещении в верхней части оболочки, где лежала партия тюленьих шкур со Шпицбергена. Затем Анна Фанг отвела Эстер в медицинский отсек и обработала ее рану. После завтрака Том заглянул туда: Эстер крепко спала, укрытая белым одеялом.

– Я ей дала обезболивающее, – объяснила мисс Фанг. – Она проспит несколько часов, не нужно о ней беспокоиться.

Том рассматривал лицо спящей Эстер. Почему-то ему казалось, что, умытая, накормленная и выздоравливающая, она похорошеет, но, конечно, этого не случилась. Она была так же уродлива, как и всегда.

– Исковеркал он ее, ваш подлый мистер Валентайн, – сказала летчица, возвращаясь вместе с Томом к приборной доске и снова переводя дирижабль с автоматического на ручное управление.

– Откуда вы знаете про мистера Валентайна? – спросил Том.

– О, про Таддеуса Валентайна все слышали! – засмеялась она. – Я знаю, что он самый известный историк в Лондоне, а еще я знаю, что это только прикрытие для его настоящей работы: секретным агентом Крома.

– Неправда! – Том инстинктивно бросился защищать бывшего своего героя.

Но на самом деле давно уже ходили слухи, что экспедиции Валентайна связаны не только с археологией, а еще и с какими-то темными делами. Теперь, увидев, насколько беспощадным может быть великий человек, Том верил этим слухам. Он покраснел. Было стыдно за Валентайна и за себя

самого – стыдно, что так им восхищался.

Мисс Фанг наблюдала за ним с легкой сочувственной улыбкой.

– Эстер вчера о многом рассказала, пока я занималась ее раной, – мягко сказала летчица. – Вам обоим очень повезло, что вы остались в живых.

– Знаю, – кивнул Том, хотя ему и стало не по себе оттого, что Эстер откровенничала с незнакомым человеком.

Он сел в кресло второго пилота и стал разглядывать приборную доску: ряды кнопок, рычажков и переключателей с подписями на смеси аэросперанто, китайского и англичанского. Выше на переборке был укреплен маленький лакированный алтарь, украшенный красными ленточками и фотографиями предков мисс Фанг. Вот этот улыбающийся летчик-маньчжур – наверное, ее отец. А та рыжеволосая уроженка Ледяных Пустошей – ее мама?

– Так скажи мне, Том, – спросила мисс Фанг, задавая дирижаблю новый курс, – куда направляется Лондон?

Такого вопроса Том не ожидал.

– Не знаю!

– Ну хоть что-нибудь ты должен знать! – засмеялась она. – Твой город столько времени отсиживался на западе, а теперь вдруг вылез из укрытия и мчится к центру Охотничьих Угодий, как говорится, во все гусеницы. Слышал же ты какие-нибудь слухи? Нет?

Она скосила на Тома узкие глаза, а он нервно облизнул губы, не зная, что ответить. Он никогда не прислушивался к глупому трепу других учеников о том, куда же на самом деле движется Лондон. Том правда ничего не знал об этом. А если бы и знал, нельзя выдавать планы родного города таинственным восточным летчицам. Что, если мисс Фанг за вознаграждение передаст эти сведения какому-нибудь мегаполису и тот устроит засаду? Но что-то сказать все-таки надо, иначе она возьмет да и вышвырнет его с дирижабля – может, даже не дожидаясь приземления!

– Добыча! – выпалил Том. – Гильдия навигаторов считает, что в центральной части Охотничьих Угодий очень-очень много добычи!

Алая улыбка стала еще шире.

– Да неужели?

– Я слышал об этом от Главного навигатора, – осмелев, заявил Том.

Анна Фанг кивнула, ослепительно улыбаясь. Потом она потянула за медный рычаг. Внутри оболочки зарокотали газовые клапаны, и у Тома заложило уши: «Дженни Ганивер» пошла на снижение, погружаясь в пухлые белые облака.

– Позволь, я тебе покажу центральную часть Охотничьих Угодий, – усмехнулась мисс Фанг, сверяясь с приколотыми к переборке возле семейного алтаря картами.

Вниз, вниз. Облака поредели и расступились, и перед Томом раскинулась Поверхность, словно мятый лист серо-бурой бумаги, пересеченный узкими голубыми полосами там, где вода наполнила колеи, проложенные бесчисленными городами. Впервые с тех пор, как дирижабль поднялся в воздух, Тому стало страшно, но мисс Фанг сказала негромко:

– Не бойся, Том.

Он успокоился и стал рассматривать удивительный пейзаж. Далеко к северу он различил холодный блеск Ледяных Пустошей и темные конусообразные вершины огненных гор Тангейзера. Том искал глазами Лондон и, кажется, наконец нашел: крохотная серая крапинка ползла вперед, поднимая тучу пыли, гораздо дальше к востоку, чем надеялся Том. Там и сям на равнине виднелись и другие города – они двигались по открытому пространству или таились в тени полуобглоданных горных цепей, но их было совсем не так много, как он ожидал. На юго-востоке городов совсем не было, только грязноватый слой тумана над болотами, а за ним – серебристое мерцание воды.

– Это великое Хазакское море, – объяснила мисс Фанг, когда Том показал ей на него. – Наверняка ты слышал старинную песенку.

И она высоким мелодичным голосом пропела:

– «Бойся, бойся Хазакского моря, возле него хлебнешь ты горя»…

Том не слушал. Он увидел нечто намного страшнее любых морей.

Прямо под ними лежал мертвый город. Крошечная тень «Дженни Ганивер» скользила по скелетообразным останкам его опорных конструкций. Земля вокруг была изрезана колеями. Мертвый город накренился набок, и, когда «Дженни Ганивер» еще снизилась, Том разглядел, что гусеницы и машинное отделение с города уже сняли, а палубу разбирает на части толпа городков помельче. Они суетились вокруг нижних ярусов, отрывая челюстями громадные ржавые листы металла и высаживая партии мусорщиков. В темных провалах между ярусами вспыхивали и рассыпались искрами огоньки сварки, словно елочная гирлянда на праздник Пришествия Квирка.

Над одним городком вспухли клубы дыма. Ракета понеслась к дирижаблю по закрученной винтом траектории и взорвалась, не долетев пару сотен футов. Руки мисс Фанг запорхали над приборной панелью. Корабль снова пошел вверх.

– Половина мусорщиков Охотничьих Угодий трудятся над обломками

Моторополиса, – сказала мисс Фанг. – Они ребята жадные. Стреляют в каждого, кто приблизится, а если никто из посторонних не суется, то друг в друга.

– Почему он погиб? – спросил Том, оглядываясь на громадный остов, от которого их уносила «Дженни Ганивер».

– От голода, – ответила летчица. – Топливо закончилось, и он остался обездвиженным. Тут же налетели мелкие городишки и растащили его на части. Кормились около него несколько месяцев. Я думаю, скоро появится еще один мегаполис и подберет то, что они не успели загрести. Видишь, Том, – в центральной части Охотничьих Угодий добычи на всех не хватает. Уж точно Лондон стремится не за этим.

Том все не мог оторвать глаз от мертвого города. Стая хищных поселков дачного типа напала на города-мусорщики с северо-запада, отогнала в сторону самый слабый и медленный и пустилась в погоню. Том не увидел, чем дело закончилось, – «Дженни Ганивер» поднялась выше облаков, туда, где светло и чисто, и останки Моторополиса скрылись из виду.

Когда Анна Фанг снова повернулась к Тому, она улыбалась, но со странным блеском в глазах.

– Значит, Магнус Кром стремится на восток не из-за добычи, – сказала она. – За чем же тогда?

Том помотал головой.

– Я всего-навсего ученик-историк, – признался он. – Третьего ранга. На самом деле я не знаком с Главным навигатором.

– Эстер кое-что упоминала, – проговорила мисс Фанг. – Вещь, которую мистер Валентайн забрал у ее несчастных родителей. МЕДУЗА – странное название. Что оно означает? Ты об этом ничего не слышал?

Том снова покачал головой. Анна Фанг так пристально смотрела прямо ему в глаза, что, казалось, заглядывала в самую душу.

Потом рассмеялась:

– Ну, не важно. Отвезу вас в Воздушную Гавань, а там найдем вам корабль до Лондона.

Воздушная Гавань! Чуть ли не самый знаменитый город за всю Эру Движения. К вечеру из приемника донеслось чириканье радиомаяка, и Том бегом помчался к обзорному окну. На мостике возле медицинского отсека он наткнулся на Эстер – сонную, растрепанную и прихрамывающую. Анна Фанг сделала для раненой ноги все, что могла, но исправить норов девушки было не в ее силах: увидев Тома, Эстер отвернулась, а на вопрос, как она

себя чувствует, глянула со злостью и что-то невнятно пробурчала.

Анна Фанг встретила их улыбкой.

– Смотрите, мои хорошие! – Она указала на обзорные окна. – Воздушная Гавань!

Они стояли за спинкой пилотского кресла и смотрели, и далеко впереди за морем облаков сверкнул в лучах заходящего солнца один-единственный ярус, построенный из легких сплавов и окруженный венцом из разноцветных воздушных шаров.

Давным-давно город под названием Воздушная Гавань решил уйти в небо, спасаясь от хищных мегаполисов. Теперь здесь собирались и торговали между собой воздухоплаватели. Воздушная Гавань все лето парила над Охотничьими Угодьями, а на зиму улетала на юг, в теплые края. Том помнил, как она целую неделю простояла на якоре над Лондоном. Из Кенсингтонского сада и Кругового парка на нее поднимались воздушные шары с обзорной экскурсией, и Том люто завидовал таким людям, как Меллифант, у кого хватало денег слетать и после всем рассказывать о летучем городе. А теперь он сам туда попадет, и не просто поглазеть со стороны! Будет что рассказать другим ученикам, когда вернется домой!

Дирижабль медленно поднимался к городу. Когда солнце провалилось в облака на западе, мисс Фанг выключила моторы, и корабль по инерции заскользил к причальной стойке. Работники порта помогали пришвартоваться, подавая команды разноцветными флажками. На пристани толпились пилоты и зеваки, было даже несколько любителей наблюдать за дирижаблями – они старательно записали в блокнотики номер «Дженни Ганивер».

Наконец защелкнулись причальные зажимы, и пару минут спустя Том уже сошел по сходням в прохладные сумерки, вдыхая разреженный воздух и рассматривая прибывающие и улетающие дирижабли – элегантные воздушные лайнеры и ржавые баржи, аккуратные катера с прозрачными оболочками и полосатые, словно тигры, перевозчики пряностей со Ста Островов.

– Смотрите! – Он стал показывать пальцем на крыши. – Там – Парящая Биржа, а там – церковь Святого Михаила В Небесах, в Лондонском музее есть ее изображение!

Но мисс Фанг уже много раз все это видела, а Эстер молча косилась на шумную толпу и прятала лицо.

Летчица заперла люк «Дженни» ключом, который висел на шнурке у нее на шее, но, когда босоногий мальчишка подергал ее за пальто со словами: «Эй, миссис, посторожить вашего дирижабля?» – она засмеялась

и бросила ему на ладонь три квадратные бронзовые монетки.

– Никого на борт не пущу! – пообещал он, занимая место сторожа у сходней.

Тут подошли несколько портовых служащих в форменных комбинезонах. Они приветливо улыбались мисс Фанг, хотя на ее новых наземных друзей смотрели с подозрением. Они проверили, что у прибывших нет металлических набоек на обуви и зажженных сигарет, после чего отвели их в управление порта, где повсюду были развешены надписи крупными, кое-как намалеванными буквами: «НЕ КУРИТЬ», «ОТКЛЮЧИТЬ ЭЛЕКТРОПРИБОРЫ» и «НЕ ДОПУСКАЙТЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИСКР». Искры – вечный кошмар воздушных торговцев, потому что от них может загореться газ в оболочке шара. В Воздушной Гавани запрещалось даже чересчур энергично расчесывать волосы – это считалось серьезным преступлением. Все прибывающие обязаны были подписать соглашение о технике безопасности и убедить начальника порта, что им не грозит самовоспламениться в любую секунду.

Наконец их пропустили по железной лесенке на Главную улицу. Единственная большая улица Воздушной Гавани представляла собой металлическую палубу в форме кольца, вдоль которого теснились магазины, закусочные и гостиницы для воздухоплавателей. Том вертел головой, стараясь все увидеть и запомнить на всю жизнь. На всех крышах крутились ветряки. Механики по-паучьи карабкались на кожухи огромных двигателей. В воздухе носились непривычные запахи иностранной еды, и, куда ни глянь, всюду расхаживали летчики небрежно-уверенной походкой людей, которые живут в небе. Полы длинных пальто развевались при ходьбе, словно кожистые крылья.

Мисс Фанг указала на здание с вывеской в виде дирижабля.

– Это «Шар и гондола», – объяснила она. – Я вас угощу обедом, а потом поищем капитана, который согласится отвезти вас в Лондон.

Летчица первой направилась к таверне, Эстер шла за ней, прикрываясь рукой от всего мира. Том все еще озирался по сторонам и думал: как жаль, что приключения скоро закончатся. Он не заметил, что у причала кружит «Ястреб-90», дожидаясь, пока освободится место для стоянки. Если бы и заметил, на таком расстоянии он не смог бы разобрать регистрационный номер и красное колесо – знак Гильдии инженеров – на оболочке.

Глава 12
«Шар и гондола»

В таверне было полутемно и людно. Стены огромного зала украшали дирижабли в бутылках и пропеллеры известных небесных клипперов прошлого, с тщательно выведенными на лопастях названиями: «Надежный», «Аэромышь» и «Невидимый дракон». Пилоты за металлическими столиками обсуждали грузы и цены на газ. Среди них были джайны[4], тибетцы и кхоса[5], эскимосы и аэротуареги и одетые в меха великаны с Ледяных Пустошей. Девушка-уйгурка играла на сорокаструнной гитаре «Серенаду турбулентности», а по громкоговорителю то и дело объявляли: «„Дурацкий ветер“[6] из пфальцграфства Нуэво-Майя с грузом шоколада и ванили прибывает к третьему причалу» или «У седьмой стойки швартуется „Моя Широна“[7], конечное место назначения – Архангельск»…

Анна Фанг задержалась у алтаря возле самой двери, поблагодарить небесных богов за благополучный полет. Бог аэронавтов – симпатяга. Статуэтка краснолицего толстяка на алтаре напомнила Тому Чадли Помроя. А вот его жена, Владычица Высоких Небес, жестока и коварна; если обидится, может наслать ураган или взорвать баллонеты с газом. Анна принесла ей в жертву несколько рисовых лепешек и деньги на удачу. Том с Эстер на всякий случай благодарственно поклонились.

А когда оглянулись, Анна Фанг уже шла прочь, направляясь к компании пилотов за угловым столиком.

– Кхора! – крикнула она издали.

Пока Том и Эстер добирались до столика, Анну закружил красивый молодой африканец, что-то быстро говоря на аэросперанто. Тому показалось, что в ответе Анны мелькнуло слово «МЕДУЗА», причем она оглянулась на них с Эстер, но, когда они подошли ближе, разговор уже перешел на англичанский.

Африканец рассказывал:

– На верховом ветре так и прошли от самой Загвы!

И в доказательство вытряхивал из летного шлема красноватый песок из Сахары.

Он был капитан Кхора со штурмового дирижабля «Мокеле-мбембе»[8], из стационарного анклава в Лунных горах, союзника Лиги противников

движения, и направлялся в Шань-Го, на дежурство по охране Батмунх-Гомпы. Поначалу Том ужаснулся, что сидит за одним столом с бойцом Лиги, но Кхора казался хорошим человеком – добрым и дружелюбным, совсем как мисс Фанг. Пока она заказывала еду, капитан Кхора представил своих друзей: высокого мрачного Нильса Линдстрема с «Садовой ловушки для аэропланов»[9] и очень красивую арабку с мелодичным смехом, Ясмину Рашид с капера «Зейнаб» из Пальмиры. Вскоре пилоты вовсю болтали между собой и смеялись, вспоминая бои над Сотней островов и пьянки в летном квартале Панцерштадт-Линца. Анна Фанг за разговорами успевала подпихивать к своим гостям тарелки с едой.

– Том, еще кусочек суслика в кляре? Эстер, попробуй нетопыря в остром соусе, очень вкусно!

Пока Том растерянно тыкал в незнакомую еду деревянными палочками – их подали вместо ножа и вилки, – Кхора наклонился к нему и спросил вполголоса:

– Значит, вы с твоей девушкой теперь в команде «Дженни Ганивер»?

– Нет-нет! – ответил Том. – То есть она не моя девушка и мы просто пассажиры…

Он кое-как уцепил палочками немного пюре из саранчи и в свою очередь спросил:

– А вы хорошо знаете мисс Фанг?

– О да! – засмеялся Кхора. – Анну все воздушные торговцы знают. И вся Лига, само собой. В Шань-Го ее называют Фэн-Хуа – Цветок Ветра.

Том удивился – почему для мисс Фанг есть в Шань-Го особое прозвище, но спросить не успел. Кхора продолжил:

– Ты знаешь, что она своими руками построила «Дженни Ганивер»? Когда она была еще маленькой, им с родителями не повезло – Архангельск съел город, где они жили. Их отправили трудиться как рабов на верфи. Она много лет припрятывала то пропеллер, то деталь двигателя. В конце концов построила себе «Дженни Ганивер» и сбежала.

– Она не рассказывала, – прошептал потрясенный Том.

Он теперь по-новому смотрел на летчицу.

– Она не любит об этом говорить, – ответил Кхора. – Видишь ли, ее отец и мать не дожили до побега. Так и умерли в рабстве у нее на глазах.

Тому стало жаль мисс Фанг. Бедная, она тоже сирота, как и он! Может, оттого она все время и улыбается, чтобы скрыть грусть? И поэтому спасла их с Эстер – чтобы они не повторили судьбу ее родителей? Он постарался улыбнуться ей поласковей. Она улыбнулась в ответ и протянула ему тарелку со скрюченными черными лапками.

– Том, держи! Попробуй тушеных тарантулов…

– Прибывает на четырнадцатый причал! – взревел громкоговоритель. – Дирижабль ГИ-сорок семь из Лондона, с пассажирами и без груза.

Том вскочил, с грохотом уронив стул. Он помнил маленькие юркие разведывательные дирижабли – инженеры использовали их для техосмотра гусениц и палуб. У этих дирижаблей не было названий, только регистрационные номера, и все начинались буквами «ГИ».

– Это за нами! – ахнул Том.

Анна Фанг тоже встала.

– Может быть, это совпадение, – сказала она. – Мало ли дирижаблей прибывает из Лондона… А если даже Валентайна и правда отправили за вами в погоню, здесь вы среди друзей. Как-нибудь уж отобьемся от ваших злобных гренадейцев.

– Гвардейцев, – машинально поправил Том, хоть и понимал, что Анна ошиблась нарочно, чтобы разрядить обстановку.

Эстер улыбнулась, и Том подумал: как хорошо, что она здесь, и почувствовал яростную решимость защитить ее.

И тут вдруг погас свет.

Послышались крики и звон падающей посуды из кухни. В темноте можно было смутно различить прямоугольники окон.

– Во всей Воздушной Гавани электричество отказало! – произнес угрюмый голос Линдстрема. – Наверное, авария на электростанции!

– Нет, – возразила Эстер. – Я знаю такой трюк. Это специально, чтобы устроить панику и не дать нам уйти. Это точно за нами…

Такого ужаса в ее голосе Том не слышал, даже когда на них охотились в Стейнсе. Ему и самому стало страшно.

В другом конце зала, где люди, толкаясь, выбегали на освещенную луной Главную улицу, вдруг раздались вопли, звон бьющегося стекла, ругательства, грохот падающих столов и стульев. Над толпой закачались два зеленых фонаря, тусклых, словно гнилушки.

– Это не гвардейцы! – сказала Эстер.

Том не мог понять, обрадовалась она или испугалась еще больше.

– ЭСТЕР ШОУ! – проскрежетал голос, как будто железо распиливают циркулярной пилой.

У входа в таверну вспухло облако пара, и из него вышагнул Сталкер.

Он был семи футов[10] ростом. Под распахнутым пальто сверкала броня. Бледное лицо блестело, словно покрытое слизью, и в нескольких местах сквозь кожу выпирала синевато-белая кость. Вместо рта была щель, полная железных зубов. Верхняя часть черепа тоже была из металла, с нее,

словно дреды, свисали гибкие трубки, подключенные к отверстиям на груди. В круглых стеклянных глазах застыло удивленное выражение, словно Сталкер так и не пришел в себя от случившегося с ним.

Это и есть самое чудовищное: Сталкеры когда-то были живыми людьми и где-то там, под железным колпаком, у них заперт человеческий мозг.

– Не может быть! – проскулил Том. – Сталкеров больше нет! Их всех уничтожили много столетий назад!

И все-таки перед ними стоял Сталкер, до ужаса реальный. Том хотел попятиться, но не смог пошевелиться. По ногам у него текло горячее, словно пролитый чай, и он понял, что обмочился.

Сталкер медленно двинулся вперед, расталкивая столы и стулья. Под ногами у него хрустели упавшие стаканы. Какой-то пилот бросился на него сзади с саблей, но клинок отскочил от брони. Сталкер, не глядя, отшвырнул нападающего ударом огромного кулака.

– ЭСТЕР ШОУ! – произнес он. – ТОМ НЭТСУОРТИ!

«Он знает, как меня зовут!» – подумал Том.

– Я… – начала мисс Фанг, но и ей отказал голос.

Она оттащила Тома назад, а Кхора и другие пилоты, выхватив сабли, встали между жуткой тварью и ее добычей.

Вдруг Эстер выступила вперед.

– Это ничего, – сказала она странным тонким голосом. – Я его знаю. Дайте я с ним поговорю.

Сталкер развернул трупно-белое лицо от Тома к Эстер. В механических глазах зажужжали линзы.

– ЭСТЕР ШОУ, – проговорил он, словно лаская ее имя голосом, похожим на шипение газа, вытекающего из оболочки.

– Здравствуй, Шрайк, – сказала Эстер.

Огромная голова склонилась, направив на нее взгляд. Металлическая рука приподнялась и замерла в нерешительности, а затем погладила Эстер по щеке, оставив следы машинного масла.

– Прости, у меня не было возможности попрощаться…

– ТЕПЕРЬ Я РАБОТАЮ НА ЛОНДОНСКОГО ЛОРД-МЭРА, – сообщил Шрайк. – ОН ПРИСЛАЛ МЕНЯ УБИТЬ ВАС.

Том снова заскулил.

У Эстер вырвался ломкий смешок.

– Ты же этого не сделаешь, правда, Шрайк? Неужели ты убьешь меня?

– ДА, – коротко ответил Шрайк, не сводя с нее своих жутких глаз.

– Не надо, Шрайк! – прошептала Эстер.

И тут мисс Фанг воспользовалась мгновением. Выхватив из кармана тонкую металлическую пластинку в форме веера, она метнула ее, целясь Шрайку в горло. Пластинка в полете, крутясь, развернулась в диск с острым как бритва краем. На лету она издавала стонущий звук.

– Нуэво-майский боевой фрисби! – ахнул Том.

Он видел такое оружие в застекленных витринах Лондонского музея, в отделе оружия, и знал, что оно способно перерубить человеку шею на расстоянии шестидесяти шагов. Том замер, ожидая, что голова Сталкера покатится с плеч, – но фрисби, звякнув, только воткнулся в бронированное горло и застрял, подрагивая.

Рот-щель растянулся в протяжной улыбке, и Сталкер с быстротой ящерицы ринулся вперед. Мисс Фанг увернулась, прыгнула ему за спину и ударила ногой с разворота, но Шрайк двигался слишком стремительно.

– Бегите! – крикнула Анна. – Поднимайтесь на «Дженни»! Я догоню!

И они побежали. А что еще оставалось? Чудовище попробовало их схватить, когда они пробегали мимо, но Кхора поймал огромную лапищу, а Нильс Линдстрем рубанул саблей по лицу. Сталкер легко стряхнул Кхору и взмахнул рукой. Посыпались искры, раздался скрежет металла о металл, и Линдстрем, выронив сломанный клинок, с воплем повис на руке кошмарной твари. Сталкер и его отбросил. Анна вновь кинулась в атаку. Шрайк схватил ее и поднял в воздух, а потом ударил ею спешащих на помощь Кхору и Ясмину.

– Мисс Фанг! – крикнул Том.

У него мелькнула мысль вернуться, но он достаточно знал о Сталкерах, чтобы понимать: ничего он тут не сделает. Он побежал вслед за Эстер, перепрыгнул груду трупов у двери и выскочил на улицу, где в полумраке метались тени и перепуганные люди. Тоскливо завывала сирена. Ветер приносил едкий дым, а вдали, возле электростанции, виднелось то, чего аэронавты боятся больше всего на свете: отсветы пожара!

– Не понимаю, – проговорила Эстер, задыхаясь и обращаясь к себе, а не к Тому. – Он не стал бы меня убивать, не стал бы!

При этом она продолжала бежать, не сбавляя темпа.

А когда они выскочили на седьмой причал, то увидели, что «Дженни Ганивер» никуда не полетит нынче ночью. Шрайк об этом позаботился. Оболочка была изрезана в клочья, кожух правого двигателя вскрыт, как старая консервная банка, и оборванные провода из него горкой спагетти вывалились на набережную. Рядом лежало изувеченное тело мальчика, которого мисс Фанг наняла сторожить дирижабль.

Том застыл, не в силах оторвать взгляд от этой картины. А за спиной

звучали тяжелые шаги, отдаваясь от металлической палубы: бумм, бумм, бумм…

Том оглянулся – где Эстер? Она, прихрамывая, бежала прочь по набережной – бежала под уклон, понял Том, потому что поврежденный воздушный город опасно кренился. Том помчался за ней на соседний пирс. Туда только что прибыл потрепанный воздушный шар, из которого вышло растерянное семейство экскурсантов, не понимающих, что означают темнота и крики: то ли аварию, то ли какой-то праздник. Эстер протолкалась мимо них, схватила экскурсовода за пилотские очки и выдернула из корзины. Шар качнулся в сторону от причала, но Эстер успела в него запрыгнуть.

– Стой! Воры! Шар угоняют! На помощь! – орал хозяин шара.

А Том слышал только бумм… бумм… – все ближе и ближе.

– Том! Залезай!

Он собрался с духом и прыгнул вслед за Эстер. Она отвязывала швартовы. Том шлепнулся на дно корзины.

– Выбрасывай все за борт! – крикнула Эстер.

Том послушался. Воздушный шар рванулся вверх. Мелькнули окна домов, крыши, шпиль храма Святого Михаила. Скоро Воздушная Гавань превратилась в черный бублик далеко внизу, а Шрайк стал крохотной точкой, и только зеленые глаза его светились на краю пирса, провожая беглецов неотрывным взглядом.

Глава 13
Восставший из мертвых

В темные века до рассвета Эры Движения на испещренных вулканами равнинах Европы воевали друг с другом империи кочевников. Они и создали Сталкеров: собирали на полях сражений убитых воинов и возвращали им подобие жизни, сращивая их нервную систему со сложными аппаратами олд-тека.

Империи те давно забыты, а ужасные воскресшие мертвецы – нет. В детстве Том играл в Сталкеров в сиротском приюте гильдии – шагал на прямых ногах, выставив вперед руки, и орал: «Я – СТАЛ-КЕР! У-НИ-ЧТО-ЖИТЬ!»[11] – пока мисс Пим не запретила ему шуметь.

Но он никак не ожидал, что встретит настоящего Сталкера.

Краденый воздушный шар летел на восток. Том трясся, сидя в качающейся корзине. Он повернулся к Эстер боком, чтобы она не заметила мокрое пятно на штанах, и сказал:

– Я думал, они все давным-давно умерли! Погибли в боях или обезумели и поубивали друг друга…

– Все, кроме Шрайка, – ответила Эстер.

– И он тебя знает!

– Конечно знает. Мы с ним старые друзья.

Они познакомились наутро после смерти ее родителей. В то утро, когда она очнулась под шелест дождя на берегу Охотничьих Угодий, не понимая, как она здесь очутилась. Голова болела ужасно, Эстер не могла ни пошевелиться, ни собраться с мыслями.

Поблизости остановился самый мелкий и дрянной городишко, какой только можно представить. С него по сходням и приставным лестницам спускались жители с большими плетеными корзинами за спиной. Они рылись в мусоре, принесенном прибоем, и потом возвращались, набрав полные корзины хвороста и разных обломков. Несколько человек подняли и унесли лодку, а вскоре обнаружили и саму Эстер. Двое горожан подошли и уставились на нее сверху вниз. Один – типичный мусорщик, низкорослый и чумазый, в корзине у него лежали части старого «жука». Посмотрев на Эстер, этот тип отступил в сторону, сказав своему спутнику:

– Извините, мистер Шрайк. Я думал, она сгодится для вашей коллекции, а она таки из плоти и крови…

Он ушел, разглядывая мусор под ногами. Эстер его больше не интересовала. Он подбирал только то, что можно продать, а кому нужен полумертвый ребенок? Вот старые шины от «жуков» – дело другое…

Второй так и остался стоять над Эстер. Немного погодя он наклонился и коснулся ее лица, и она почувствовала под его перчатками холодное железо. Только тогда она сообразила, что это на самом деле не человек. Когда он заговорил, голос его звучал так, словно железной щеткой скребут по классной доске. «ТЕБЕ НЕЛЬЗЯ ЗДЕСЬ ОСТАВАТЬСЯ, ДЕВОЧКА», – сказал он, перекинул ее через плечо и понес в город.

Город назывался Строул. Там жили полсотни суровых, пропыленных насквозь мусорщиков. Они тащили предметы олд-тека всюду, где только могли их найти, а когда не могли – разгребали отбросы крупных городов. Шрайк жил с ними, но не занимался сбором мусора. Если из какого-нибудь мегаполиса удирал преступник, Шрайк выслеживал его на Поверхности и отрезал голову, которую потом тщательно консервировал. Встретив снова тот же мегаполис, он сдавал голову властям и получал награду.

Эстер так и не поняла, почему он не поленился ее спасти. Точно не из жалости – это чувство Шрайку было неведомо. Нежность он проявлял, только когда возился со своей коллекцией. Он обожал старинные механические игрушки и всяческие автоматы – скупал все, что приносили ему встречные мусорщики. Его развалюха в Строуле была битком набита подобными устройствами: механические звери, рыцари в доспехах, заводные солдатики с ключом в спине и даже Ангел Смерти в человеческий рост, снятый с каких-то затейливых башенных часов. Но любимые экземпляры все изображали детей или женщин – прекрасных дам в побитых молью нарядах и хорошеньких девочек и мальчиков с фарфоровыми личиками. Шрайк ночи напролет терпеливо разбирал их, чинил, изучал хитроумные механизмы, будто надеялся через них понять свое собственное устройство.

Иногда Эстер казалось, что она тоже часть его коллекции. Может, ее увечья напомнили ему его собственные раны, полученные на полях сражений забытых войн, когда он еще был человеком?

Она делила с ним кров пять долгих лет, пока ее лицо не зажило кое-как, став уродливой, вечно нахмуренной маской. Медленно возвращались воспоминания. Некоторые были удивительно четкими: волны, набегающие на берег Дубового острова, мамин голос, ветер, пахнущий мокрой травой и навозом. Другие были смутными и непонятными. Они обрывками мелькали в мозгу, когда Эстер уже засыпала, или всплывали неожиданно, заставая ее врасплох, пока она бродила среди безмолвных механических фигур в доме

Шрайка. *Кровь на звездных картах. Звон металла. Узкое красивое мужское лицо с серыми, как море, глазами.* Эти осколки памяти приходилось бережно собирать и соединять друг с другом, совсем как детали механизмов, найденные в мусоре.

Однажды при ней кто-то стал рассказывать о великом Таддеусе Валентайне, и тогда осколки сложились в картину. Эстер узнала имя: это было имя человека, который убил ее маму и папу, а ее саму превратил в страшилище. Она сразу поняла, что должна сделать; тут и думать было не о чем.

Эстер пришла к Шрайку и сказала, что хочет найти Валентайна.

– НЕЛЬЗЯ, – коротко ответил Шрайк. – ТЕБЯ УБЬЮТ.

– Тогда идем со мной! – попросила она, но Шрайк не захотел.

Он слышал о Магнусе Кроме с его увлечением всяческой техникой. Шрайк считал, что, если попадет в Лондон, инженеры из гильдии навалятся на него всей толпой, схватят и разрежут на кусочки, которые будут потом изучать в своих лабораториях.

– НЕЛЬЗЯ, – только и твердил он.

А Эстер все равно ушла. Дождалась, пока Шрайк займется механизмами, вылезла в окно, спрыгнула с палубы Строула и отправилась пешком по зимней Поверхности, с ворованным ножом в кармане, чтобы найти Лондон и отомстить.

– С тех пор я его не видела, – сказала она Тому, дрожа от холода в корзине угнанного воздушного шара. – Когда я ушла, Строул был на берегу Англичанского моря, а теперь вдруг Шрайк работает на Магнуса Крома и хочет меня убить. Тупость какая-то!

– Может, ты ранила его чувства, когда убежала? – предположил Том.

– У Шрайка нет никаких чувств, – сказала Эстер. – Когда из него делали Сталкера, все чувства и воспоминания вычистили.

«Она так говорит, как будто завидует ему», – подумал Том. По крайней мере, от звуков ее голоса он немного успокоился и перестал трястись. Он сидел и слушал, как ветер свистит в стропах. Среди облаков на западе виднелось черное пятно – наверное, дым над Воздушной Гаванью. Сумели там погасить пожар или город воздухоплавателей уничтожен? И что с Анной Фанг? Шрайк, наверное, убил и ее, и всех ее друзей. Веселая, добрая летчица умерла, так же как родители Тома. Как будто на нем проклятие, убивающее всех, кто хорошо к нему относится. Зачем только он повстречал Валентайна! Сидел бы себе спокойно в безопасности в Музее!

– Может, она жива, – сказала вдруг Эстер, словно догадалась, о чем он

думает. – Мне кажется, Шрайк просто играл с ней. Он даже когти не выпустил.

– У него есть когти?!

– Если она не слишком сильно ему мешала, он не стал бы возиться, убивать ее.

– А Воздушная Гавань?

– Если повреждения серьезные, она, наверное, спустится на землю для ремонта.

Том кивнул. И вдруг ему пришла в голову обнадеживающая мысль:

– Может, мисс Фанг будет нас искать?

– Не знаю, – сказала Эстер. – Шрайк точно будет.

В ужасе Том оглянулся назад.

– Зато мы летим в ту сторону, где Лондон, – утешила Эстер.

Том осторожно заглянул через край корзины. Внизу пуховой периной раскинулись облака – невозможно разглядеть, где находится шар и куда несет его ветер.

– Откуда ты знаешь? – спросил Том.

– По звездам, откуда же еще, – ответила Эстер. – Меня мама научила. Помнишь, она тоже была летчицей? Она по всему миру летала, даже в Америке была один раз. В неисследованных местах, для которых еще не составили карты, приходится ориентироваться по звездам. Смотри, вон Полярная звезда, а вон то созвездие Древние звали Большой Медведицей – сейчас его обычно называют Городом. А если править так, чтобы то созвездие было по правому борту, мы будем знать, что движемся на северо-восток…

– Их так много! – сказал Том, стараясь проследить, куда указывает ее палец.

Над облаками, где небо не заслоняли ни дым городов, ни пыль Поверхности, ночь сверкала миллионами холодных сияющих точек.

– Я и не знал, что звезд так много!

– Каждая из них – как наше Солнце, только очень далеко в космосе, за тысячи тысяч миль от нас, – сказала Эстер.

Тому почудилось, она гордится, что может показать ему свои знания.

– Только некоторые из них – совсем даже не звезды, а искусственные луны, их Древние запустили на орбиту много тысячелетий назад, и они до сих пор летают вокруг старушки Земли.

Том вглядывался в сверкающую тьму.

– А это что? – спросил он, показывая на яркую звездочку на западе, над самым горизонтом.

Эстер тоже всмотрелась, и улыбка сползла с ее лица. Руки сжались в кулаки.

– Это? – сказала она. – Это дирижабль, и он летит за нами.

– Может, мисс Фанг прилетела нас спасти? – с надеждой предположил Том.

Но дирижабль быстро приближался, и через несколько минут стало ясно, что это компактный лондонский разведчик – «Солнечный луч» или «Ястреб-90». Том и Эстер буквально чувствовали на себе взгляд зеленых глаз Шрайка через пустынный простор небес.

Эстер принялась дергать ржавые рычаги, регулирующие давление газа в оболочке шара. Через несколько секунд она нашла то, что нужно, и вверху послышалось громкое шипение.

– Ты что делаешь? – пискнул Том. – Ты весь газ выпустишь! Мы разобьемся!

– Я хочу спрятаться от Шрайка, – ответила Эстер, еще сильней открывая клапан.

Том посмотрел вверх. Воздушный шар уже заметно похудел. Преследующий их дирижабль все еще отставал от них на несколько миль. Надо надеяться, с такого расстояния может показаться, что с воздушным шаром случилась катастрофа. Надо надеяться, Шрайк не разгадает замысел Эстер. Надо надеяться, разведывательный дирижабль не оборудован ракетными установками…

Тут они погрузились в облака, и теперь ничего не видели, кроме клубящейся тьмы вокруг да иногда слабого проблеска луны над головой. Корзина поскрипывала, обмякшая оболочка хлопала на ветру, выходящий из нее газ шипел, как раздраженная змея.

– Как только приземлимся, вылезай из корзины, – скомандовала Эстер.

– Да, – ответил Том и сейчас же спохватился: – А как же… Мы что, бросим шар?

– В воздухе у нас против Шрайка нет шансов, – объяснила Эстер. – Надеюсь, на земле я смогу его перехитрить.

– На земле? – закричал Том. – Опять на Поверхность?!

Шар быстро снижался. Под ними чернела земля с темными кляксами растительности и редкими пятнами лунного света. Вверху густые облака быстро неслись на восток. Дирижабля нигде не было видно. Том приготовился к удару. До земли сто футов… пятьдесят… десять… По днищу заскребли ветки, корзина закачалась, врезалась в землю, снова подскочила и так еще несколько раз.

– Прыгай! – крикнула Эстер, когда корзина снова коснулась земли.

Том прыгнул, провалился в гущу колючих ветвей и в конце концов шлепнулся на мягкую глину. Шар взвился ввысь. Том испугался, что Эстер бросила его одного пропадать на Поверхности.

– Эстер! – завопил он, срывая горло. – Эстер!

В кустах зашуршало, и оттуда, прихрамывая, вышла Эстер.

– Ох, слава Квирку! – прошептал Том.

Он ждал, что она сядет с ним рядом отдохнуть и возблагодарить богов за то, что на месте посадки оказалась мягкая земля, а не камень. Однако Эстер прошла мимо, не оглядываясь, и похромала дальше, на северо-восток.

– Стой! – закричал Том.

Он все еще переводил дух и даже не мог подняться на ноги. Его била дрожь.

– Подожди! Ты куда?

Она посмотрела на него через плечо, как на слабоумного, и сказала:

– В Лондон.

Том со стоном повалился на спину, собираясь с силами для очередного пешего путешествия.

Воздушный шар, освобожденный от их веса, возвращался в небо. Темное пятнышко каплевидной формы вскоре пропало в облаках. Еще через пару минут стало слышно урчание моторов преследующего его дирижабля. А потом осталась только ночь, и холодный ветер, и лунные клочья, скользящие по изломанным холмам.

Глава 14
Ратуша

Кэтрин решила начать с самого верха. На следующий день после того, как ее отец отправился в экспедицию, она с терминала в его комнате послала по пневматической почте письмо лорд-мэру и через полчаса получила ответ от секретаря Магнуса Крома: лорд-мэр примет мисс Валентайн в полдень.

Кэтрин выбрала самую строгую деловую одежду из всего, что у нее было: узкие черные брюки и серый пиджак с подчеркнутой линией плеч. Волосы скрепила заколкой, выточенной из фары древнего автомобиля, и достала из шкафа стильную шапку с висячими ушами – полтора месяца назад купила, но до сих пор не собралась поносить. Чуть подкрасила губы, вывела румянами прямоугольники на скулах, а на лбу между бровей нарисовала по последней моде синий треугольник, имитирующий знак гильдии. Положила в солидный папин черный кейс тетрадь и карандаш и к ним добавила подаренный папой на пятнадцатилетие золотой пропуск, действующий почти всюду в Лондоне. Посмотрелась в зеркало, мысленно представляя, как несколько недель спустя будет встречать папу из разведывательной экспедиции. Она ему скажет: «Все хорошо, я уже все знаю, ты можешь больше не бояться»…

Без четверти двенадцать она вместе с Собакой подошла к лифтовой станции на Квирк-Серкус, ловя на себе заинтересованные взгляды прохожих. Они, наверное, думают: «Вон мисс Кэтрин Валентайн, идет на встречу с лорд-мэром»… Служащие лифта знали ее в лицо. Они улыбались и здоровались: «Доброе утро, мисс Кэтрин» – и гладили Собаку, а на пропуск даже не взглянули. Она успела на рейс 11:52 до Верхнего яруса.

Лифт с гудением дополз до конечной остановки. Кэтрин бодрым шагом пересекла площадь Патерностер-Сквер, где Собака задумчиво поглядывал на голубей и насторожил уши при звуке ремонтных работ в соборе Святого Павла. Скоро она уже поднималась по ступенькам Ратуши. Ее проводили до крохотного внутреннего лифта, и без одной минуты одиннадцать Кэтрин вошла через круглую бронзовую дверь в кабинет лорд-мэра.

– А-а-а, мисс Валентайн! На одну минуту раньше назначенного времени.

Кром коротко глянул на нее через огромный письменный стол и

продолжил читать отчет. За спиной у него было круглое окно. Сквозь толстое стекло собор Святого Павла казался размытым и чуть колеблющимся, словно под водой. Потемневшие от времени бронзовые панели по стенам почти не отражали солнца. В кабинете не было ни штор, ни картин, вообще никаких украшений. Кэтрин пробрала дрожь, как будто холод поднимался от голого металлического пола.

Лорд-мэр продержал ее в полной тишине пятьдесят девять секунд, – казалось, они растянулись на века. К тому времени как Магнус Кром наконец отложил отчет, Кэтрин чувствовала себя ужасно неловко. Кром чуть-чуть улыбнулся, как человек, который никогда в жизни не видел настоящей улыбки и только читал об этом в книгах.

– Тебе будет приятно узнать, что я получил шифрованное сообщение от твоего отца, как раз перед тем, как они вышли из зоны радиосвязи. На борту все благополучно.

– Хорошо! – сказала Кэтрин, зная, что больше не получит весточки от отца до его возвращения; даже Гильдия инженеров не умеет принимать радиосигнал на расстоянии больше нескольких сотен миль.

– Что-нибудь еще? – спросил Кром.

– Да…

Кэтрин замялась, боясь, что ее просьба покажется глупой. Холодный кабинет и еще более холодная улыбка Крома заставляли ее чувствовать себя неуютно. Кэтрин начала думать, что зря так сильно накрасилась и зря оделась так официально. Однако отступать нельзя, она же ради этого сюда пришла.

Кэтрин выпалила одним духом:

– Расскажите, пожалуйста, про ту девушку и зачем она хотела убить папу!

Улыбка лорд-мэра вмиг исчезла.

– Твой отец не счел нужным сообщить мне, кто она такая. Понятия не имею, зачем она так стремилась его убить.

– Как вы думаете, может быть, это имеет какое-то отношение к МЕДУЗЕ?

Взгляд Крома стал еще на несколько градусов холоднее.

– Тебя это не касается! Что тебе сказал Валентайн?

– Ничего! – растерялась Кэтрин. – Просто я же вижу, что он испугался, и мне обязательно нужно знать почему, ведь…

– Послушай меня, дитя.

Кром встал и обошел вокруг стола. Тощие руки вцепились в плечи Кэтрин.

– Если у Валентайна есть от тебя секреты, то не без причины. Некоторые стороны его работы недоступны твоему пониманию. Не забывай, вначале он был никем – простым бродягой-мусорщиком. Копался на Поверхности, пока я не проявил к нему интерес. Хочешь, чтобы он вернулся к прежнему? Или еще хуже?

Кэтрин показалось, как будто Кром ударил ее по лицу. Щеки запылали от злости, но Кэтрин сдержалась.

– Иди домой и жди своего папу, – приказал Кром. – А взрослые дела предоставь тем, кто в них разбирается. Никому ни слова о той девушке и о МЕДУЗЕ!

«Взрослые дела? – в ярости подумала Кэтрин. – Он вообще знает, сколько мне лет?!»

Но она послушно кивнула и сказала со смирением:

– Да, лорд-мэр.

А потом:

– Пошли, Собака!

– И не приводи больше на Верхний ярус эту зверюгу! – крикнул Кром ей вслед.

Секретарши в приемной дружно таращились на залитое слезами лицо Кэтрин, пока она шла к выходу.

Спускаясь в лифте на Квирк-Серкус, она шепнула волку на ухо:

– Собака, мы ему еще покажем!

Кэтрин не сразу вернулась домой, а зашла в храм Клио рядом с Круговым парком. В пахнущем благовониями сумраке она постепенно успокоилась и принялась обдумывать, как ей быть дальше.

С тех пор как Николаса Квирка объявили божеством, многие лондонцы подзабыли старых богов и богинь, так что Кэтрин в храме была одна. Ей нравилась Клио, богиня – покровительница ее матери. И статуя богини была немножко похожа на маму – с добрыми темными глазами и терпеливой улыбкой. Когда они жили в Пуэрто-Анджелесе, мама рассказывала, что ураган прогресса все время уносит горемычную богиню в прошлое, но иногда она может дотянуться и вдохновить людей на поступки, меняющие ход истории.

Кэтрин сказала, глядя в приветливое лицо богини:

– Клио, что мне делать? Как помочь папе, если лорд-мэр не захотел ничего мне рассказать?

На самом деле она не ожидала, что статуя ответит, – ответа и не было. Кэтрин наскоро помолилась за отца и за бедного Тома Нэтсуорти,

пожертвовала немного на храм и ушла.

Уже на полпути к Клио-Хаусу ей вдруг пришла в голову мысль – настолько неожиданная, словно ее прислала сама богиня. Кэтрин вспомнила, что, подбегая в тот вечер к желобу для отходов, куда упал Том, она заметила ученика-инженера, который бежал в противоположном направлении, страшно бледный и потрясенный. Наверняка он видел, что случилось!

Кэтрин бросилась домой через залитый солнцем парк. Тот ученик может подсказать ей ответ! Она спустится в Брюхо и найдет его. И все разузнает без помощи гадкого старикашки Магнуса Крома!

Глава 15
Ржавые болота

Том и Эстер шли всю ночь. Продолжали идти и тогда, когда за клочьями утреннего тумана проглянуло бледное солнце, только изредка останавливались отдышаться. Местность была совсем не похожа на равнину, которую они пересекли несколько дней назад. Здесь приходилось все время огибать болотца и бочаги с затхлой водой, и, хотя они время от времени натыкались на заросшие кустами глубокие колеи, было ясно, что здесь уже много лет не проезжал ни один город.

– Видишь, как кусты разрослись, – говорила Эстер, показывая на заросли ежевики в канавах и молодые деревца на склонах холмов. – Даже какой-нибудь полустатичный поселок вырубил бы их на топливо.

– Может, это потому, что земля слишком мягкая, – предположил Том, в двадцатый раз проваливаясь по пояс в густую жижу.

Он вспомнил огромную карту Охотничьих Угодий на стене в вестибюле Лондонского музея. Все пространство между центральными горами и берегами Хазакского моря занимали болота – бесконечное царство камышей с голубыми прожилками ручьев, и все это было помечено: «Непригодно для городов и поселков».

Том сказал:

– По-моему, здесь начинаются Ржавые болота. Их так называют потому, что вода в них рыжая от ржавчины затонувших городов. Ни один серьезный мэр не сунется в эти края со своим городом.

– Я не думала, что Рейленд и Анна Фанг завезли нас так далеко на юг, – прошептала Эстер. – Значит, до Лондона почти уже тысяча миль. Мы его и за месяц не догоним, а Шрайк идет за мной по пятам.

– Мы же от него удрали! – напомнил Том. – Ты его обманула.

– Это ненадолго. Скоро он снова нападет на след. Не зря его называют Сталкером[12].

Эстер тащила Тома за собой по холмам, и болотам, и по низинам между холмов, где в воздухе мельтешили тучи жужжащих и кусачих мошек. От усталости оба сделались раздражительными. Как-то Том предложил устроить привал, а Эстер огрызнулась:

– Делай что хочешь, мне-то что!

После этого Том плелся молча и злился на нее. Какая она ужасная –

уродина, вредина, да еще и вечно себя жалеет! Они столько пережили вместе, он столько раз помогал ей, а она все равно готова его бросить в любую минуту. Лучше бы Шрайк ее забрал, а с Томом сбежали бы Кхора или мисс Фанг. Они бы точно позволили ему отдохнуть! Ноги так болят…

Но когда стемнело и с болот поползли клубы тумана, словно призраки мамонтов, и каждый шорох в кустах казался похожим на шаги Сталкера, Том был рад, что рядом с ним Эстер. Она нашла место для ночевки под какими-то корявыми деревьями, а позже, когда Том проснулся от внезапного крика совы, он увидел, что Эстер сидит на страже, словно дружелюбная горгулья.

– Все хорошо, – сказала она.

И добавила, будто вдруг смягчившись – это с ней бывало изредка:

– Знаешь, Том, я так по ним скучаю… По маме с папой.

– Знаю, – отозвался Том. – Я по своим тоже скучаю.

– У тебя в Лондоне совсем нет родных?

– Нет.

– А друзей?

Том подумал и сказал:

– Тоже нет.

– А кто была та девочка? – спросила Эстер, помолчав.

– Какая девочка? Где?

– Тогда, в Брюхе, когда вы с Валентайном…

– Это Кэтрин, – сказал Том. – Она… В общем, она дочка Валентайна.

Эстер кивнула.

– Красивая, – сказала она.

После этого Том заснул и спал крепко. Ему снилось, что Кэтрин прилетела на дирижабле и унесла их в хрустальное сияние над облаками.

Когда Том открыл глаза, уже рассвело. Эстер трясла его за плечо:

– Слушай!

Том различил звук, не похожий на шум деревьев или плеск воды.

– Это город? – спросил он с надеждой.

– Нет… – Эстер наклонила голову к плечу, прислушиваясь. – Это воздушный двигатель Ротванга…[13]

Рокочущий звук стал громче. Над клубящейся массой тумана промчался лондонский разведывательный дирижабль.

Они замерли, надеясь, что мокрые черные ветви над головой их скроют. Звук мотора начал затихать, а потом снова усилился. Дирижабль закладывал круги над болотом.

– Шрайк нас видит, – прошептала Эстер, вглядываясь в слепой белый

туман. – Он смотрит на нас, я чувствую…

– Нет, нет, – успокаивал ее Том. – Раз мы не видим дирижабль, значит и ему нас не видно. Сама подумай, как бы он смог нас заметить?

А в это время в небе Восставший из мертвых включает инфракрасное зрение и тепловые датчики. Среди светло-серых древесных силуэтов он видит две яркие человеческие фигурки.

– ПОДОЙДИТЕ КАК МОЖНО БЛИЖЕ, – командует он.

Пилот ворчит:

– Если ты так хорошо их видишь, что ж не предупредил, что в том чертовом шаре пусто? Мы бы не гонялись за ним через все Охотничьи Угодья!

Шрайк молчит. Зачем что-то объяснять жалкому однаждырожденному? Он понял, что в корзине никого нет, как только облегченный шар снова вынырнул из облаков, – просто решил оставить это открытие при себе. Эстер Шоу – умница, пусть поживет еще несколько часов, это будет ей награда. А недотепа-инженер пусть помотается за пустым воздушным шаром.

Шрайк переключает глаза на обычное зрение. Он выследит Эстер без всяких преимуществ – по звуку, и запаху, и с человеческим зрением. Он вызывает у себя в мозгу воспоминание о ее лице.

Мысленное изображение медленно вращается, а дирижабль, выписывая круги, опускается в туман.

– Бежим! – сказала Эстер.

Дирижабль вынырнул из сплошной белизны буквально в двух шагах, плавно снижаясь; пропеллеры взбивали туман, словно яичный белок. Эстер выдернула Тома из бесполезного укрытия и потащила прочь. Из напитанной влагой земли с каждым шагом брызгали фонтанчики воды, под ногами чавкала черная жижа, а узловатые корни деревьев норовили поставить подножку. Так они и бежали, не разбирая дороги, и вдруг Эстер остановилась. Том врезался в нее, и они оба полетели на землю.

Оказывается, они бежали по кругу. Перед ними висел в воздухе дирижабль, а на тропе высилась огромная фигура. Два бледно-зеленых луча ударили им в лицо, высвечивая пляшущие в воздухе капельки воды.

– ЭСТЕР, – проскрежетал железный голос.

Эстер стала шарить вокруг, ища какое-нибудь подобие оружия, и схватила корявый сук.

– Шрайк, не подходи! – крикнула она. – Я выбью твои красивые

зеленые гляделки! Я тебе мозги вышибу!

– Пошли отсюда! – Том тянул ее за пальто.

– Куда? – спросила Эстер, быстро глянув на него.

Она поудобнее перехватила импровизированную дубинку, не отступая ни на шаг, хотя Шрайк надвигался на нее.

– ТЫ МОЛОДЕЦ, ЭСТЕР, НО ОХОТА ОКОНЧЕНА.

Сталкер аккуратно ступал по влажной земле. При каждом шаге из его металлической ступни вырывалось облачко пара. Он протянул вперед руки, и из пальцев выскочили клинки вроде когтей.

– Шрайк, ты же не хотел в Лондон, почему передумал? – зло крикнула Эстер. – Почему ты на побегушках у Крома?

– Я ПРИШЕЛ В ЛОНДОН ЗА ТОБОЙ, ЭСТЕР. – Шрайк помолчал, и мертвое его лицо искривилось в стальной улыбке. – Я ЗНАЛ, ЧТО ТЫ БУДЕШЬ ТАМ. Я ПРОДАЛ КОЛЛЕКЦИЮ И ЗАКАЗАЛ ДИРИЖАБЛЬ, ЧТОБЫ УСПЕТЬ ТУДА РАНЬШЕ ТЕБЯ.

– Ты продал механических человечков? – изумилась Эстер. – Шрайк, если ты так хотел меня вернуть, почему просто не выследил?

– Я ПОЗВОЛИЛ ТЕБЕ ПЕРЕСЕЧЬ ОХОТНИЧЬИ УГОДЬЯ В ОДИНОЧКУ, – проскрежетал Шрайк. – ЭТО БЫЛА ПРОВЕРКА.

– И я ее прошла?

Шрайк словно не слышал.

– В ЛОНДОНЕ, КАК Я И ОЖИДАЛ, МЕНЯ СРАЗУ ЗАБРАЛИ В ИНЖЕНЕРИУМ.

Я ПРОВЕЛ ТАМ ПОЛТОРА ГОДА. ИНЖЕНЕРЫ РАЗБИРАЛИ МЕНЯ НА ЧАСТИ И СНОВА СОБИРАЛИ, И ТАК МНОГО РАЗ, НО ДЕЛО ТОГО СТОИЛО. Я ДОГОВОРИЛСЯ С МАГНУСОМ КРОМОМ. ОН ОБЕЩАЛ ИСПОЛНИТЬ МОЕ ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ.

– А, хорошо, – прошептала Эстер, гадая, о чем это он.

– НО СПЕРВА ТЫ ДОЛЖНА УМЕРЕТЬ.

– Почему, Шрайк?

Ответ заглушил громкий рокот моторов – Том подумал даже, что дирижабль собирается улететь без Шрайка. Он оглянулся. Дирижабль висел на прежнем месте, но ровное стрекотание пропеллеров теперь перекрыл новый звук – глухой рокочущий рев, становящийся громче с каждой секундой. Шрайк тоже обеспокоился, замерцал глазами и наклонил голову к плечу, прислушиваясь. Земля под ногами задрожала.

Из тумана за спиной Сталкера вырвалась стена земли и воды, загнутая вверху и увенчанная гребнем пены. Следом появился город – очень маленький старомодный городок на восьми толстенных колесах. Эстер

попятилась, а Шрайк, видя, как изменилось ее лицо, обернулся выяснить, в чем дело. Том рыбкой прыгнул в сторону, в прыжке схватил Эстер за шиворот и рванул ее за собой. Дирижабль попытался увернуться, но бешено вращающиеся колеса зацепили его и разнесли в клочья, а горящие обломки вдавили в грязь. В следующий миг раздался рев Сталкера: «ЭСТЕР!» – и его сокрушило огромное переднее колесо.

Том и Эстер покатились по земле, цепляясь друг за друга, а город с воем промчался мимо. Мелькали спицы колес и поршни, отблески пламени пробегали по металлу, с обзорных палуб смотрели казавшиеся снизу крошечными человечки. Протяжно заревел клаксон в тумане. И вдруг все исчезло, так же неожиданно, как и появилось. В воздухе осталася запах дыма и раскаленного металла.

Обломки дирижабля медленно планировали вниз, весело посверкивая. Глубокая рытвина там, где стоял Сталкер, уже начала заполняться черной блестящей жижей. Оттуда торчало нечто похожее на железную руку. Над ней поднялось облачко пара и постепенно растаяло.

– Он… умер? – спросил Том дрожащим голосом.

– Его переехал город, – ответила Эстер. – Вряд ли он после этого остался здоровеньким.

Том мимолетно подумал: какое заветное желание было у Шрайка? Он продал свою драгоценную коллекцию и отправился на поиски Эстер – неужели только затем, чтобы убить ее? Теперь уже не узнаешь.

– Бедные пилоты на дирижабле… – прошептал Том.

– Нэтсуорти, их прислали по нашу голову, – сказала Эстер. – Нечего их жалеть.

Они помолчали, глядя в туман.

Вдруг Том сказал:

– Интересно, от кого они убегали?

– Ты о чем?

– Тот город, он так быстро ехал… Наверное, за ним кто-то гнался…

Эстер уставилась на него. До нее постепенно доходило.

– Вот засада! – охнула она, и тут на них налетел еще один город.

Он был побольше первого, с огромными бочкообразными колесами. На распахнутых челюстях какой-то шутник изобразил зубастую улыбку и надпись: «Приятного аппетита!»

Отскочить они уже не успевали. На этот раз Эстер схватила Тома за шиворот. Она что-то кричала, но за грохотом двигателей Том не сразу разобрал слова.

– Прыгаем на борт! Делай как я!

Город навис над ними. Колеса прошли слева и справа, а Тома и Эстер подхватил катящийся впереди земляной вал, словно пару муравьев на пути плуга. Их чуть не расплющило о металлическое днище. Эстер пружинисто присела на гребне, словно серфер на волне. Том рядом с ней еле держался на ногах. Он только и ждал, что вот-вот его прихлопнет насмерть или зацепит стрелой от подъемного крана и сшибет под колеса. Эстер снова что-то крикнула, показывая пальцем. Как раз мимо них проносилось устье выхлопной трубы, похожей на гигантскую змею. В отсветах из топки Том разглядел ограждение ремонтной площадки. Эстер ухватилась за поручень и подтянулась, Том – за ней. Сперва его руки суматошно хватали пустоту, затем он ощутил под пальцами ржавое железо. От резкого рывка ему чуть не вывернуло руки из суставов. Эстер крепко схватила его за ремень и вытащила на площадку.

Их еще долго трясло, и не было сил подняться на ноги. Выглядели оба так, словно их наскоро слепили из глины: грязь покрывала одежду, застряла в волосах и облепила лица. Том начал смеяться и долго не мог перестать – слишком чудесным было спасение, и он никак не мог поверить, что все еще жив. Эстер смеялась вместе с ним. Раньше Том ни разу не слышал ее смеха. Он никогда и ни с кем не чувствовал такой близости, как в эту минуту с Эстер.

– Теперь все будет хорошо! – сказала она. – Пойдем узнаем, к кому это мы прицепились!

Неизвестный город на самом деле был совсем маленький, вроде поселка. Том развлекался, строя разные догадки на его счет, пока Эстер взламывала замок на люке. Они поднялись по длинной лестнице с ржавыми стенами, запотевшими от жара двигателей. Тому город казался с виду похожим на Кроули или Пирли-Споукс – пригороды Лондона, построенные в доброе старое время, когда вокруг было полно добычи и мегаполисы могли себе позволить водить с собой мелкие города-спутники. Если так – возможно, здесь есть и торговые дирижабли с лицензией на полеты в Лондон.

Однако в глубине души все еще жила тревога. «Ни один серьезный мэр не сунется в эти края со своим городом»…

Зачем бы Кроули или Пирли-Споуксу гоняться за несчастным городишкой по Ржавым болотам?

На верху лестницы оказался второй люк, на этот раз незапертый. Через него Том и Эстер вылезли на палубу. Холодный ветер гнал между железными домами лоскуты тумана. Город мчался вперед, так что палуба

тряслась и раскачивалась. Улицы словно вымерли, но Том знал, что в маленьких городах часто бывает не больше пары-тройки сотен жителей. Должно быть, сейчас все они трудились в машинном отделении или отсиживались по домам, пока не закончится погоня.

И все-таки что-то здесь ему не нравилось. Это точно был не тот скромный чистенький пригород, какой себе представил Том. Настил на палубах был весь в ржавчине и вмятинах, а рядом с обшарпанными домишками громоздились здоровенные вспомогательные двигатели, явно снятые с других городов. С основным машинным отделением на нижнем ярусе их связывала целая паутина труб, которые вились между зданиями и уходили вниз через дыры в палубе. По краю яруса, где должны бы располагаться парки и обзорные площадки, виднелся деревянный частокол с огневыми точками.

Эстер жестами показала Тому, чтобы он помалкивал, и повела его на окутанную туманом корму. Там они увидели здание, где, судя по всему, располагался муниципалитет. Вывеска над входом гласила:

Добро пожаловать
в ТАНБРИДЖ-НА-КОЛЕСАХ![14]
Население: 500 467 212
и продолжает расти!

На крыше развевался черно-белый флаг: скалящийся череп и две скрещенные кости.

– Квирк всемогущий! – ахнул Том. – Пиратский поселок!

И тут из всех переулков, затаившихся в тумане, начали появляться люди – мужчины, женщины, такие же обшарпанные, как сам город, худые и суровые, с яростно горящими глазами, а в руках у них были такие громадные пистолеты и ружья, каких Том никогда в своей жизни не видел.

Пиратский поселок уносится прочь, и на Ржавые болота вновь опускается тишина. Нарушает ее только шуршание мелких зверьков в зарослях тростника. Потом на поверхность глубокой лужи в колее начинают подниматься пузыри, темная жижа булькает, бурлит и выплевывает на сушу подергивающиеся останки Шрайка.

Его вбило в грязь по самую маковку, словно колышек от палатки, смяло и перекорежило. Левая рука висит на обрывках проводов, правая нога не слушается. Один глаз теперь слепой и темный, другой видит мутно, и Шрайк все время мотает головой, чтобы зрение прояснилось.

Память частично отшибло, зато всплыли другие, непрошеные воспоминания. Он бредет по колее и вспоминает древние войны, для которых его когда-то создали. На Холме номер 20 непрерывно трещали разряды, электростатические пушки Теслы обрушивали на него молнии, пока не начала обугливаться плоть на железных костях. Но Шрайк выжил. Он – последний из Бригады Лазаря, и он всегда выживает. Подумаешь, переехала парочка городов, – чтобы прикончить Шрайка, нужно нечто посильнее.

Медленно, очень медленно Шрайк выбирается на твердую землю. Оглядывается, принюхивается и убеждается, что Эстер не погибла. Он гордится ею. Заветное желание! Скоро он снова ее найдет, и тогда одиночеству его вечной жизни придет конец.

Пиратский поселок оставил глубокие четкие колеи. Выследить его будет несложно, хотя одна нога бессильно волочится, один глаз выведен из строя и в мозгу закоротило. Сталкер запрокидывает голову, и по безлюдным болотам разносится его охотничий клич.

Глава 16
Чаны с нечистотами

День за днем Лондон двигался вперед, прокладывая путь через континент, когда-то звавшийся Европой. Как будто впереди ждала какая-то невероятная добыча – однако после Солтхука дозорные углядели всего несколько крошечных городков-кладоискателей, и ради них Магнус Кром даже не стал менять курс. Лондон не был приспособлен для таких далеких и стремительных марш-бросков. Начали уже поговаривать о нехватке продольствия, а металлические палубы так раскалились от работающих на полную мощность двигателей, что на мостовых шестого уровня можно было жарить яичницу.

В Брюхе жара была ужасающая. Когда Кэтрин вышла из лифта на улице Адской Бездны, ей показалось, что она шагнула в печку. Кэтрин еще не бывала так глубоко в Брюхе. В первую минуту она так и застыла у выхода из станции, растерянно моргая. Шум и теснота сбивали с толку. На Первом ярусе, откуда она приехала, ярко светило солнце и прохладный ветерок шевелил кусты роз в Круговом парке; а здесь внизу метались туда-сюда толпы рабочих, неумолчно звучали гудки и к топкам катили огромные вагонетки с топливом.

Ужасно захотелось домой, но Кэтрин должна была выполнить то, зачем пришла, – ради папы. Она глубоко вздохнула и вышла на улицу.

Здесь было совсем не так, как в Верхнем Лондоне. Никто ее не узнавал. Прохожие, у которых она спрашивала дорогу, отвечали неохотно, а рабочие, болтающиеся на улицах без дела после смены, свистели и кричали ей вслед: «Ау, красотка!» и «Где отхватила такую шапчонку?». Дюжий бригадир оттолкнул Кэтрин в сторону; за ним шли заключенные в кандалах. С алтарей под топливопроводами скалились статуи Чумазого Пита – горбатого бога машинных отделений и дымовых труб. Кэтрин задрала подбородок и покрепче сжала в руке поводок, радуясь, что с ней Собака, который может ее защитить.

Но ей больше негде было искать ответы. Отец в отлучке, Том погиб или пропал без вести, а Магнус Кром не хочет с ней разговаривать. Только еще один человек во всем Лондоне может знать тайну девушки со шрамом.

Найти его было нелегко, но, к счастью, служащие архива в Гильдии мусорщиков, трубочистов и других технических работников были рады оказать услугу дочери Таддеуса Валентайна. Ей сказали: если в тот вечер

поблизости от мусорного желоба находился ученик-инженер – значит он надзирал за работой заключенных, а раз он надзирал за работой заключенных – значит он из экспериментальной инженерной тюрьмы в Подбрюшье. Еще несколько вопросов и взятка одному десятнику, и Кэтрин сообщили имя: ученик Под.

И сейчас наконец, спустя неделю после встречи с лорд-мэром, Кэтрин шла поговорить с этим учеником.

Тюрьма в Подбрюшье – это был целый комплекс зданий, размером с небольшой городок, теснившийся у основания гигантского опорного столба. Следуя указателям, Кэтрин добралась до административного блока – шарообразного металлического строения в потеках ржавчины, установленного на стойках и медленно вращающегося, так что надзиратели могли из окон присматривать за тюремными камерами, двором для прогулок и фермами по разведению водорослей. В вестибюле неоновый свет отражался от огромных, как поле, пространств белого металла. Навстречу Кэтрин вышел инженер.

– С собаками нельзя, – строго сказал он.

– Это не собака, это волк, – ответила Кэтрин с самой очаровательной улыбкой, на какую была способна.

Собака потянулся обнюхать резиновый плащ. Инженер отпрыгнул. Это был важный на вид человечек, с тонкогубым ртом и пятнами экземы на лысой голове. На беджике у него было написано: «Брюшной смотритель Ниммо». Кэтрин снова улыбулась, и не успел он выдвинуть еще какие-нибудь возражения, как она махнула золотым пропуском:

– Я пришла по поручению отца, Главного историка. Мне нужно поговорить с учеником по фамилии Под.

Смотритель Ниммо заморгал:

– Но… Но…

– Я только что от Магнуса Крома, – соврала Кэтрин. – Если хотите проверить, позвоните его секретарю.

– Нет-нет, я уверен, все в порядке… – забормотал Ниммо.

Он был недоволен. Раньше из других гильдий не приходили поговорить с их учениками, и наверняка это запрещалось. Но ему не хотелось спорить со знакомой лорд-мэра. Он попросил Кэтрин подождать и засеменил прочь, скрывшись в кабинете со стеклянными стенами в дальнем конце вестибюля.

Кэтрин ждала, поглаживая Собаку по голове и вежливо улыбаясь проходящим мимо лысым инженерам в белых плащах.

Вскоре Ниммо вернулся:

– Я нашел ученика Пода. Его перевели в Шестидесятый сектор.

– Ах, отлично, мистер Ниммо! – Кэтрин просияла улыбкой. – Можете прислать его сюда?

– Безусловно, нет! – отрезал инженер.

Ему не нравилось, что им командует дочка какого-то там историка. Но если ей приспичило в Шестидесятый сектор, так уж и быть, он ее проводит.

– Следуйте за мной! – И он пошел к небольшому лифту. – Шестидесятый расположен на нижней палубе.

Нижнюю палубу занимала лондонская система канализации. Кэтрин читала о ней в учебниках и знала, что спускаться придется долго, но ничто не могло ее подготовить к чудовищному запаху. Вонь обрушилась на нее, как только открылись двери лифта. Все равно что с размаху войти в вертикальную стену жидких помоев.

– Это одна из наших самых интересных экспериментальных установок, – сообщил Ниммо, будто не замечая запаха. – Здесь заключенные помогают разрабатывать новые увлекательные методики вторичной переработки городских отходов.

Выходя из лифта, Кэтрин прикрыла лицо носовым платком. Она оказалась в просторном, слабо освещенном помещении. Впереди виднелись три громадных чана, каждый размером больше Клио-Хауса вместе с прилегающими садами. Из переплетения труб, укрепленных под низким потолком, в чаны капала тягучая желто-коричневая масса. Люди в серых тюремных робах бродили по грудь в вонючей жиже и водили по ее поверхности граблями.

– Что они делают? – спросила Кэтрин. – Что это в чанах?

– Органические отходы, мисс Валентайн, – с гордостью ответил Ниммо. – Экскременты. Фекалии. Побочный продукт человеческой жизнедеятельности.

– В смысле… какашки? – в ужасе спросила Кэтрин.

– Благодарю вас, мисс Валентайн; полагаю, именно это слово я искал. – Ниммо сердито покосился на нее. – Уверяю вас, в этом нет ничего отвратительного. Все мы… э-э-э… время от времени пользуемся туалетом. Ну вот а теперь вы знаете, куда в конечном итоге попадают ваши… э-э-э… какашки. Девиз инженеров – «Все в дело годится». Правильным образом переработанные испражнения становятся высококачественным топливом для городских двигателей. А сейчас мы проводим серию опытов по изготовлению из отходов вкусных и питательных блюд. Заключенных только этим и кормим. К сожалению, они постоянно умирают. Но это,

несомненно, временные трудности.

Кэтрин подошла к краю ближайшего чана. «Я попала в Страну, не ведающую солнца, – думала она. – О, Клио! Это загробный мир!»

Нет, даже в загробном мире, наверное, не так ужасно, как здесь. Мерзкая масса колыхалась в чане и плескала мелкими волнами, когда Лондон переваливал через пригорок. Под сводчатым потолком жужжали полчища мух, они садились на лица и тела рабочих. Бритые головы заключенных блестели в тусклом свете. С застывшими, ничего не выражающими лицами арестанты собирали граблями скопившуюся на поверхности плотную корку и перекладывали в вагонетки, которые другие заключенные толкали по рельсам вдоль бортика. За работой наблюдали суровые ученики-инженеры с длинными черными дубинками в руках. Один только Собака выглядел счастливым – он натягивал поводок, махал хвостом и радостно поглядывал на Кэтрин, словно благодарил ее за то, что привела его в такое замечательное место с такими интересными запахами.

Еле-еле сдерживаясь, чтобы не расстаться с просившимся наружу завтраком, Кэтрин обернулась к Ниммо:

– Кто эти несчастные люди?

– О, за них не беспокойтесь, – ответил смотритель. – Это заключенные. Преступники. Они это заслужили.

– Что они сделали?

– То да се… Мелкие кражи, уклонение от налогов, критические высказывания в адрес лорд-мэра. Их содержат в не таких уж плохих условиях. Так, посмотрим, где тут может быть ученик Под…

Тем временем Кэтрин глаз не сводила с ближайшего чана. Один из работавших там людей выронил грабли и схватился за голову, словно она у него закружилась. Девушка-подмастерье тоже это заметила и, подойдя к бортику, ткнула в заключенного дубинкой. Посыпались голубоватые искры, человек завыл, задергался и упал, сразу целиком уйдя под колышущуюся поверхность. Другие заключенные со страхом смотрели на то место, где он исчез, но боялись что-либо сделать.

– Помогите ему! – вскрикнула Кэтрин, бросаясь к Ниммо.

Тот как будто ничего не заметил.

Прибежал еще один ученик-инженер и стал кричать арестантам, чтобы подняли своего товарища. Двое-трое выловили его из зловонной жижи, а ученик, перегнувшись через бортик, вытащил его из чана, причем сам измазался с ног до головы. Как и у других надзирателей, на лице ученика была марлевая повязка, но Кэтрин показалось, что она его узнала.

И сейчас же Ниммо прорычал:

– Под!!!

Оба кинулись к нему. Ученик Под перетащил полузахлебнувшегося заключенного на металлический мостик между чанами, поближе к водопроводному крану, и пытался умыть ему лицо. Ученица, которая ткнула бедолагу дубинкой, наблюдала за ним с брезгливой гримасой.

– Под, опять воду зря тратишь! – сказала она.

– Что здесь происходит, ученики? – строго спросил Ниммо.

– Заключенный отлынивал от работы! – ответила девушка. – Я просто хотела немного его подогнать.

– Да у него температура! – жалобно проговорил ученик Под, подняв заляпанное грязью лицо. – Неудивительно, что он не может работать.

Кэтрин опустилась на колени рядом с ним, и тут он впервые ее заметил и раскрыл изумленно глаза. Ему удалось почти дочиста отмыть заключенному лицо. Кэтрин приложила ладонь к влажному лбу. Даже в пекле Подбрюшья он казался горячим.

– Он и правда болен! Весь горит. Его в больницу надо…

– В больницу? – повторил Ниммо. – Нет у нас тут больниц! Мисс Валентайн, эти люди – осужденные преступники. Им не требуется медицинское обслуживание.

– Скоро он отправится в отдел «К», – заметила ученица.

– Молчать! – прошипел Ниммо.

Кэтрин спросила:

– Что такое отдел «К»?

Ниммо не ответил. Ученик Под смотрел на Кэтрин в упор, и ей показалось, что по щекам у него текут слезы – хотя, наверное, это были капли пота. Заключенный впал в полубессознательное состояние. Металлическая палуба на вид была ужасно холодной, и Кэтрин, следуя внезапному порыву, подсунула ему под голову свою шапку вместо подушки.

– Ему нельзя здесь быть! – сказала она гневно. – Он слишком слаб, чтобы работать в этих ужасных чанах!

– Ужас, ужас, – подхватил Ниммо. – В последнее время нам присылают никуда не годных арестантов! Они были бы здоровее, если бы Гильдия купцов лучше старалась преодолеть трудности с продовольствием или навигаторы хоть раз в жизни почесались и отыскали приличную дичь… Но по-моему, мисс Валентайн, вы уже видели достаточно. Пожалуйста, задайте ученику Поду вопросы, которые поручил выяснить ваш отец, и я провожу вас к лифтам.

Под стащил маску, и Кэтрин увидела, что он неожиданно хорош собой:

огромные темные глаза и небольшой, идеальной формы рот. Кэтрин уставилась на него, чувствуя себя очень глупо. Он такой храбрый, старается помочь несчастному арестанту, а она его отвлекает какой-то ерундой.

– Вы – мисс Валентайн, да? – спросил он смущенно.

Собака пролез мимо него и стал обнюхивать пальцы больного.

Кэтрин кивнула:

– Я видела вас в Брюхе в тот день, когда мы съели Солтхук. Около мусорного желоба. Вы видели девушку, которая пыталась убить моего папу. Могли бы вы рассказать, что вспомните?

Ученик-инженер зачарованно рассматривал ее длинные темные волосы – они рассыпались по плечам, когда Кэтрин сняла шапку. Потом он быстро глянул на Ниммо:

– Я ничего не видел, мисс. То есть я услышал крики и побежал на помощь, но там была такая суматоха, дым и прочее… Я никого не видел.

– Точно? – взмолилась Кэтрин. – Это может оказаться очень важным!

Ученик Под отвел глаза и покачал головой:

– Простите…

Вдруг больной арестант пошевелился и громко вздохнул. Все обернулись к нему. Кэтрин не сразу поняла, что он умер.

– Видите? – самодовольно заметила девушка-подмастерье. – Я же говорила, что ему прямая дорога в отдел «К».

Ниммо потыкал мертвое тело носком сапога:

– Убрать его!

Кэтрин била дрожь. Хотелось заплакать, но слез не было. Если бы она могла хоть чем-нибудь помочь несчастным людям!

– Когда папа вернется, я ему все расскажу! – пообещала она. – И когда он узнает о том, что здесь творится…

Она жалела, что вообще пришла сюда.

Под снова сказал:

– Простите, мисс…

Кэтрин не знала, извиняется ли он за то, что не смог помочь, или просто жалеет ее, потому что ей пришлось столкнуться с правдой жизни Нижнего Лондона.

Ниммо начал терять терпение:

– Мисс Валентайн, вам пора, я настаиваю! Вам не положено здесь находиться. Если у вашего отца дело к нашему ученику, ему следовало прислать кого-нибудь из гильдии. И что он рассчитывал узнать от мальчишки?

– Я уже ухожу, – сказала Кэтрин и сделала то единственное, что еще могла сделать для умершего: бережно закрыла ему глаза.

– Простите, – прошептал ученик Под, когда она уходила.

Глава 17
Пиратский поселок

Той же ночью на Ржавых болотах Танбридж-на-Колесах наконец догнал добычу. Измученный крохотный городок заехал в трясину, забуксовал, и поселок налетел на него всем бортом, не сбавляя скорости. При столкновении городок разлетелся на куски. Обломки и щепки дождем посыпались на улицы Танбриджа-на-Колесах. Пиратский поселок развернулся и помчался пожирать добычу.

– Еда навынос! – орали пираты.

Том и Эстер с ужасом смотрели сквозь решетку своей клетки на нижней палубе, как заработали демонтажные машины. Городок превращали в груду металлолома, даже не дав жителям времени покинуть его. Тех немногих, кто успевал выскочить, хватали поджидавшие пираты. Молодых и крепких запирали в тесных клетках вроде той, где сидели Том и Эстер, а остальных убивали. Трупы бросали в общую свалку отходов на краю Пищеварительной верфи.

– Квирк всемогущий! – прошептал Том. – Какой ужас… Они нарушают все принципы муниципального дарвинизма!

– Это пиратский поселок, Нэтсуорти, – отозвалась Эстер. – А ты как думал? Они по-быстрому обдирают добычу, а пленников берут в рабство и заставляют работать в машинном отделении. На тех, кто не может работать, еду и место тратить не будут. На самом деле твой драгоценный Лондон делает примерно то же самое. Эти, по крайней мере, честно называют себя пиратами.

На верфи мелькнула яркая вспышка: мэр пиратского поселка в ярко-алой мантии спустился взглянуть на добычу. В окружении телохранителей он шел вдоль клеток с пленниками – плюгавый человечек, сутулый и лысый. Из воротника мантии торчала тощая жилистая шея. Вид у мэра был неприветливый.

– Он больше похож не на мэра, а на побитое молью чучело стервятника! – шепнул Том, дергая Эстер за рукав. – Как ты думаешь, что он с нами сделает?

Эстер пожала плечами:

– Наверное, загонит в машинное отделение…

Вдруг она запнулась и уставилась на мэра, как на невиданное чудо.

Потом, отпихнув Тома, прижалась лицом к прутьям решетки и

завопила во все горло, чтобы ее услышали за грохотом работающих машин:

– Пиви! Ау!

– Ты его знаешь? – удивился Том. – Он хороший? Он твой друг?

– У меня нет друзей, – отрезала Эстер. – И никакой он не хороший. Он скотина и безжалостный убийца. Я видела, как он убивал людей просто за то, что не так на него посмотрели. Будем надеяться, что он в хорошем настроении после удачной охоты. Пиви! Сюда гляди! Это я, Эстер Шоу!

Скотина и безжалостный убийца, нахмурившись, обернулся к их клетке.

– Его зовут Крайслер Пиви, – хриплым шепотом пояснила Эстер. – Он пару раз приезжал в Строул торговать, когда я жила у Шрайка. Он тогда был мэром другого мелкого городка, занимался кладоискательством. Одни боги знают, как он раздобыл такой шикарный поселок… Ладно, тихо, я буду с ним разговаривать, а ты не мешай!

Крайслер Пиви подошел ближе, чтобы рассмотреть пленников. Телохранители следовали за ним плотной группой. Шишковатый череп мэра блестел в отсветах плавильных печей. Пот катился с него градом, оставляя светлые дорожки на покрытом грязью и копотью лице. Словно в возмещение лысины, в других местах он был страшно волосатый: подбородок весь зарос щетиной, над глазами нависали кустистые брови, пучки седых волос лезли из носа и из ушей. На шее у него висела потускневшая цепь, а на плече сидела тощая обезьянка.

– Кто это? – спросил мэр.

– Парочка «зайцев», босс… То есть я хотела сказать – ваша милость… – ответила телохранительница.

Волосы у нее были заплетены в две косы, залитые лаком и изогнутые в форме рогов.

– Пробрались на борт прямо во время охоты, ваша милость, – прибавил другой телохранитель – тот, что надзирал за поимкой Тома и Эстер.

Он показал мэру надетую на нем куртку с подкладкой из овчины, отобранную у Тома.

– Вот, с этого снял…

Пиви что-то буркнул и начал отворачиваться, но Эстер, улыбаясь своей перекошенной улыбкой, все повторяла:

– Пиви! Это я!

Наконец в жадных черных глазках блеснуло узнавание.

– Чтоб меня переехало! – проворчал он. – Это малявка железного громилы!

– Хорошо выглядишь, Пиви, – сказала Эстер.

Том заметил, что она не старается спрятать лицо от пиратов, как будто знает, что перед ними нельзя показывать слабости.

– Во дела! – сказал Пиви, оглядывая ее с головы до ног. – Точно, это ты! Мелкая помощница Сталкера! Подросла и стала еще страшнее! А где же старина Шрайки?

– Умер, – ответила Эстер.

– Помер, говоришь? И что с ним случилось, коррозия металла? – Он оглушительно захохотал, и телохранители послушно подхватили смех.

Даже обезьянка на плече визгливо захихикала, гремя цепочкой.

– Коррозия металла! Уловили?

– И как же так получилось, что ты руководишь Танбриджем-на-Колесах? – спросила Эстер, пока он, посмеиваясь, утирал глаза. – Раньше, я слышала, это был приличный поселок. Охотился где-то на севере, у самой границы льдов.

Пиви хмыкнул и прислонился к решетке.

– Шикарный поселок, скажи? Пару лет назад слопал мой прежний городок. Налетел откуда ни возьмись да и проглотил целиком. Ну да они были слабаки; не приняли в расчет нас с ребятами. Мы вырвались из брюха и захватили власть в поселке. Мэра и советников отправили кидать уголь в топки, а сами поселились в их уютных домиках и заняли мэрию. Хватит с меня кладоискательства! Я теперь настоящий мэр. Его милость Крайслер Пиви, прошу любить и жаловать!

Том содрогнулся, представив себе, какие ужасы здесь творились, когда Пиви со своими головорезами забирал власть, а Эстер просто уважительно кивнула.

– Поздравляю! – сказала она. – Город хороший. В смысле быстрый. Построен крепко. Но все-таки вы сильно рискуете. Если бы добыча не остановилась вовремя, вы бы в самую глубь Ржавых болот влезли и затонули бы за милую душу.

Пиви отмахнулся от предостережения.

– Танбриджу это не грозит, моя душечка. Наш поселок – специализированный. Нам болота нипочем. Среди топей прячутся жирные города, а там, куда я планирую после отправиться, и того жирнее.

Эстер кивнула.

– Ну что, может, выпустишь нас отсюда? – спросила она как бы мимоходом. – Столько добычи… Наверное, тебе пригодится пара крепких помощников?

– Ха-ха! – засмеялся Пиви. – Неплохо, Этти, неплохо, только не

повезло тебе. С дичью уж два года туго, так что добычи да жратвы нам самим едва хватает. Ребята не обрадуются, если в поселке новые лица появятся. К тому же такие страшенные!

Он снова расхохотался, оглядываясь на свою охрану – оценили ли шутку. Те, как всегда, подхватили. Обезьяна забралась мэру на макушку и присела там, что-то громко тараторя.

– Пиви, я тебе пригожусь! – В отчаянии Эстер совсем забыла про Тома. – Я не слабачка! Покрепче многих твоих ребят буду. Если надо, я стану драться за место на верхнем ярусе!

– Пригодишься, а то как же, – согласился Пиви. – Только не на верхнем ярусе. Помощники мне в машинном отделении нужны. Извиняй, Эстер! – Он отвернулся, махнув рукой рогатой женщине. – Заковать их в цепи, Мэгз! И отведи обоих в сарай, где рабов держат.

Эстер безнадежно осела на пол. Том тронул ее за плечо, но она с досадой оттолкнула его руку. Том посмотрел вслед Пиви. Тот уже шел прочь по залитой кровью верфи, а пираты тем временем подступили к клетке с ружьями и кандалами в руках. Том сам себе удивлялся – он почти не чувствовал страха, только злость. После всего, что им пришлось пережить, они все-таки попадут в рабство! Это просто нечестно! Том не успел опомниться, как вскочил на ноги и стал колотить по грязным прутьям решетки, выкрикивая неузнаваемым тонким голосом:

– НЕТ!

Пиви обернулся. Брови его полезли на изрезанный морщинами лоб, словно две гусеницы-альпинистки.

– НЕТ! – кричал Том. – Вы же с ней знакомы, она вас попросила о помощи, так помогите ей! Вы просто трус! Поедаете мелкие городки, которые не могут от вас убежать, убиваете людей, держите их в рабстве, а помочь не хотите, потому что собственных подчиненных боитесь!

Мэгз и другие охранники вскинули ружья, вопросительно оглядываясь на мэра. Они ждали, что им прикажут вышибить нахальному пленнику мозги. Но мэр молча таращил глаза на Тома, а потом вдруг медленно подошел к клетке.

– Что ты сказал? – спросил Пиви.

Том попятился. Он хотел ответить, но не смог произнести ни слова.

– Ты ж из Лондона, так, что ли? – спросил Пиви. – Этот выговор я где хочешь узнаю! Да и не с нижних районов. Ты с какого яруса?

– Со В-второго, – запинаясь, выдавил Том.

– Со Второго? – Пиви оглянулся на свою команду. – Слыхали? Это, считай, почти что Верхний Лондон! Перед вами верхнелондонский

джентльмен. Мэгз, ты с какой это радости запихала джентльмена в клетку?

– Ты же сам сказал… – оправдывалась Мэгз.

– Забудь, что я сказал! – завизжал Пиви. – Выпустить его, живо!

Рогатая женщина отперла замок. Другие пираты выволокли Тома из клетки. Пиви всех растолкал и принялся с грубоватой заботой отряхивать Тома, бормоча:

– Кто ж так обращается с джентльменами! Шуруповерт, верни ему куртку!

– Чего? – возмутился пират, забравший куртку Тома. – Вот еще!

Пиви выхватил пистолет и застрелил его.

– Я сказал: верни джентльмену куртку! – рявкнул мэр, обращаясь к трупу.

Несколько пиратов торопливо стащили с мертвеца куртку и натянули ее на Тома. Пиви похлопал по дымящейся дырке от пули на груди.

– Извини, кровищей малость запачкали, – очень серьезно сказал он. – Ребята у меня невоспитанные. Позволь принести мои самые искренние извинения. Добро пожаловать на борт моего скромного города, сэр! Такая честь! Наконец-то у нас появился настоящий джентльмен! Я надеюсь, ты придешь ко мне на чай в Ратушу…

Том только рот раскрыл. До него с трудом доходило, что убивать его не собираются. А уж приглашения на чай он никак не ожидал. Но когда пиратский мэр повел его прочь, он вспомнил, что Эстер так и сидит в клетке.

– Я не могу ее здесь оставить! – сказал Том.

– Кого, Этти? – изумился Пиви.

– Мы с ней друзья, – объяснил Том. – Вместе путешествуем.

– В Танбридже полно других девчонок, – сказал Пиви. – Куда лучше, с носом и так далее. Да моя очаровательная дочурка будет счастлива с тобой познакомиться!

– Я не могу бросить Эстер, – сказал Том, набравшись храбрости.

Мэр только поклонился и махнул своим людям, чтобы снова отперли клетку.

Том сначала думал, что Пиви, как и мисс Фанг, интересуют сведения о Лондоне – куда он направляется и что ему понадобилось в центральной части Охотничьих Угодий. Но мэра, кажется, совсем не волновали передвижения Лондона. Ему просто нравилось, что в его городе появился, как он выражался, «верхнелондонский джентльмен».

Он устроил Тому и Эстер экскурсию по мэрии и познакомил их с

«городским советом» – кучкой зловещих с виду типов. И имена у них были соответствующие: Дженни Мэгз, Толстый Мунго и Штадтсфессер Зеб, Пого Нэджерс и Рисковый Зип и Малыш из Движеграда. Затем настало время пить чай в апартаментах Пиви на верхнем этаже мэрии. В комнате, полной награбленного добра, бегали и вопили сопливые дети мэра. Старшая дочь Кортина принесла чай в изящных фарфоровых чашечках и сэндвичи с огурцом на блюде из пуленепробиваемого стекла. Девушка выглядела глуповатой и запуганной. Когда Пиви увидел, что с сэндвичей не срезана корочка, он сбил Кортину с ног ударом кулака.

– Томас из ЛОНДОНА! – проорал он, швыряя в дочь сэндвичами. – Он привык, чтобы все было культурно! И сэндвичи должны быть ТРЕУГОЛЬНЫМИ!.. Ну что с ней делать! – пожаловался он Тому. – Я старался воспитывать ее как настоящую леди, но она не хочет учиться. Хотя сердце у нее доброе. Иногда как посмотрю на нее, так почти жалею, что пристрелил ее мамашу…

Он шмыгнул носом и промокнул глаза огромным носовым платком с узором из черепов со скрещенными костями. Кортина, вся дрожа, принесла другие сэндвичи.

– Понимаешь, Том, – объяснил Пиви, жуя хлеб с огурцами, – тут дело такое: я не хочу всю жизнь прожить пиратом.

– Не хотите? – откликнулся Том.

– Нет, – сказал Пиви. – Видишь ли, малыш Томми, у меня в детстве не было таких условий, как у тебя. Я не получил, там, образования, и внешность у меня страхолюдная…

– Ну что вы, – вежливо промямлил Том.

– Приходилось самому о себе заботиться, на помойках выживать. Но я всегда знал, что когда-нибудь стану большим человеком. Однажды я увидел вдали Лондон. Он куда-то ехал по своим делам. Я такой красоты никогда в жизни не видал. Столько ярусов, а наверху беленькие виллы так и сверкают на солнышке. Потом я услыхал, что там живут богачи, и решил: я тоже буду так жить. Чтобы шикарные костюмы, и чаепития в саду, и театры, и всякое такое. И вот я стал кладоискателем, потом мэром маленького городка, теперь вот добыл городок побольше. Но о чем я мечтаю… – Он наклонился к самому уху Тома. – Мечтаю стать респектабельным.

– Да, конечно, – согласился Том, покосившись на Эстер.

– Я вот как рассуждаю, – продолжал Пиви. – Если в этот раз охота пойдет как надо, Танбридж-на-Колесах разбогатеет, оглянуться не успеешь. Я люблю этот поселок, Том, и хочу, чтобы он рос и процветал. Хочу пристроить верхний ярус с парками и шикарными особняками, и чтобы

посторонним вход запрещен, и лифты чтобы ездили вверх-вниз. Хочу сделать из Танбриджа хороший такой мегаполис, а я был бы в нем лорд-мэром. Будет что передать детишкам по наследству. А тебя, Томми, я попрошу: научи меня, как полагается жить в большом городе. Научи меня иттикету, чтоб не быть мне посмешищем для других лорд-мэров. И ребят моих научи, а то они прямо как свиньи какие живут. Ну, что скажешь? Сделаешь из нас джентльменов?

Том только глазами хлопал, вспоминая угрюмые лица здешних советников и пытаясь представить, что они с ним сделают, если он попробует их заставить открывать друг для друга двери и жевать с закрытым ртом. Он не находил слов, но Эстер ответила за него.

– Пиви, тебе повезло, что Том попал в твой город! – сказала она. – Том – специалист по этикету. Другого такого вежливого человека я не встречала. Он тебе все, что надо, расскажет.

– Но… – сказал Том и тут же скривился от боли – Эстер пнула его по лодыжке.

– Вот и чудненько, вот и славненько! – захихикал Пиви, брызгая во все стороны крошками от сэндвича. – Держись старины Крайслера, малыш Томми, не ошибешься! Как поймаем крупную дичь, так и приступим. Добыча ждет нас по ту сторону болот. К концу недели доберемся…

Том медленно пил чай. Перед его мысленным взором снова возникла карта Охотничьих Угодий: обширные пространства Ржавых болот, а за ними…

– По ту сторону болот, – повторил он. – Там же только Хазакское море, больше ничего нет!

– Спокойно, малыш Томми! – захохотал Крайслер. – Я же говорил, город наш специализированный. Вот погоди, сам все увидишь. Нам и море по колено! Ха-ха! Погодите – и увидите!

Он с размаху хлопнул Тома по спине и стал пить чай, изящно оттопырив мизинец.

Глава 18
Бивис

Прошло несколько дней, и Лондон снова завидел добычу: несколько маленьких славяноговорящих городов прятались в расщелинах старых известняковых гор. Мегаполис носился туда-сюда, заглатывая их один за другим. Половина лондонцев столпилась на обзорных площадках, наблюдая за охотой и вопя от восторга. Унылые западные равнины остались позади, и вчерашнее недовольство было забыто. Кому какое дело, что в нижних районах люди мрут от теплового удара? Славный Лондон! Славный старина Кром! Давненько уже не было такой отличной добычи!

Лондон сперва переловил и съел самые быстрые городки, затем вернулся подобрать более медлительные. Прошла почти неделя, пока доели последний город: когда-то большой и важный, сейчас он еле ковылял – хищные поселки оторвали ему часть гусениц. Удачное окончание охоты праздновали по всему Лондону, и веселье стало еще более буйным, когда вдали на севере дозорные разглядели огни. Сразу пошли слухи: будто бы это огни искалеченного мегаполиса; будто бы именно его искал Валентайн и радиосигналы с «Лифта на тринадцатый этаж» приведут Лондон к роскошному пиру. До двух утра гремели ракетницы и вспыхивали фейерверки, и заместитель Главного историка Чадли Помрой разжаловал Меллифанта в ученики третьего ранга за то, что тот запустил шутиху в вестибюле Музея.

К рассвету и веселье, и слухи затихли. Огни на севере в самом деле принадлежали мегаполису, только он был вовсе не искалечен. Он мчался на юг с огромной скоростью, и вид у него был голодный. Гильдия навигаторов опознала в нем Панцерштадт-Байрёйт, возникший при слиянии четырех огромных движущихся городов. Лондонцам, впрочем, было наплевать, как он называется, лишь бы удрать от него подальше.

Двигатели запустили на полную мощность, и Лондон помчался на восток. Мегаполис-конгломерат скрылся за горизонтом. Но на следующее утро он возник опять, еще ближе, чем раньше.

Кэтрин Валентайн не участвовала в праздничном веселье. Точно так же и охватившая город паника прошла мимо нее.

Она не выходила из своей комнаты с тех пор, как вернулась из Подбрюшья, и никак не могла отмыть кошмарную вонь Шестидесятого

сектора. Кэтрин почти ничего не ела, а всю одежду, которая была на ней в тот день, велела прислуге отправить на вторичную переработку. И в школу она больше не ходила. Зная то, что она знает, как можно смотреть в лицо подругам, болтающим о нарядах и мальчиках? За окном на газонах играли солнечные зайчики, цвели цветы и на деревьях распускались клейкие молодые листочки, но разве могла она, как прежде, радоваться красоте Верхнего Лондона? Кэтрин могла только думать о том, что где-то внизу тысячи лондонцев умирают от непосильного труда, чтобы немногие богачи, такие как она, могли жить в комфорте.

Она написала об этом в службу визи-новостей и в полицию, и оба письма порвала, не отправив. Какой смысл, если всем известно, что и визи-экраны, и полицию контролирует Магнус Кром? Даже верховную жрицу Клио назначает он же. До папиного возвращения ничего по поводу Подбрюшья сделать не удастся – это если сам Лондон не съедят к тому времени.

Правду о девушке со шрамом тоже уже не выяснишь. Ученик Под ничего не знает – или притворяется, что не знает, а больше ей обратиться не к кому.

И вдруг, на третий день бегства от Панцерштадт-Байрёйта, за завтраком Кэтрин получила письмо. Она не могла себе представить, кто мог бы ей написать. Долго вертела в руках конверт, разглядывая почтовый штемпель Шестого яруса и не решаясь вскрыть.

Когда она наконец разорвала конверт, оттуда ей в тарелку с кашей из водорослей выпал листок самой обычной лондонской писчей бумаги, столько раз прошедшей переработку, что она вся махрилась на ощупь, с водяными знаками «Все пойдет в дело».

Здравствуйте, мисс Валентайн!

Пожалуйста, помогите, мне нужно вам что-то сообщить. Я буду в закусочной «Общепит Пита» в парке Белсайз на Пятом ярусе, сегодня в одиннадцать утра.

С наилучшими пожеланиями,

Друг

Еще несколько недель назад Кэтрин была бы сама не своя от волнения, получив такое письмо, но сейчас ее больше не привлекали тайны. Скорее всего, кто-нибудь просто решил пошутить, подумала Кэтрин. Настроения для шуток не было. Какие тут шутки, когда Лондону грозит смертельная

опасность, а люди на нижних ярусах живут в нищете и мучениях? Она выбросила записку в бак для вторсырья и, не притронувшись к завтраку, снова бросилась мыться.

И все-таки ей было любопытно.

Когда пробило девять часов, Кэтрин сказала:

– Не пойду.

В половине десятого она сказала Собаке:

– И смысла никакого, все равно там никого не будет.

В десять она прошептала:

– Что это за название такое – «Общепит Пита»? Вранье, наверное. Нет такой закусочной.

А еще полчаса спустя она на конечной станции «Центральная шахта лифта» ждала кабину, идущую вниз.

Вышла на станции «Нижний Холборн» и пошла по улице, застроенной невзрачными многоквартирными домами. Кэтрин специально оделась попроще, шла быстрым шагом, не поднимая головы и не отпуская Собакин поводок. Взгляды прохожих больше не радовали ее. Так и чудилось, что они говорят: «Вот идет Кэтрин Валентайн, маленькая зазнайка с Первого яруса. Эти верхнелондонцы совсем жизни не знают».

В Белсайз-парке было безлюдно. В воздухе висел густой шершавый смог от лондонских двигателей. Газоны и клумбы давно уже отдали под сельскохозяйственные нужды, и на капустных грядках работали несколько служащих управления садов и парков, опрыскивая посадки средством от вредителей. Поблизости стоял обшарпанный домик с островерхой крышей и вывеской «Общепит Пита» и чуть ниже: «Кафе». Снаружи под тентом стояли несколько столиков, и еще несколько виднелись внутри. Посетители болтали и курили в слабом свете работающего вполсилы аргонового шара. Мальчик за столиком у двери встал и помахал Кэтрин. Собака взмахнул хвостом. Тогда и Кэтрин узнала ученика Пода.

– Я Бивис, – представился он, неуверенно улыбаясь, когда Кэтрин уселась напротив. – Бивис Под.

– Я помню.

– Спасибо, что пришли, мисс. Я хотел с вами поговорить, еще когда вы были у нас в Шестидесятом секторе, но только чтобы в гильдии не знали. Они не любят, когда мы общаемся с посторонними. А сегодня нам дали выходной, потому что они там готовятся к большому собранию, и вот я пришел. Инженеры редко обедают в этой закусочной.

«Ничего удивительного», – подумала Кэтрин, изучая меню. Там была цветная фотография чего-то под названием «Хэппи-Мил» – ломтик

ненатурально-розового мяса, вложенный между двумя булочками из водорослей.

Кэтрин заказала чай с мятой. Его принесли в стаканчике из стекластика, и пахло от него какой-то химией.

– На Пятом ярусе все рестораны такие?

– Нет, что вы! – ответил Бивис. – Другие намного хуже.

Он неотрывно разглядывал ее волосы. В Брюхе, в питомнике для инженеров, где он вырос, ни у кого не было таких волос – длинных и блестящих. Инженеры утверждали, что волосы – ненужное излишество, пережиток статичной жизни прошлого, но теперь у него появились сомнения…

– Ты говорил, что тебе нужна помощь, – напомнила Кэтрин.

– Да! – Бивис оглянулся по сторонам, словно проверяя, не следят ли за ними. – Это насчет ваших вопросов. Я не мог говорить при Ниммо. Меня и так уже наказали за то, что хотел помочь тому несчастному…

Его темные глаза вновь наполнились слезами. Странно, подумала Кэтрин, инженер – и так легко плачет.

– Бивис, ты ни в чем не виноват! – сказала она. – Так что с той девушкой? Ты ее видел?

Бивис кивнул:

– Она пробежала мимо меня, а за ней гнался ученик-историк. Он крикнул, что ее надо задержать, и я побежал на помощь. Около желоба для отходов она обернулась. У нее что-то было с лицом…

Кэтрин кивнула:

– А дальше?

– Она что-то ему крикнула, я не все разобрал – двигатели шумели и на верфи шел демонтаж… Там было что-то про твоего отца. А потом она показала на себя и говорит: что-то такое, Эстер Шоу. И прыгнула.

– И утащила за собой бедного Тома…

– Нет, мисс. Он остался стоять как дурак. Тут ветром дым нанесло, ничего не видно стало, а потом прибежали полицейские и я смылся. Понимаете, я никому не мог рассказать о том, что видел. Я же не должен был покидать свой пост.

– Но мне ты рассказываешь.

– Да. – Ученик-инженер покраснел.

– Эстер Шоу? – Кэтрин мысленно разглядывала это имя, но для нее это был пустой звук.

И еще она никак не могла понять, почему рассказ Бивиса расходится с папиным. Наверное, Бивис что-то перепутал.

Он снова тревожно огляделся и спросил шепотом:

– А ваш папа правда может помочь заключенным?

– Обязательно поможет, когда я ему расскажу, что там творится! – пообещала Кэтрин. – Я уверена, он ничего об этом не знает. Только не называй меня «мисс», не надо. И давай на «ты»! Меня зовут Кэтрин. Кейт.

– Хорошо, – серьезно ответил Бивис. – Кейт.

Он снова улыбнулся, но смотрел по-прежнему встревоженно.

– Я предан гильдии, – объяснил он. – Всегда хотел быть инженером, и никем другим. Но я не думал, что меня отправят работать в экспериментальной тюрьме. Держать людей в клетках, заставлять их работать по пояс в этих какашечных чанах… Это не инженерное дело, это просто гнусность. Я стараюсь им помочь, только могу я немногое. Смотрители заставляют их работать на износ, а потом отправляют в отдел «К» в пластиковых мешках, так что бедняги и после смерти не находят покоя.

– Что это за отдел «К»? – спросила Кэтрин.

Она вспомнила, как Ниммо шикнул на ученицу, когда та заговорила об этом отделе.

– Он тоже часть тюрьмы?

– А, нет. Это на самом верху, в Инженериуме. Экспериментальный отдел, там главная – доктор Твикс.

– А зачем ей трупы? – испуганно спросила Кэтрин, чувствуя, что лучше бы этого не знать.

Бивис побледнел:

– В гильдии ходят слухи, что она конструирует Сталкеров. Воскрешенных мертвецов.

– Клио, спаси нас!

Кэтрин вспомнила все, что знала о Сталкерах. Папа в свое время привозил из экспедиций заржавленные скелеты для исследования, но он говорил, что инженеров интересуют только электронные мозги. Получается, на самом деле они хотят восстановить Сталкеров?

– Зачем? – воскликнула Кэтрин. – Они же были солдатами, да? Что-то вроде одушевленного танка для какой-то древней войны…

– Они идеальные работники, – широко раскрыв глаза, объяснил Бивис. – Им не надо ни еды, ни одежды, ни жилья, а когда работы нет, их можно просто выключить и хранить на складе, очень удобно. Руководство гильдии говорит, что в будущем всех, кто умрет на Нижнем ярусе, станут воскрешать, а живых людей совсем не нужно будет, кроме только смотрителей.

– Это же ужасно! – возмутилась Кэтрин. – Лондон превратится в город мертвецов!

Бивис пожал плечами:

– В Подбрюшье уже сейчас почти что так. Я просто рассказываю, что слышал. Кром хочет, чтобы делали Сталкеров, а доктор Твикс выполняет его приказ на материале трупов из нашего сектора.

– Если бы люди знали про этот кошмарный проект… – начала Кэтрин, и вдруг ее поразила новая мысль. – У него есть кодовое название? Он называется МЕДУЗА?

– Черт! Откуда ты знаешь про МЕДУЗУ? – Бивис побледнел еще сильнее. – Об этом никто не должен знать!

– Почему? – спросила Кэтрин. – Что это, если не Сталкеры?

– Это большой секрет гильдии, – прошептал Бивис. – Ученики не должны даже название знать. Но смотрители обсуждают между собой, а мы слышим. Когда какие-нибудь неполадки или городу грозит опасность, они говорят: все будет хорошо, вот только приведем в действие МЕДУЗУ. Например, на этой неделе, когда за нами погнался мегаполис-конгломерат. Все перепугались, думают – Лондону конец, а старшие гильдейцы спокойно так между собой: «МЕДУЗА все расставит по местам». Сегодня вечером в Инженериуме большое собрание как раз об этом. Магнус Кром будет делать объявление.

Кэтрин пробрала дрожь от одной мысли о таинственных экспериментах, которые проводятся за наглухо закрытыми окнами Инженериума. Вот где она найдет разгадку папиных бед! МЕДУЗА. Все это как-то связано с МЕДУЗОЙ.

Она наклонилась к Бивису поближе и прошептала:

– Слушай, ты пойдешь на это собрание? Сможешь мне рассказать, о чем будет говорить Кром?

– Ох, нет, мисс… То есть, Кейт… Нет! Собрание только для гильдейцев, учеников туда не пустят…

– А ты не мог бы как-нибудь притвориться гильдейцем? – упрашивала Кейт. – У меня предчувствие! Происходит что-то очень плохое, и, по-моему, все это из-за МЕДУЗЫ.

– Прости! – Бивис покачал головой. – Я боюсь. Не хочу, чтобы меня убили, а потом отправили на Верхний ярус и сделали из меня Сталкера.

– Тогда проведи меня туда!

Кэтрин потянулась через стол и взяла Бивиса за руку. Он вздрогнул и выдернул руку, а потом уставился на свои пальцы с таким изумлением, словно ему никогда и в голову не приходило, что кто-нибудь захочет до них

дотронуться. Кэтрин мягко, но настойчиво взяла обе его дрожащие руки в свои и заглянула в глаза.

– Мне необходимо узнать, что задумал Кром, – объяснила она. – Ради папы. Бивис, я тебя прошу! Мне обязательно нужно попасть в Инженериум!

Глава 19
Хазакское море

Несколько часов спустя, когда с болот пополз вечерный туман, Танбридж-на-Колесах выкатился на берег моря. Из серебряной воды выступали темные скалистые острова. Птичьи стаи вереницами тянулись к берегу. Поселок выключил двигатели, и стало слышно хлопанье крыльев, далеко разносящееся по равнине. Мелкие волны набегали на берег, восточный ветер шуршал метелками сухой сероватой травы. Больше не было никаких звуков, ни признака движения, ни дымка от странствующего города на болотах и на море.

– Нэтсворди! – заорал Крайслер Пиви, стоя с подзорной трубой у окна наблюдательного мостика, на самом верху мэрии. – Где он? Позовите мне Нэтсворди!

Двое пиратов привели Тома и Эстер, и мэр обратился к ним с радостной улыбкой, протягивая подзорную трубу:

– Посмотри, Томми! Говорил я, что проведу город через болота? Говорил, что доберемся благополучно? А теперь смотри, что дальше будет!

Том поднес трубу к глазу, проморгался, пока размытый светлый кружок не обрел четкость. Перед ним было море с разбросанными по нему островками. К востоку высился остров побольше, словно огромное доисторическое чудовище выглянуло из воды.

Том вздрогнул, опуская трубу.

– Там ничего нет…

Танбридж-на-Колесах больше недели пробирался по трясине, и, хотя Крайслер Пиви приблизил Тома к себе и всячески благоволил, он до сих пор не объяснил, что надеялся найти по ту сторону. Он и своим головорезам не объяснил, но те и так были всем довольны, захватывая мелкие городки, ютившиеся в лабиринтах Ржавых болот, – полустационарные поселения с замшелыми колесами и удивительно красивой резьбой по дереву на всех постройках. Такую мелочь и есть-то не стоило, но Танбридж-на-Колесах все равно их пожирал. Жителей убивали или обращали в рабство, а чудесную резьбу скармливали топкам в машинном отделении.

Для Тома это было тяжелое время. Он не знал, что и думать. Его учили, что муниципальный дарвинизм – прекрасная и благородная система,

но в Танбридже-на-Колесах не было ничего благородного и прекрасного.

Том по-прежнему был желанным гостем в мэрии, так же как и Эстер, хотя Пиви никак не мог понять, с чего Том так привязался к угрюмой изуродованной девушке.

– Пригласил бы мою Кортину прогуляться, – принялся он уговаривать как-то вечером, когда они сидели в бывшем зале совета, ныне столовой. – Или какую из девчонок, что мы в прошлый раз добыли? Все красотки, как на подбор, и хамить не будут, потому как по-англичански ни словечка не знают…

Том хотел сказать: «Эстер не моя девушка!» – но ему не хотелось гулять с дочкой мэра, а тот ни за что не понял бы правду – что Том влюблен в идеальный образ Кэтрин Валентайн и ее лицо сияет для него, словно путеводный маяк, через все долгие мили его скитаний.

Поэтому Том сказал:

– Мистер Пиви, мы с Эстер многое пережили вместе. Я обещал, что помогу ей догнать Лондон.

– Так то раньше было! – возразил мэр. – А сейчас ты танбриджец! Ты мне заместо сына, при мне и останешься. Думается мне, ребятам легче будет тебя принять, если найдешь себе девчонку поприглядней. Такую, знаешь, настоящую леди.

Остальные пираты злобно косились на Тома, поигрывая ножами. Он знал, что они никогда его не примут. Они ненавидели его за то, что слабак, за то, что городской и любимчик Пиви. Честно говоря, Том не мог их за это винить.

Позже, в их с Эстер комнатенке, он сказал:

– Надо бежать. Пираты нас терпеть не могут, и им уже надоело, что Пиви к ним пристает по поводу хороших манер и прочего. Даже думать не хочется, что с нами будет, если они взбунтуются.

– Подождем сначала, посмотрим, как пойдет, – ответила Эстер, свернувшись в своем углу. – Пиви – крутой, он своих людей в кулаке держит. Лишь бы только он нашел большую добычу, которую им посулил. Квирк его знает, что он такое задумал.

– Завтра и мы узнаем, – сказал Том, проваливаясь в беспокойный сон. – Завтра к вечеру кошмарные болота останутся позади…

И вот настало завтра, и к вечеру кошмарные болота остались позади. Пока штурман раскладывал на наблюдательном мостике свои карты, по всей мэрии разнесся странный свистящий звук. Том бросил взгляд на лица толпившихся вокруг стола головорезов, но они словно ничего не заметили,

и только Эстер тревожно переглянулась с Томом и пожала плечами.

Худого очкастого штурмана звали Эймс. Он раньше был учителем в местной школе. Жизнь пирата ему нравилась: и веселее, и работать приходится меньше, и бандиты ведут себя куда примерней, чем школьники.

Он сказал, разглаживая карту тощей долгопалой рукой:

– Раньше в здешних краях охотились сотни маленьких водоплавающих городов, но они съели друг друга, а теперь сторонники Лиги спускаются с гор и селятся на островах вроде этого…

Том вытянул шею, рассматривая карту. В Хазакском море были рассыпаны крапинки островов. Эймс указывал на самый большой, в форме неровного ромба, миль двадцать в длину. Том не мог понять, что в нем особенного, и пираты тоже были озадачены, один Пиви радостно посмеивался, потирая руки.

– Черный остров! – сказал он. – Смотреть не на что, правда? А ведь он нас озолотит, ребята! После нынешней ночи Танбридж-на-Колесах сможет наконец-то стать солидным городом!

– Как это? – спросил Мунго.

Он меньше всех доверял Крайслеру Пиви и больше всех недолюбливал Тома.

– Пиви, там нет ничего! Кучка дурацких деревьев да никому не нужных моховиков.

– Каких моховиков? – шепотом спросил Том у Эстер.

– Так называют людей, которые живут в неподвижных поселениях, – прошептала она. – Знаешь, как в поговорке: «Катящийся город мхом не обрастает»…

– Тут дело такое, леди и джентльмены, – объявил Пиви. – На Черном острове кое-что есть. На днях – как раз перед тем, как ты к нам пожаловал, Том, – мы сбили дирижабль, который мотался над болотами. Команду мы прикончили, но сперва они успели рассказать кое-что интересненькое. Оказывается, там, наверху, в Воздушной Гавани, был серьезный бой: пожар, утечка газа, повреждение двигателей. Так их помяли, что они в небе держаться уже не могли. Пришлось аварийную посадку делать, для ремонта. И как вы думаете, куда они сели?

– На Черный остров? – догадался Том по алчной улыбке мэра.

– Умница, Томми! Там есть специальный караван-сарай для воздухоплавателей, где заправляются авиаколонны Лиги по пути на север. Там и приземлилась Воздушная Гавань. Считают себя в безопасности посреди моря и под охраной своих друзей-моховиков. Но они не уйдут от Танбриджа-на-Колесах!

Пираты взволнованно загалдели. Том обернулся к Эстер, но она смотрела в окно на далекий остров. Тома ужасала мысль, что чудесный парящий город лежит искалеченный, дожидаясь, пока его съедят, – и в то же время было любопытно, как Пиви рассчитывает добраться до острова.

– По местам, ребятки! – заорал пиратский мэр. – Разводи пары! Наводи пушки! Завтра на рассвете все мы будем богачами!

Пираты кинулись выполнять приказ, а Том бросился к окну. Снаружи почти стемнело, только над болотами держались багровые отблески заката. Улицы Танбриджа-на-Колесах сверкали огнями, а вдоль бортов вспухали огромные оранжевые штуковины, как в ускоренной съемке растущего гриба. Теперь стало понятно, почему слышался свист на нижней палубе: пока Пиви разглагольствовал, город накачивал воздух в надувные камеры.

– Поплыли! – гаркнул мэр, откидываясь на спинку вертящегося кресла и подавая сигнал машинному отделению.

Ожили и заурчали моторы, за кормой потянулся дымок выхлопа, и Танбридж-на-Колесах плавно покатился с берега в открытое море.

Сначала все шло хорошо. Танбридж-на-Колесах, пыхтя моторами, плыл на восток по пустынному морю, держа курс на Черный остров. Том открыл боковое окошко на мостике и подставил лицо потоку соленого ночного воздуха. Его охватило необъяснимое волнение. Сверху было видно, как на бывшей рыночной площади у переднего края поселка собираются пираты, готовят абордажные крюки и лестницы – ведь Воздушная Гавань не поместится в челюстях, ее нужно будет захватить и потом уже не спеша разобрать на части. Тому это не нравилось, особенно если вспомнить, что на Воздушной Гавани остались его друзья-пилоты – но, в конце концов, так уж устроен мир. Выживает сильнейший город. И рискованный бесшабашный план Пиви невольно пробуждал азарт.

Потом вдруг что-то упало с неба и взорвалось на рыночной площади. Палубу пересекла черная трещина, и пиратов, которые только что толпились на этом месте, не стало. Прибежали другие, с ведрами и огнетушителями. Кто-то закричал:

– Дирижабль! Дирижабль!

Снова что-то посыпалось сверху. Что-то взрывалось, по всему поселку рушились дома, а люди взлетали в воздух, крутясь, как безумные акробаты.

– Помоги нам, Чумазый Пит! – К разбитому окну на мостике подбежал Пиви и стал смотреть вниз, на полные дыма улицы. Обезьянка, отчаянно тараторя, подпрыгивала у него на плече. – Моховики-то организованы лучше, чем мы думали! Прожектора, живо!

Над городом зашарили два луча, протыкая клубы дыма. Там, где они скрестились, блеснул красным взмывающий вверх округлый силуэт. Поселковые пушки дали залп, и толщу туч прошили огненные сполохи.

– Мимо! – прошипел Пиви, глядя в подзорную трубу. – Проклятье, надо было сообразить, что Воздушная Гавань вышлет наблюдателей. И если я не ошибаюсь, это была старая кастрюля ведьмы Фанг!

– «Дженни Ганивер»! – ахнул Том.

– Чему обрадовался? – зарычал Пиви. – Она опасна! Или ты не слыхал про Цветок Ветра?

Том не рассказывал пиратскому мэру о своих приключениях на борту Воздушной Гавани. Он постарался скрыть, как рад, что мисс Фанг жива и здорова.

– Я что-то слышал о ней… Она вроде воздушный торговец…

– Да ну? – Пиви сплюнул на палубу. – Думаешь, у торговцев бывает такая огневая мощь? Она – один из лучших агентов Лиги. Ни перед чем не останавливается, когда ведет охоту на несчастные движущиеся города. Это она подбросила бомбу, которая потопила Марсель, она задушила бедняжку-султаншу Палау-Пинана. На ее совести тысячи убитых горожан! Ну ничего, мы ей еще покажем, а, Томми? Я ее с кашей съем! Я ее труп на стене вывешу, сарычам на радость! Мунго! Пого! Мэгз! Лишняя доля добычи тому, кто собьет этот красный дирижабль!

Красный дирижабль давно уже улетел на недоступное для выстрелов расстояние; он мчался к Черному острову предупредить об опасности Воздушную Гавань. Но если бы дирижабль сгорел у Тома на глазах, он и то не испытал бы такого горя и гнева. Так вот почему мисс Фанг его спасла и была такой доброй! Просто ей нужна была информация для Лиги. И ее друг, капитан Кхора, тоже с ней в сговоре, а трогательные истории рассказывал, чтобы вызвать у Тома сочувствие. Слава Квирку, Том ничего ценного не мог ей выдать!

Танбридж-на-Колесах получил повреждения и кое-где на борту начались пожары, но ракеты «Дженни Ганивер» не могли причинить ему серьезного вреда. Утратив преимущество внезапности, мисс Фанг больше не решилась нападать. Поселок плыл дальше на восток, гоня перед собой высокую, озаренную пламенем волну. Том уже видел впереди мерцающие огни на берегу Черного острова. А между поселком и островом светилась еще одна группа огней.

– Лодки! – крикнул Мунго, глядя на них сквозь прицел ружья.

Пиви встал у окна. Полы его мантии развевались на ветру.

– Рыбачьи! – фыркнул он с довольным видом. – Будет нам закуска на

сегодня. Схрумкаем их для начала!

Рыбачьи лодки порскнули в стороны, словно стая испуганных гусей, торопясь к берегу. Одну, большую и неповоротливую, отнесло ветром подальше от остальных.

– Вот ее-то мы и зацапаем, – прорычал Пиви.

Мэгз через переговорную трубку передала его приказ в машинное отделение. Взревели моторы, и поселок резко сменил курс. Скалы на берегу Черного острова заслонили звезды. «Что, если на утесах установлены пушки?» – подумал Том. Но если пушки и были, то они молчали. За рыбачьей лодкой тянулся пенный след, а дальше, у берега, белела линия прибоя…

Вдруг прямо по курсу вспенились еще волны, и Эстер крикнула:

– Пиви! Это ловушка!

Теперь уже и все увидели, но было поздно. Рыбачья плоскодонка легко перевалила через риф, а громадный тяжелый Танбридж-на-Колесах налетел на преграду со всего размаха. Острые скалы вспороли ему брюхо. Поселок качнулся и стал, накренившись. Том, покатившись по полу, больно ударился о ножки стола, на котором лежали карты. Двигатели смолкли, и в ужасающей тишине замычала сирена, словно испуганный бык.

Том кое-как дополз до окна. По темным улицам, ломая ограды палисадников, шла мощная волна. С затопленной нижней палубы сквозь сливные решетки выплескивались белые фонтанчики пены. Среди белизны мелькали черными точками обломки и крошечные, отчаянно трепыхающиеся фигурки. Рыбачья лодка вдали выполнила поворот оверштаг – полюбоваться результатом своей работы. От крутых берегов острова гибнущий поселок отделяла сотня ярдов воды.

Чья-то рука ухватила Тома за плечо и потянула к выходу.

– Идем со мной, малыш Томми! – прорычал Крайслер Пиви, на ходу снимая со стены ружье и вскидывая его на плечо. – И вы тоже! Эймси, Мунго, Мэгз, за мной!

Пираты окружили мэра плотной стеной. Он потащил Тома вниз по лестнице. Следом хромала Эстер. Внизу слышались крики. На площадке третьего этажа толпились люди, уже по колено в воде.

– Покидаем город! – проорал Пиви. – Женщины и мэры – вперед!

Они протопали через апартаменты мэра. Посреди комнаты застыла Кортина, прижимая к себе перепуганных братьев и сестер. Пиви не обратил на дочь никакого внимания. Он прошлепал по воде к сундуку в углу и, сосредоточенно насупившись, принялся крутить кодовый замок. Крышка сундука открылась, Пиви забрал из него оранжевый сверток и немедленно

повел всех дальше – на балкон, где море уже заплескивало через перила. Том оглянулся, желая помочь Кортине и детям, но Пиви уже и думать о них забыл. Он швырнул сверток в воду, и тот развернулся, шипя, превращаясь в круглый спасательный плотик.

– Давай на плот! – приказал мэр, подталкивая Тома вперед.

– Но…

– Давай на плот!

Пинок сапогом отправил Тома через балконные перила на мягкий резиновый плотик. За Томом последовал Мунго, потом как горох посыпались остальные. Плот просел под их тяжестью, и через борта полилась вода.

– О-о-о! – зарыдала где-то сбоку Кортина Пиви, но пока Том выбрался из-под мистера Эймса, поселок остался далеко позади.

Корма ушла под воду, а нос задрался вверх, к звездному небу. Том нашел глазами Эстер – она скорчилась рядом с ним. Обезьянка, что-то лопоча от страха, подпрыгивала на голове у хозяина. Издали доносились крики: «О-о-о!» Люди с плеском прыгали в воду, перебираясь через перила и обрывки надувных камер. Десятки рук цеплялись за плот, а Мунго и Пиви били по ним без всякой жалости. Отчаявшиеся люди брели к плоту, борясь с волнами. Дженни Мэгз встала и начала поливать их из пулемета. Вода вокруг вскипела красным. Поселок накренился еще сильнее. Повалил пар – море хлынуло в топки. И вдруг поселок с ужасающей быстротой затонул. Море над ним вскипело и забурлило. Еще какое-то время слышались крики и мольбы о помощи. Затрещали выстрелы – утопающие боролись за спасительные плавучие обломки.

Наконец наступила тишина. Плот, медленно вращаясь, поплыл по течению к берегу.

Глава 20
Черный остров

Шрайк выходит к морю на рассвете. Начинается прилив, и глубокие следы колес, уходящие в воду, уже слегка размыло. На востоке над поселениями Черного острова поднимается дымок. Мертвое лицо Сталкера кривится в улыбке – он доволен Эстер Шоу, оставляющей за собой четкий след разрушений.

Только мысли об Эстер и помогли ему дотащиться сюда через болота. Они гнали его по грязи, в которой вязла искалеченная нога, и через топь, где зловонная вода смыкалась над его головой. По крайней мере, след поселка находить было легко. И сейчас, идя по следу, Шрайк спускается к берегу и входит в воду, словно решил искупаться с утречка. Соленая вода плещет в глаза-линзы и просачивается в щели брони. Стихают крики чаек и шум ветра, их сменяют слабые шорохи подводного мира. Воскрешенному мертвецу безразлично – воздух или вода. Рыбы, выпучив от удивления глаза, улепетывают от него в заросли морской травы. Крабы бочком убираются с дороги, встают на дыбы и машут клешнями, словно поклоняются крабьему богу, закованному в непробиваемую броню. Он бредет дальше, на запах расплывающегося в воде машинного масла. Этот след приведет его к Танбриджу-на-Колесах.

Крайслер Пиви остановился на гребне крутого холма, поджидая остальных. Они шли медленно – впереди Том и Эстер, за ними Эймс с картой, последними – Мэгз и Мунго, сгибаясь под тяжестью оружия. Позади тянулся каменистый склон, а в море, на том месте, где затонул Танбридж-на-Колесах, кружили на воде лодки и уже стоял на якоре плот с подъемным краном. Островитяне времени не теряли.

– Моховики поганые! – прорычал Пиви.

С тех пор как они высадились на берег, Том почти не разговаривал с мэром. Сейчас он изумился, видя у старика на глазах слезы.

Том сказал:

– Я вам очень сочувствую, мистер Пиви. Я старался дотянуться до ваших детей…

– Да ну их, сопляков этих! – фыркнул Пиви. – Я не из-за них разнюнился. Мой любимый поселок! Ты только посмотри! Проклятые моховики…

Тут откуда-то с юга донесся слабый звук ружейной пальбы.

Пиви мигом просиял:

– Слыхали? Видно, кто-то из ребят добрался-таки до берега! Они моховикам дадут жару! А мы им поможем. Мы еще захватим Воздушную Гавань! Несколько человек оставим в живых, чтобы ремонт закончили, остальных убьем и прилетим на материк богачами. Свалимся с неба прямо на голову жирным самодовольным городам, пока никто не расчухал, что Воздушная Гавань занялась пиратством! А может, и мегаполис какой добудем!

Он зашагал дальше, взбираясь с одного уступа на другой с обезьяной на плече. Остальные побрели за ним. Мэгз и Мунго потеря Танбриджа-на-Колесах словно оглушила, а очередной великий план Пиви их не убедил. Они переглядывались и перешептывались, когда мэр уходил вперед и не мог их слышать, но Том считал, что в чужой незнакомой местности у них духу не хватит выступить против Пиви – по крайней мере, пока. Что до мистера Эймса, он и вовсе никогда раньше не ступал на голую землю.

– Ужас! – жаловался он. – Здесь же ходить невозможно! Столько травы! Тут могут быть змеи и хищные звери… Можно понять, почему наши предки не захотели больше так жить.

Том вполне разделял его чувства. К северу и к югу тянулись прибрежные скалы, а впереди, на верху почти отвесного склона высились темные утесы, и ветер, пролетая мимо них, завывал призрачными голосами. Обточенные ветром скалы причудливой формы с берега казались фантастическими крепостями; Пиви повел всех в обход по широкой дуге, и только потом сообразил, что это всего лишь камни.

– Чудесно! – вздохнула Эстер, прихрамывая рядом с Томом.

Она улыбалась про себя, чего за ней раньше не водилось, и тихонько насвистывала сквозь зубы.

– Чему ты радуешься? – спросил Том.

– Мы идем в Воздушную Гавань, – ответила она шепотом. – Ее стоянка где-то там, впереди, а Пиви со своими ребятами никогда в жизни ее не возьмут. Куда им против моховиков и жителей Гавани! Их убьют, а мы найдем дирижабль до Лондона. Вспомни, Анна Фанг тоже там. Вдруг она снова нам поможет?

– Ах, Анна Фанг! – разозлился Том. – Ты что, не слышала, что говорил Пиви? Она – шпионка Лиги.

– Я так и думала, – призналась Эстер. – Не зря же она все время расспрашивала про Лондон и про Валентайна.

– Что же ты мне не сказала?! – возмутился Том. – Вдруг бы я выдал

какую-нибудь важную тайну!

– Да мне-то что? – ответила Эстер. – И с каких пор ученики-историки знают важные тайны? И вообще, я думала, ты тоже сообразил, что она шпионка.

– Она не похожа на шпионку.

– Все шпионы не похожи. Не будут же они ходить с рекламным плакатом: «ШПИОН» – или в специальной шпионской шляпе.

Она была в странном настроении, шутила, и Том задумался: может, это потому, что унылые кручи напоминают ей детство на том, другом острове.

Вдруг она тронула его за руку:

– Бедный Том. Ты только сейчас узнал то, чему меня много лет назад научил Валентайн: никому нельзя доверять.

– Хм, – сказал Том.

– Ох, я не о тебе! – быстро поправилась она. – Тебе я, кажется, доверяю… Почти. Там, в Танбридже-на-Колесах… Когда ты заставил Пиви меня выпустить из клетки… Мало кто стал бы напрягаться ради такой, как я.

Том оглянулся посмотреть на нее и как никогда ясно увидел спрятанную за угрюмой маской добрую, застенчивую Эстер. Он ей улыбнулся с такой нежностью, что она вспыхнула (точнее, ее ни на что не похожее лицо пошло красными пятнами, а шрам побагровел). Пиви тоже оглянулся и заорал:

– Эй, вы, пташки сизокрылые! Хватит ворковать, шагайте бодрей!

После полудня тучи на востоке расходятся. Солнечные блики играют на гребнях волн и на выступающих над водой металлических конструкциях Танбриджа-на-Колесах. Шрайк идет по улицам поселка, медленно поворачивая голову из стороны в сторону. В затопленных помещениях зависли в воде мертвецы, словно забытые в чайнике пакетики с заваркой. В раскрытый рот мертвого пирата вплывают и снова выплывают юркие стайки рыбок. Прядка девичьих волос колышется от течения, то свиваясь, то развиваясь. Вверху темными пятнами движутся днища кладоискательских лодок. Шрайк пережидает, затаившись в тени, пока трое голых мальчишек-ныряльщиков проплывают мимо, энергично работая руками и ногами. За каждым тянется след из серебристых пузырей. Мальчишки возвращаются на поверхность с добычей: оружие, бутылки, чей-то кожаный пояс.

Эстер здесь нет. Шрайк отворачивается от затонувшего поселка, идя по следу бегущих по илистому дну теней от капелек машинного масла.

Среди водорослей разбросаны обломки крушения, а плавающие в воде трупы указывают дорогу к берегам Черного острова.

Уже под вечер он выходит из пены прибоя, волоча за собой пучки водорослей. Из щелей в потрепанной броне выливается вода. Он встряхивает головой, разгоняя муть в глазах, и оглядывает берег, засыпанный черным песком, у подножия темных скал. Почти час уходит на то, чтобы найти спасательный плотик, спрятанный под валунами размером с дом. Выпускает металлические когти и выдирает плотику дно, отрезая Эстер путь к спасению. Теперь она снова его. Когда она умрет, он отнесет ее через лес водорослей в лучах подводного солнца, через болота и долгие лиги Охотничьих Угодий в Лондон, к Магнусу Крому, бережно, как отец несет спящего ребенка.

Шрайк становится на четвереньки и начинает вынюхивать след.

К закату они наконец поднялись на гребень и теперь смотрели в самую середку Черного острова. Том до сих пор как-то не осознавал, что остров, по сути, потухший вулкан. Сверху это было очевидно: черные скалы замыкали в почти идеальный круг зеленую, расчерченную на поля долину. Почти прямо под ними на берегу синего озера приютилось небольшое стационарное поселение. Рядом с каменными домами стояли причальные мачты и ангары для дирижаблей, а неподалеку, гигантская по сравнению с городком, стояла на сотне тощих посадочных опор Воздушная Гавань – беспомощная, как птица с перебитым крылом.

– Воздушный караван-сарай! – хмыкнул Пиви, поднося к глазу подзорную трубу. – Смотри, как суетятся! Накачивают газом оболочки. Так не терпится снова в небо…

Он быстро осмотрел в трубу окрестные склоны.

– Наших не видать… Эх, нам бы сюда хоть одну пушечку! Ну ничего, мы и так справимся, а, ребятки? Эти хлюпики-пилоты против нас – тьфу! А ну подойдем поближе…

В голосе мэра звучало странное напряжение. «Он боится, – понял Том. – А признаться не может, иначе Мунго и Мэгз потеряют к нему доверие». Тому вдруг стало жаль пиратского мэра – вот уж чего он не ожидал. Но Пиви по-своему хорошо к нему относился, и видеть, как он ковыляет по горам, а собственная команда проклинает его за спиной, было тяжело.

И все-таки пока еще они шли за ним – вниз по каменистой осыпи в кратер бывшего вулкана. Один раз вдали на утесе показались силуэты всадников – островитяне отлавливали спасшихся с затонувшего пиратского

поселка. Один раз низко пролетел дирижабль. Пиви свистящим шепотом скомандовал всем лечь на землю и затаиться, а свою обезьяну обернул полой мантии, чтобы заглушить ее пронзительные вопли. Дирижабль покружил над ними, но к тому времени солнце уже село, и пилот не различил скорчившиеся на склоне горы фигурки, похожие на мышей, прячущихся от совы. Он вернулся в караван-сарай, как раз когда над восточными скалами выглянула толстая круглая луна.

Том поднялся на ноги, всхлипнув от облегчения. Вокруг, кряхтя, зашевелились пираты. Мелкие камешки срывались из-под их ног и с дробным стуком катились вниз. По улицам караван-сарая двигались крошечные человечки с фонариками. Глядя на освещенные окна, хотелось оказаться там, внутри, в тепле и безопасности. Воздушная Гавань вся сияла электрическими огнями. Ветер приносил далекие звуки отрывистых команд вперемешку с музыкой и ликующими криками.

– Клянусь Чумазым! – прошипел Мунго. – Мы опоздали! Они улетают!

– Да никогда в жизни, – фыркнул Пиви.

Но все уже видели, что баллоны Воздушной Гавани почти полны. Через несколько минут стало слышно урчание моторов – то тише, то громче с порывами ветра. Небесный город рвался ввысь. Вот он сложил суставчатые ноги-опоры, подбирая их под брюхо.

– Нет! – заорал Пиви.

Он кинулся бежать с горы, спотыкаясь и то и дело съезжая вниз по осыпи, к болотистому участку в центре кратера, крича на бегу:

– Вернись! Ты моя добыча! Я ради тебя поселок утопил!

Мунго, Мэгз и Эймс побежали следом, а за ними – Том и Эстер. Внизу почва стала мягкой, под ногами захлюпало. В лужах стоячей воды отражались звезды, луна и огни взлетающего города.

– Вернись! – орал Пиви где-то далеко впереди. – Вернись!

А потом:

– А-а-а! Помогите!

Они кинулись на голос Пиви и хриплый визг обезьяны. Пиви по пояс провалился в болото. Обезьяна сидела у него на голове, как матрос на тонущем корабле, и скалилась от страха.

– Вытащите меня, ребята! – умолял мэр. – Мы их еще догоним! Они только проверяют моторы! Скоро спустятся!

Пираты молча смотрели на него. Они понимали, что летучий город уже не захватить, а вопли мэра наверняка привлекли внимание островитян.

– Надо ему помочь!

Том шагнул вперед, но Эстер его удержала.

– Поздно, – сказала она.

Пиви погружался все глубже. Тяжелая цепь на шее тянула его вниз. Черная болотная жижа заливалась в рот.

Он закричал, отплевываясь:

– Ну, ребята! Мэгз? Мунго? Я ваш мэр! Я все это ради вас делал! – Он пошарил безумным взглядом и уставился на Тома. – Томми, скажи им! Скажи, что я хотел сделать Танбридж-на-Колесах великим городом! Хотел стать респектабельным! Скажи им…

Первый выстрел Мунго снес обезьяну с макушки Пиви – только клочья обгорелой шерсти полетели во все стороны. Второй и третий выстрелы пробили мэру грудь. Его голова поникла, и трясина с чавканьем всосала его.

Пираты уставились на Тома.

– Мы, небось, не встряли бы в такую передрягу, если б не ты, – буркнул Мунго.

– Это ты задурил шефу голову всякой дребеденью насчет манер, мегаполисов и всякого такого, – поддержала Мэгз.

– Для каждого блюда разные вилки, да еще и не разговаривай с полным ртом! – презрительно хмыкнул Эймс.

Том попятился.

Неожиданно Эстер встала между ним и пиратами.

– Том не виноват! – сказала она.

– От тебя нам тоже проку никакого, – прорычал Мунго. – Оба вы нам ни к чему. Мы – пираты! Нам не нужны уроки этикета, и дурная деваха со шрамом нам без надобности. Без вас обойдемся!

Он прицелился, и Мэгз тоже подняла ружье. Даже мистер Эймс вытащил револьвер.

И тогда из темноты раздался голос:

– ОНИ МОИ!

Глава 21
В Инженериуме

Лондон карабкался на плато, где изрытую городами землю покрывал тонким слоем снег. Далеко внизу – хоть и недостаточно далеко – катил Панцерштадт-Байрёйт, уже не просто угрожающее пятнышко на горизонте, а темная многоярусная громадина на гусеничном ходу. Золотая филигрань верхней палубы отчетливо выступала над клубами дыма от фабрик и моторов. Лондонцы молча наблюдали с обзорных площадок, как постепенно уменьшается расстояние между городами. В тот день лорд-мэр объявил, что нет причин для паники, Гильдия инженеров обеспечит благополучное преодоление кризиса – но на нижних ярусах уже начались бесчинства и грабежи. Несколько отрядов гвардейцев отправили навести порядок в Брюхе.

– Старина Кром не соображает, о чем говорит, – ворчал дежурный на лифтовой станции «Квирк-Серкус». – Не думал, что я такое скажу, но он дурак. Пригнал несчастный наш Лондон в такую даль, на восток, и все ради того, чтобы нас сожрал какой-то тухлый конгломерат. Эх, был бы Валентайн на месте, он бы знал, что делать.

– Тихо, Берт, – шикнул его напарник. – Опять эти идут.

Дежурные вежливо поклонились двум инженерам, только что прошедшим через турникеты: молодой человек и девушка в одинаковых зеленых защитных очках и белых резиновых плащах с капюшонами. Девушка махнула золотым пропуском. Когда они со спутником скрылись в лифте, Берт шепнул напарнику:

– Видно, важное что-то у них там в Инженериуме. Прямо толпами выползают из своих нор в Подбрюшье, как червяки какие. Это же надо додуматься, в такое время собрание гильдии устраивать!

В лифте Кэтрин села рядом с Бивисом. Ей было жарко и неудобно в резиновом плаще. Посмотрела на Бивиса, потом на свое отражение в оконном стекле – не размазались ли поддельные знаки гильдии в виде красного колеса, которые они старательно нарисовали друг у друга на лбу. Она считала, что оба выглядят по-дурацки в очках и капюшонах, но Бивис уверял, что так одеваются многие инженеры, да и единственный, кроме них, пассажир в лифте на них даже не глянул.

Кэтрин весь день места себе не находила, дожидаясь, пока Бивис

принесет для нее маскировку. Чтобы хоть чем-то заняться, она стала искать в папиных справочниках имя «ЭСТЕР ШОУ», но так и не нашла. В «Полном каталоге Лондонского музея» упоминалась, правда, Пандора Шоу, но там говорилось только, что это кладоискательница с Поверхности, от которой поступили несколько окаменелостей и предметов олд-тека, и была указана дата смерти – семь лет назад. Потом Кэтрин стала искать сведения о МЕДУЗЕ, но узнала всего лишь, что это мифическое чудовище. Вряд ли Магнус Кром и его инженеры верили в чудовищ.

Никто не обращал на них с Бивисом внимания, пока они шли от конечной станции лифта к главному входу Инженериума. По ступенькам уже поднимались десятки инженеров. Кэтрин крепко сжимала в руке пропуск и старалась держаться поближе к Бивису, боясь потерять его в толпе одинаковых белых плащей. «Ничего у нас не выйдет», – крутилось в голове, но дежурный гильдеец у входа не стал разглядывать пропуск. В последний раз глянув на полыхающий за куполом Святого Павла закат, Кэтрин шагнула внутрь.

Она не ожидала увидеть настолько просторное помещение, залитое светом круглых аргоновых ламп, висящих в воздухе, словно планеты. Кэтрин стала искать глазами лестницу, но Бивис потянул ее за руку:

– Мы поднимемся монорельсом. Гляди…

Инженеры один за другим усаживались в крохотные вагончики монорельса. Кэтрин и Бивис встали в очередь. Вокруг звучали негромкие разговоры и шорох резиновых плащей. Глаза Бивиса за стеклами очков были круглыми и испуганными. Кэтрин надеялась, что в вагончике они будут одни и смогут поговорить, но желающих подняться наверх было слишком много, и в конце концов она оказалась в противоположном от Бивиса углу, рядом с группой инженеров из отдела Исследований транспорта на магнитной подвеске.

– А вы из какого отдела, коллега? – спросил инженер, сидящий рядом с ней.

– Э-э-э… – Кэтрин в отчаянии оглянулась на Бивиса, но он сидел слишком далеко. Тогда она ляпнула первое, что пришло в голову: – Отдел «К».

– А-а-а, у старушки Твикси? – откликнулся ее сосед. – Говорят, она добилась поразительных результатов с новыми моделями!

– О да, очень, – ответила Кэтрин.

Тут вагончик, дернувшись, отправился, и сосед отвернулся к окну, любуясь видом.

Кэтрин ожидала, что ехать монорельсом – все равно как в лифте, но

скорость и движение вверх по спирали ощущались совершенно иначе. Ненадолго ей пришлось сосредоточиться, борясь с тошнотой. Другие инженеры ничего не заметили.

– Как вы думаете, о чем будет говорить лорд-мэр? – спросил один.

– О МЕДУЗЕ, наверное, – ответил другой. – Я слышал, готовятся к испытанию.

– Будем надеяться, что у них все получится, – сказала женщина, сидевшая напротив Кэтрин. – В конце концов, нашел машину Валентайн, а он всего лишь историк. На них нельзя полагаться.

– Ну, Валентайн – человек лорд-мэра, – вмешался еще кто-то. – Пусть метка историка на лбу вас не обманывает. Он предан, как пес, пока мы ему хорошо платим и позволяем делать вид, будто эта его дочурка-иностранка – настоящая верхнелондонская леди.

Круг за кругом вагончик поднимался все выше, мимо кабинетов и лабораторий, где сновали занятые работой инженеры, словно в гигантском улье. Наконец вагончик остановился на пятом уровне. Кэтрин вышла. Щеки у нее все еще горели, так она рассердилась на разговоры попутчиков. Они с Бивисом пошли дальше по холодным белым коридорам, раздвигая прозрачные пластиковые занавески. Впереди слышались голоса. Еще несколько поворотов, и они оказались в огромной аудитории. Бивис повел Кэтрин к свободным местам поближе к выходу. Кэтрин оглядывалась, ища глазами смотрителя Ниммо, но отличить его от других инженеров было невозможно. Повсюду белые плащи и лысые или укрытые капюшонами головы, а через раскрытые двери постоянно прибывали все новые.

– Смотри! – Бивис подтолкнул ее локтем. – Вон доктор Твикс, я тебе о ней рассказывал!

Бивис указал на низенькую, плотную, похожую на бочонок женщину в первом ряду. Она как раз усаживалась, оживленно болтая с соседями.

– Тут все гильдейское начальство! Твикс, Чабб, Гарстанг… А вон глава отдела безопасников, доктор Вамбрейс!

Кэтрин стало не по себе. Если бы ее разоблачили на входе, вся история еще сошла бы за дурацкий розыгрыш, но сейчас она находилась в святая святых Гильдии инженеров, и здесь явно должно было произойти нечто важное. Даже если ее обнаружат, успокаивала себя Кэтрин, инженеры не посмеют причинть вред дочери Валентайна. О том, что могут сделать с Бивисом, она старалась не думать.

Наконец двери закрылись, и свет пригас.

Аудитория затихла в ожидании. Тишину нарушил только шорох резиновых плащей, когда пятьсот инженеров одновременно встали.

Кэтрин с Бивисом тоже вскочили, вытягивая шеи, чтобы разглядеть сцену. На металлической кафедре стоял Магнус Кром, обводя взглядом слушателей. Кэтрин показалось на миг, что он смотрит прямо на нее. Пришлось напомнить себе, что Кром никак не может ее узнать за капюшоном, очками и поднятым воротником плаща.

– Садитесь! – сказал Кром.

Дождавшись, пока все усядутся, он продолжил:

– Друзья мои, сегодня – великий день для гильдии!

По залу пробежал взволнованный шум, и Кэтрин тоже пробрала дрожь.

Кром поднял руку, требуя тишины.

Под потолком включился слайд-проектор, и на экране за спиной Крома появилось изображение – чертеж какой-то огромной и сложной машины.

– МЕДУЗА, – объявил Кром.

И, словно эхо, все инженеры в зале выдохнули:

– *МЕДУЗА!*

– Многие из вас уже знают, – продолжал Кром, – что МЕДУЗА – экспериментальное энергетическое оружие времен Шестидесятиминутной войны. Мы узнали о ней довольно давно – собственно говоря, двадцать лет назад, когда Валентайн обнаружил эти документы во время своей экспедиции в Америку.

На экране замелькали выцветшие схемы и рукописные пометки мелким почерком. «Папа ничего об этом не рассказывал», – подумала Кэтрин.

– Безусловно, эти чертежи неполны и по ним невозможно восстановить МЕДУЗУ, – говорил между тем Кром. – Но семь лет назад, опять-таки благодаря Валентайну, мы получили замечательный артефакт олд-тека, найденный на давно забытой военной базе посреди Американской пустыни. Быть может, это наиболее сохранившееся ядро древнего компьютера, и не просто компьютера: это мозг МЕДУЗЫ, искусственного интеллекта, на котором базировалось действие этой удивительной машины. Благодаря упорному труду доктора Сплея и его товарищей из отдела «Б» мы наконец-то можем привести МЕДУЗУ в рабочее состояние. Коллеги! Закончились те времена, когда Лондон вынужден был убегать и прятаться от других голодных городов! Владея МЕДУЗОЙ, мы сможем любой из них мгновенно обратить в пепел!

Инженеры бешено зааплодировали. Бивис толкнул Кэтрин локтем: надо хлопать вместе со всеми! Но у нее руки словно примерзли к стальным подлокотникам. В голове все шло кругом. Она вспомнила все, что читала о

Шестидесятиминутной войне. Ужасное оружие Древних разнесло вдребезги все их стационарные города, отравило землю и небо. Отец ни за что не стал бы помогать инженерам воссоздать этот кошмар!

– И незачем больше пробавляться жалкими огрызками, такими как Солтхук, – продолжал Кром. – Через неделю Лондон достигнет Щит-Стены – Батмунх-Гомпы. Уже тысячу лет за нею прячется Лига противников движения, надеясь остановить поступь истории. МЕДУЗА сметет эту крепость одним ударом. И тогда перед нами откроются обширные земли, огромные стационарные города, возделанные поля и нетронутые леса, а также залежи минералов, и все это станет новыми Охотничьими Угодьями нашего города!

Лорд-мэра почти уже не было слышно. Восторженные вопли инженеров, словно волны, разбивались о стены аудитории. Стена за спиной Крома медленно разошлась в стороны. За ней оказалось широкое окно с видом на собор Святого Павла и башенки Ратуши.

– Но прежде нам предстоит еще одно дело! – выкрикнул Кром. – Я надеялся сохранить МЕДУЗУ в тайне до тех пор, пока мы не приблизимся к Щит-Стене, однако возникла необходимость провести демонстрацию силы. Пока мы с вами разговариваем, команда доктора Сплея готовится к испытанию нового оружия.

Если бы Кэтрин и хотела слушать дальше, очень скоро это стало невозможным. Слушатели начали бурно разговаривать между собой. Несколько инженеров бросились к дверям – должно быть, имели какое-то отношение к проекту МЕДУЗА. Кэтрин протолкалась к выходу и через минуту оказалась в стерильном коридоре, не зная, что ей теперь делать.

– Кейт? – Сзади появился Бивис Под. – Ты куда? Люди заметили, что ты вышла! Я видел, за нами наблюдали безопасники гильдии…

– Надо уходить, – прошептала Кэтрин. – Где выход?

– Не знаю, – ответил Бивис. – Я никогда не поднимался на этот уровень. Наверное, нужно вернуться к монорельсу…

Кэтрин хотела взяться за руки, но он стряхнул ее руку.

– Нельзя! Увидят! У инженеров не принято прикасаться друг к другу…

Они быстрым шагом двинулись по цилиндрическому коридору.

Кэтрин сказала:

– Кром все врет! Семь лет назад папа летал не в Америку, а совсем недалеко, на острова Западного океана. И он бы мне сказал, если бы нашел что-то важное, а он ни слова не говорил про МЕДУЗУ. Он вообще не стал бы связываться с оружием Древних…

– А зачем лорд-мэру врать? – спросил Бивис.

Он втайне гордился, что его гильдия раскрыла еще один секрет олд-тека.

– И вообще, он не говорил, что твой папа ее нашел, а только – что ее получили благодаря ему. Может, он ее купил у кладоискателей или еще что. Интересно, о какой демонстрации силы говорил Кром…

Тут Бивис остановился. Они дошли до конца коридора, но никакого монорельса не увидели. Перед ними были три двери – две запертые, а третья выходила на узкий балкончик над площадью Патерностер-Сквер.

– Что теперь? – спросила Кэтрин тонким от страха голосом.

Бивис ответил так же испуганно:

– Не знаю.

Кэтрин вышла на балкон отдышаться. Луна уже взошла, хоть и пряталась за облачком. Накрапывал прохладный дождик. Кэтрин сняла очки и подставила лицо дождю. Было приятно вырваться из жаркого, пропахшего химикатами помещения. Она все время думала об отце. Неужели он правда нашел МЕДУЗУ? Бивис прав, Крому незачем лгать. Бедный папа! Он сейчас, наверное, в дирижабле, где-нибудь над снеговыми вершинами Шань-Го. Если бы можно было его предупредить о том, как собираются использовать его открытие!

Над озаренной лунным светом площадью раздался низкий механический рокот. Кэтрин посмотрела вниз, но на мокрой палубе не было ничего, что могло бы издать такой звук. Тогда она подняла глаза и ахнула:

– Бивис! Посмотри!

Купол древнего собора медленно раскрылся, словно распустился огромный бутон.

Глава 22
Шрайк

Сталкер только сейчас появился или уже давно стоит и смотрит, как они препираются, сам словно каменный на усыпанном камнями склоне? Он шагнул вперед, и сырая трава задымилась под его ногой.

– ОНИ МОИ.

Пираты быстро развернулись к нему лицом. Пулемет Мэгз выпустил в железного человека очередь трассирующих пуль, ручная пушка Мунго проделала несколько черных дыр в его броне, а Эймс вовсю палил из револьвера. Шрайк стоял неподвижно, чуть покачиваясь под шквалом огня. Потом медленно двинулся вперед, пригибаясь, как будто шел против сильного ветра. Его пальто было изорвано в клочья. Пули отскакивали от брони. Из проделанных пушкой дыр текла какая-то жидкость – не то кровь, не то машинное масло. Он вытянул вперед руки. Пуля оторвала один коготь, другой. Потом Шрайк дотянулся до Мэгз. Она издала булькающий хрип и рухнула в заросли жесткой травы. Эймс, отбросив револьвер, кинулся бежать, но Шрайк вдруг оказался у него за спиной. Эймс запнулся и встал, изумленно глядя на торчащие из его груди ярко-алые острия.

У Мунго закончились патроны. Он отбросил пушку и выхватил саблю, но не успел замахнуться – Шрайк, схватив за волосы, запрокинул ему голову и перерезал шею одним ударом.

– Том, – сказала Эстер. – Беги!

Шрайк отшвырнул голову и шагнул вперед. Том побежал. Он не хотел бежать – он знал, что это бесполезно и что нужно остаться рядом с Эстер, но его ноги действовали сами по себе. Все его тело желало только одного: быть как можно дальше от ужасной мертвой твари, надвигающейся на него с горы. Вдруг земля ушла из-под ног; Том шлепнулся в жидкую грязь, покатился и врезался в каменный выступ на краю той самой трясины, что затянула Крайслера Пиви.

Том оглянулся назад. Сталкер стоял среди трупов, а над ним висела в небе Воздушная Гавань, пробуя моторы один за другим. Ее огни отражались холодным блеском на посеребренном луной черепе Шрайка.

Эстер стояла напротив, лицом к нему. Она и не думала отступать. Том подумал: «Она старается меня спасти! Выиграть время, чтобы я убежал! Но я не могу отдать ее на расправу, так нельзя!»

Он отрешился от бесчисленных голосов своего тела, кричащих, что

надо бежать, и пополз вверх по склону.

– ЭСТЕР ШОУ, – услышал он голос Шрайка, невнятный и с перебоями, словно некачественная запись.

Из дыр на груди Сталкера со свистом выходил пар. В углах рта пузырилась черная слизь.

– Ты меня убьешь? – спросила Эстер.

Шрайк утвердительно наклонил тяжелую голову.

– НЕНАДОЛГО.

– Как это?

Щель рта поехала вбок в улыбке.

– МЫ ОДИНАКОВЫЕ С ТОБОЙ. Я СРАЗУ ПОНЯЛ, ЕЩЕ В ТОТ ДЕНЬ НА БЕРЕГУ, КОГДА НАШЕЛ ТЕБЯ. КОГДА ТЫ МЕНЯ ПОКИНУЛА, ОДИНОЧЕСТВО…

– Шрайк, я должна была уйти, – прошептала она. – Я не игрушка из твоей коллекции.

– ТЫ БЫЛА МНЕ ОЧЕНЬ ДОРОГА.

«Что-то тут не то», – думал Том, подползая к ним все ближе. У Сталкеров не бывает чувств. На уроках в гильдии объясняли, что все Воскрешенные мертвецы безумны. Что там свисает из трубок у Шрайка на голове? Водоросли? Может, у него мозги заржавели? В продырявленной груди Сталкера искрило…

– ЭСТЕР, – проскрежетал Шрайк и тяжело упал на колени, так что их лица оказались на одном уровне. – КРОМ ДАЛ МНЕ СЛОВО. ЕГО СЛУГИ УЗНАЛИ ТАЙНУ МОЕГО СОЗДАНИЯ.

У Тома мурашки побежали по спине.

– Я ОТНЕСУ ТВОЕ МЕРТВОЕ ТЕЛО В ЛОНДОН, – сказал Шрайк. – И КРОМ ВОСКРЕСИТ ТЕБЯ. ТВОЮ ПЛОТЬ ЗАМЕНЯТ СТАЛЬЮ, НЕРВЫ – ПРОВОДАМИ, МЫСЛИ – ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМ. ТЫ БУДЕШЬ ПРЕКРАСНА! ТЫ БУДЕШЬ СО МНОЙ НАВСЕГДА.

– Шрайк! – фыркнула Эстер. – Кром не захочет меня воскрешать…

– ПОЧЕМУ? В НОВОМ ТЕЛЕ ТЕБЯ НИКТО НЕ УЗНАЕТ. У ТЕБЯ НЕ ОСТАНЕТСЯ НИ ВОСПОМИНАНИЙ, НИ ЧУВСТВ, ТЫ НЕ БУДЕШЬ ЕМУ УГРОЗОЙ. НО Я БУДУ ПОМНИТЬ ЗА ТЕБЯ, ДОЧЬ МОЯ. МЫ ВМЕСТЕ НАЙДЕМ И ПОКАРАЕМ ВАЛЕНТАЙНА.

Эстер засмеялась – жутким безумным смехом, от него у Тома зубы свело. Он как раз дополз до того места, где лежал труп Мунго. Убитый пират все еще сжимал в кулаке тяжелую саблю. Том начал осторожно разгибать мертвые пальцы. Бросив быстрый взгляд, он увидел, что Эстер на шаг приблизилась к Сталкеру.

– Ладно, – сказала она. – Только Тома отпусти.

– ОН ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ, – возразил Шрайк. – ТАК МЫ ДОГОВОРИЛИСЬ С КРОМОМ. ТЫ НЕ ВСПОМНИШЬ ЕГО, КОГДА ПРОСНЕШЬСЯ В НОВОМ ТЕЛЕ.

– Нет, Шрайк, пожалуйста, не надо! – взмолилась Эстер. – Скажи Крому, что он сбежал, или утонул, или еще что. Сгинул где-то на Поверхности, и ты не смог его принести. Пожалуйста!

Том стиснул рукоять сабли, еще влажную от руки Мунго. Теперь, когда дошло до дела, он не мог вдохнуть от страха, не то что встать и выйти против Сталкера. «Я не смогу, – думал он. – Я не воин, я историк!» Но он не мог бросить Эстер, ведь она предложила за него свою жизнь. Он уже был так близко, что видел ужас в ее глазах, видел, как сверкнули когти Шрайка, когда тот потянулся к ней.

– ХОРОШО, – сказал Шрайк и нежно погладил Эстер когтями по щеке. – ПУСТЬ МАЛЬЧИШКА ЖИВЕТ.

Он отвел руку для удара. Эстер зажмурилась.

– Шрайк! – заорал Том, бросая свое тело вперед и вверх.

Саблю он выставил перед собой. Зеленый отсвет упал на его лицо – Шрайк с шипением развернулся ему навстречу. Железная рука отбросила Тома назад. Он почувствовал раздирающую боль в груди. Ему показалось, что его разорвали пополам, но Шрайк ударил запястьем, а не когтями. Том покатился по земле, задыхаясь от боли. Он ждал, что сейчас Шрайк на него кинется, и больше не будет ничего.

Но Шрайк лежал на земле, а над ним склонилась Эстер. Единственный глаз Шрайка замерцал, что-то взорвалось у него в груди – вспышка, треск, и вверх потянулся тоненький дымок. Из дыры в груди Шрайка торчала рукоятка сабли. От нее сыпались искры.

– Ох, Шрайк! – прошептала Эстер.

Шрайк убрал когти, чтобы она могла взять его за руку. В его распадающемся мозгу мелькали нежданные воспоминания, и он вдруг понял, кем был до того, как его положили на Воскрешательный Стол и превратили в Сталкера. Он хотел рассказать Эстер, повернул к ней железную голову, но не успел выговорить ни слова. Смерть настигла его, и это было ничуть не легче, чем в первый раз.

Огромное железное тело застыло в неподвижности, а клочья дыма унес ветер. Далеко внизу, в долине, трубили тревогу, и уже на гору поднимались всадники, встревоженные пальбой. Они несли копья и факелы и вряд ли были настроены дружелюбно. Том попробовал встать и чуть не потерял сознание от боли в груди.

Эстер, услышав его стон, бросилась к нему.

– Зачем ты это сделал? – закричала она.

Если бы она его ударила, Том и то так сильно не удивился бы.

– Он хотел тебя убить!

– Он хотел сделать меня такой же, как он! – заорала Эстер и припала к Шрайку, сжимая его в объятиях. – Или ты не слышал, что он сказал? Он хотел подарить мне то, о чем я мечтала: ни чувств, ни воспоминаний. Представь себе лицо Валентайна, когда я пришла бы за ним! Ох, ну почему ты все время суешься, когда не надо?!

– Он превратил бы тебя в чудовище! – Том тоже невольно повысил голос.

Вся его боль и страх переплавились в ярость.

– Я и так чудовище! – взвизгнула Эстер.

– Неправда! – Том через силу поднялся на колени. – Ты мой друг! – рявкнул он.

– Ненавижу тебя! Ненавижу! – орала Эстер.

– А мне на тебя не плевать, нравится тебе это или нет! – крикнул Том. – Думаешь, у тебя одной родители умерли? Мне так же одиноко, как тебе, и меня тоже душит злость, но я же не бегаю по свету, убивая людей, и не мечтаю превратиться в Сталкера! А ты просто невоспитанная мямля, упиваешься жалостью к себе…

Но тут все, что он еще хотел высказать, застряло у него в горле, перейдя в изумленный всхлип: он вдруг ясно как днем увидел город в долине, и Воздушную Гавань, и приближающихся всадников. Он увидел, как гаснут звезды, как застывает лицо Эстер с брызгами слюны на губах и как его собственная тень мечется по окровавленной траве.

Небо над утесами наполнил потусторонний свет, словно далеко на севере над Поверхностью поднималось новое солнце.

Глава 23
Медуза

Кэтрин смотрела, словно под гипнозом. Купол собора Святого Павла лопнул по швам, и секторы отогнулись наружу, как лепестки цветка. Что-то медленно поднималось изнутри, распускаясь орхидеей холодного белого металла. Урчание гидравлики разносилось по всей площади и дрожью отдавалось в стенах Инженериума.

– МЕДУЗА! – прошептал Бивис, застыв на пороге. – На самом деле не было никакого ремонта! Они строили МЕДУЗУ прямо в соборе!

– Коллеги?

Кэтрин с Бивисом обернулись. Позади них стоял инженер.

– Что вы здесь делаете? – резко спросил он. – Этот мостик – запретная зона для всех, кроме отдела «Л»…

Он умолк, пристально глядя на Кэтрин. Бивис тоже уставился на нее полными ужаса глазами. Она сперва не могла сообразить, что не так, и вдруг поняла: дождь! Знак, который Бивис Под с таким старанием нарисовал у нее на лбу, намок от дождя и потек ручейками красной краски.

– Какого Квирка? – охнул инженер.

– Кейт, бежим! – крикнул Бивис, отталкивая его с дороги.

Кэтрин побежала. У нее за спиной инженер, падая, сердито вскрикнул. В следующую секунду Бивис оказался рядом, схватил ее за руку, и они помчались, петляя по безлюдным коридорам, сворачивая то вправо, то влево, пока не выскочили на лестницу. Один пролет вниз, другой, сзади послышались еще крики, а потом пронзительный сигнал тревоги. Лестница привела в небольшой вестибюль с задней стороны Инженериума. У высоких стеклянных дверей на улицу стояли на страже двое гильдейцев.

– Посторонний в здании! – задыхаясь, крикнул Бивис, тыча пальцем назад. – На третьем этаже! По-моему, он вооружен!

Охранники, и так уже взволнованные сигналом тревоги, переглянулись, и один из них бросился вверх по лестнице, на ходу вытаскивая из-за пояса газовый пистолет.

Бивис и Кэтрин побежали дальше.

– Моя коллега ранена, – объяснил Бивис, показывая на лицо Кэтрин в красных потеках. – Я отведу ее к врачу!

Двери распахнулись, выпуская их в желанную темноту.

Отбежав подальше, они остановились под стенами собора и

прислушались. Кэтрин слышала грохот каких-то механизмов за стенами, но еще громче отдавался в ушах стук собственного сердца. Кто-то поблизости выкрикивал приказы. Раздался топот бегущих ног.

– Гвардейцы! – простонала Кэтрин. – Они прикажут показать документы! Заставят снять капюшон! Ой, Бивис, зачем я только тебя втравила! Беги! Брось меня!

Бивис молча покачал головой. Он пошел против гильдии, рискнул всем, чтобы помочь Кэтрин, и не собирался бросать ее сейчас.

– Клио, помоги нам! – выдохнула Кэтрин.

Она сама не знала, почему обернулась в сторону Патерностер-Сквер. А там на ступенях у входа в Ратушу стоял Чадли Помрой. Он держал в руках целую охапку папок и конвертов и смотрел вверх. Кэтрин в жизни никому так не радовалась. Она кинулась к нему, таща за собой Бивиса, и тихонько окликнула:

– Мистер Помрой!

Тот с недоумением посмотрел на них. Кэтрин сдернула с головы дурацкий капюшон, и Помрой ахнул, увидев ее лицо и слипшиеся от пота волосы.

– Мисс Валентайн! Что, спаси нас Квирк, тут творится? Посмотрите, что проклятые инженеришки сделали с собором Святого Павла!

Кэтрин запрокинула голову. Стальная орхидея уже полностью раскрылась, отбрасывая густую тень на площадь. Только это была не орхидея – скорее, что-то вроде капюшона, как у кобры, готовой укусить. Огромная кобра медленно поворачивалась, нацеливаясь на Панцерштадт-Байрёйт.

– МЕДУЗА! – прошептала Кэтрин.

– Кто? – спросил Чадли Помрой.

Завыла сирена «жука».

– Это за нами! – вскрикнула Кэтрин, бросаясь к толстенькому историку. – Помогите нам, пожалуйста! Если Бивиса поймают, я не знаю, что они с ним сделают…

Благослови боги Чадли Помроя – он не спросил «Почему?» или «Что вы натворили?», просто схватил Кэтрин и Бивиса за руки и потянул в гильдейский гараж. Там стоял его «жук». Пока шофер помогал им усесться, мимо, грохоча сапогами, пробежал отряд гвардейцев. Помрой затолкал плащ Кэтрин за спинку сиденья, а Бивису велел скрючиться на полу «жука». Сам сел на заднее сиденье рядом с Кэтрин и сказал:

– Вы молчите, говорить буду я.

И «жук», урча мотором, плавно вырулил на Патерностер-Сквер.

У станции лифта толпился народ. Все изумленно разглядывали жуткое устройство, вылезшее из купола Святого Павла. Гвардейцы остановили «жука». Молоденький инженер заглянул внутрь.

Помрой приоткрыл стекластиковый колпак «жука».

– Какие-то проблемы?

– В Инженериум проникли террористы Лиги…

– Ну, на нас можете не смотреть! – засмеялся Помрой. – Я весь вечер проработал в своем кабинете в Ратуше, а мисс Валентайн оказала мне любезность помочь с бумагами…

– Все равно, сэр, я должен обыскать ваш «жук».

– Да что вы говорите! – возмутился Помрой. – Разве мы похожи на террористов? Неужели вам больше делать нечего в последний день Лондона, когда на нас надвигается мерзкий конгломерат? Безобразие! Я буду жаловаться в Совет гильдий!

Инженер слегка растерялся, а потом кивнул и отошел в сторону, пропуская «жука» в грузовой лифт. Когда двери за ними закрылись, Помрой вздохнул с облегчением.

– Треклятые инженеры! Не обижайтесь, ученик Под…

– Я не обиделся, – глухо отозвался с пола Бивис.

– Спасибо! – прошептала Кэтрин. – Ох, спасибо, что помогли!

– Не о чем говорить, – фыркнул Чадли Помрой. – Всегда рад подгадить Крому и его лакеям. Тысячи лет собору, а они его превратили… неизвестно во что, и хоть бы извинились.

Он заметил, что Кэтрин не слушает, и мягко спросил:

– Мисс Валентайн, чем вы их так разозлили? Не хотите – не говорите, но если вы и ваш друг в беде, а старый простофиля вроде меня может вам чем-то помочь…

У Кэтрин защипало глаза.

– Отвезите нас домой, пожалуйста, – прошептала она.

– Конечно!

Пока «жук» ехал по улицам Первого яруса, пассажиры хранили неловкое молчание. В темноте бегали и кричали люди. Все указывали вверх, на собор. То тут, то там маршировали отряды гвардейцев, и каждый отряд возглавлял инженер. Наконец «жук» остановился возле Клио-Хауса. Помрой вышел проводить Кэтрин до двери. Она шепнула Бивису: «До свидания» – и пошла за историком.

– Вы сможете отвезти ученика на лифтовую станцию? – спросила Кэтрин. – Ему нужно вернуться в Брюхо.

Помрой посмотрел на нее с сомнением:

– Право, не знаю, мисс Валентайн. Сами видите, как всполошились инженеры. Если я их хоть немного знаю, все мастерские и общежития уже заблокированы и всюду идут проверки. Вероятно, они уже поняли, что он пропал, а вместе с ним два плаща с капюшонами…

– Значит, он не сможет вернуться? Никогда? – У Кэтрин даже голова закружилась.

Бедный Под, что же она наделала?

Помрой кивнул.

– Тогда я возьму его к себе, в Клио-Хаус! – решила Кэтрин.

– Дорогая моя, он не бездомный котенок.

– Но ведь когда папа вернется, он все уладит, правда? Объяснит лорд-мэру, что Бивис ни при чем…

– Возможно, – согласился Помрой. – Ваш отец тесно сотрудничает с Гильдией инженеров. Некоторые считают, что даже слишком тесно. Но по-моему, Клио-Хаус не лучшее место для вашего друга. Я отведу его в Музей. Там полно места, а инженеры не смогут явиться туда без нашего ведома.

– Вы правда это сделаете?

Кэтрин испугалась, что втягивает в опасную историю еще одного ни в чем не повинного человека, но, в конце концов, это всего на несколько дней, до папиного возвращения. А потом все устроится.

– Спасибо! – Она встала на цыпочки и поцеловала Помроя в щеку. – Спасибо!

Помрой зарумянился и просиял улыбкой. Он хотел еще что-то сказать, его губы шевелились, но Кэтрин ни звука не слышала. Ее голову наполнил какой-то странный шум. Непонятное завывание становилось все громче, и Кэтрин поняла, что это не у нее в голове. Вой шел откуда-то сверху.

– Смотрите! – крикнул историк, показывая вверх.

За своими страхами Кэтрин совсем позабыла про собор Святого Павла. А там, высоко над Верхним ярусом, по раздутому капюшону кобры перебегали, потрескивая, фиолетовые молнии. У Кэтрин волоски на руках и на загривке встали дыбом. Она протянула руку к Помрою, и с кончиков ее пальцев сорвались и прыгнули на его мантию бледные искры.

– Мистер Помрой! Что это?

– Квирк всемогущий! – воскликнул историк. – Что еще тут пробудили эти дурни?

От мерцающей машины отделились шары призрачного света и поплыли по воздуху над Круговым парком, словно огненные воздушные шарики. На шпилях Ратуши плясали молнии. Раздирающий вой становился все громче, все пронзительнее. Кэтрин зажала уши руками и все равно

чувствовала, что больше не выдержит ни секунды. Вдруг из капюшона кобры вырвался ослепительный поток энергии и потянулся на север. Шипящая плетка-девятихвостка стегнула верхнюю надстройку Панцерштадт-Байрёйта. Осколки ночной темноты разлетелись по дальним уголкам неба. На секунду Кэтрин увидела залитые огнем ярусы далекого мегаполиса, а потом все исчезло. С земли ударил белый световой столб, за ним беззвучно взметнулся багровый столб огня, и только потом докатилась звуковая волна – протяжный удар, словно где-то далеко под землей захлопнулась дверь.

Луч погас, погружая Круговой парк во тьму, и в наступившей тишине стало слышно, как в доме воет обезумевший Собака.

– Квирк всемогущий! – прошептал Чадли Помрой. – Столько народу! Несчастные люди…

– Нет! – Кэтрин словно со стороны услышала свой голос. – Ох, нет!

Она бросилась, не разбирая дороги, в ту сторону, где прошитая искрами молний туча окутала развалины Панцерштадт-Байрёйта. Из парка и с обзорных площадок донесся постепенно усиливающийся гул голосов. Сперва Кэтрин показалось, что они кричат от ужаса – ей самой хотелось кричать. Но нет, они ликовали, они вопили от восторга.

Часть вторая

Глава 24
Агент Лиги

Погас непонятный свет на севере, затих протяжный раскат грома, эхом отдаваясь от склонов бывшего вулкана. Всадники Черного острова справились с напуганными лошадьми и вылетели на окраину болота в громе копыт и шипении рвущегося на ветру пламени факелов.

Том поднял руки и закричал:

– Мы друзья! Не пираты! Путешественники! Из Лондона!

Всадники были не в настроении слушать – даже те немногие, кто понял. Они целый день гонялись по горам за спасшимися с затонувшего поселка пиратами, они видели, что люди Пиви творили в рыбачьих деревнях на западном побережье, и теперь перекликались на своем языке, натягивая луки. Стрела с серым оперением вонзилась в землю у ног Тома; он попятился, нетвердо держась на ногах.

– Мы друзья! – снова крикнул Том.

Главарь вытащил из ножен саблю, но тут другой всадник выехал вперед, пришпорив коня, и что-то прокричал на островном языке, а потом по-англичански:

– Они мне нужны живыми!

Это была Анна Фанг. Она натянула поводья, спрыгнула с седла и подбежала к Тому и Эстер. Полы ее алого пальто развевались, словно знамя. За спиной у нее был длинный меч в ножнах, а на груди – бронзовый значок в виде сломанного колеса, символ Лиги противников движения.

– Том! Эстер!

Она обняла их по очереди, улыбаясь самой ласковой улыбкой.

– Я думала, вы погибли! Наутро после боя на Воздушной Гавани отправила Линдстрема и Ясмину вас искать. Они нашли потерпевший крушение воздушный шар среди эти ужасных болот и сказали, что вы наверняка мертвы. Я хотела, по крайней мере, тела найти, но «Дженни» сильно пострадала, и потом, я была очень занята, помогала вести город сюда, на ремонтную верфь… Но мы все за вас молились и приносили погребальные жертвы небесным богам. Как думаете, может, попросить деньги обратно?

Том молчал. В груди так болело – не вдохнуть, а не то что заговорить. Значок на пальто летчицы подтверждал, что Пиви не соврал, она – агент Лиги. Тома больше не очаровывали ее доброта и переливчатый смех.

Она что-то крикнула всадникам. Двое спешились и подвели к ним коней, изумленно косясь на труп Шрайка.

– Я должна ненадолго вас покинуть, – объяснила Анна Фанг. – Поведу «Дженни» на север, посмотреть, что за колдовство полыхнуло по всему небу. Островитяне о вас позаботятся. Ты верхом ездить умеешь?

Том никогда и лошадь-то не видел, какое там верхом… Но, оглушенный болью и потрясением, он не смог ничего возразить. Его закинули в седло лохматой лошадки и повели ее под уздцы вниз по склону. Том оглянулся – где Эстер? Она хмуро сгорбилась в седле другой лошадки. Потом ее плотным кольцом окружили всадники, и Том потерял ее из виду на узких многолюдных улицах караван-сарая. Целые семьи толпились возле своих домов, разглядывая северное небо, а сверху висела Воздушная Гавань, пробуя один за другим свои моторы, и поднятый ею ветер гонял между зданиями пыль и мусор.

В конце пути был каменный домик, и кто-то усадил Тома, а человек в черных одеждах и большом белом тюрбане осмотрел его избитую грудь.

– Перелом! – радостно возвестил он. – Я – врач, Ибрагим Назгул. У тебя четыре ребра вдребезги!

Том кивнул. Голова кружилась от боли и шока, но понемногу он начинал радоваться тому, что жив и что вокруг не дикари из Лиги, каких он ожидал. Доктор Назгул перебинтовал ему грудную клетку, а жена доктора принесла миску с тушеной бараниной и покормила Тома с ложечки. Свет лампы разогнал тени по углам, в дверях столпились дети доктора, глядя на Тома большущими темными глазами.

– Ты – герой! – объяснил доктор. – Говорят, ты победил железного джинна, который хотел нас всех убить.

Том сонно моргнул. Он почти забыл жалкую битву на краю болота. Все происшедшее поблекло, будто было во сне. «Я убил Шрайка, – подумал Том. – Ну, то есть, строго говоря, он и так был мертвый, но все-таки он был личностью со своими надеждами и мечтами, а я все это уничтожил». Том совсем не чувствовал себя героем, он чувствовал себя убийцей. Стыд и вина никуда не хотели уходить и отравляли его сны, когда он задремал, клюя носом над миской с бараниной.

Потом он оказался в другой комнате, в мягкой постели, а за окном было ослепительное бело-синее небо, и на оштукатуренной стене то появлялись, то исчезали квадраты солнечного света.

– Как себя чувствуешь, истребитель Сталкеров? – раздался голос.

У кровати стояла мисс Фанг и смотрела на Тома с улыбкой ангела со старинных картин.

Том сказал:

– Все болит.

– Путешествовать сможешь? «Дженни Ганивер» ждет, и я бы хотела отправиться до рассвета. Поедим уже в полете – я приготовила жабу в тесте.

– Где Эстер? – спросил Том, еще не до конца проснувшись.

– Она тоже летит с нами.

Том сел, морщась от резкой боли в груди и от воспоминаний.

– Я с вами никуда не полечу, – сказал он.

Летчица рассмеялась. Потом поняла, что он не шутит, и, встревоженная, села на край кровати.

– Том? Я чем-то тебя расстроила?

– Вы работаете на Лигу! Вы шпионка, ничем не лучше Валентайна! И нам помогли только потому, что рассчитывали вызнать что-нибудь про Лондон!

Улыбка сползла с лица мисс Фанг.

– Том, – сказала она мягко, – я вам помогла, потому что вы мне понравились. А если бы тебе пришлось видеть, как твои родители умирают от непосильного труда в жестоком беспощадном городе, – разве ты бы не захотел помогать Лиге в борьбе против муниципального дарвинизма?

Она протянула руку и отвела растрепанную челку у него со лба, и Том вдруг вспомнил давно забытое – как он маленький сильно болел и мама вот так сидела у его постели. Но на груди у мисс Фанг по-прежнему блестел значок Лиги, а предательство Валентайна еще кровоточило незажившей раной. Том больше не даст себя обмануть улыбками и добротой!

– Вы убивали людей. – Он оттолкнул ее руку. – Вы потопили Марсель…

– А иначе они бы напали на Сто островов, убили или угнали в рабство в сотни раз больше людей, чем я утопила своей малюсенькой бомбочкой.

– И вы еще задушили эту, как ее…

– Султаншу Палау-Пинана? – Улыбка снова мелькнула на ее лице. – Я ее не душила! Как можно! Я просто сломала ей шею. Нужно было с ней что-то делать; она позволяла плавучим городам-амфибиям устраивать дозаправку на ее острове.

Том не видел здесь повода для улыбок. Он вспомнил, как люди Рейленда лежали недвижимые в воздушной гавани Стейнса, а мисс Фанг сказала, что они просто без сознания.

– Может, я и не лучше Валентайна, – продолжала она, – но между нами все-таки есть разница. Валентайн хотел тебя убить, а я хочу помочь

тебе остаться в живых. Ну что, поедешь со мной?

– Куда? – спросил Том с подозрением.

– В Шань-Го, – ответила Анна Фанг. – Готова спорить на что угодно, вчерашний свет в небе как-то связан с той штукой, которую Валентайн забрал у матери Эстер. А еще я узнала, что Лондон сейчас направляется к Щит-Стене.

Тома известие поразило. Неужели лорд-мэр вправду нашел способ пробить оборону Лиги? Это же лучшая новость за долгие годы! Что касается Шань-Го, это самое сердце Лиги противников движения, там порядочному лондонцу делать нечего.

– Я не стану вам помогать против Лондона, – предупредил он. – Там – мой дом.

– Конечно, – ответила Анна Фанг. – Но если Лондон готовится штурмовать Стену – как ты думаешь, наверное, людям, которых она защищает, нужно дать возможность уйти? Я хочу предупредить их об опасности и чтобы Эстер поехала со мной и рассказала всю историю со своей точки зрения. А Эстер поедет, только если поедешь ты.

Том засмеялся. Смеяться было больно.

– Вот уж вряд ли! Эстер меня ненавидит.

– Глупости, – хихикнула мисс Фанг. – Ты ей очень нравишься. Да она полночи мне рассказывала, какой ты добрый и какой невероятно храбрый, убил механического человека!

– Правда? – Том покраснел, вдруг преисполнившись гордости.

Он, наверное, никогда не привыкнет к Эстер Шоу и ее перепадам настроения. А все-таки она – самый близкий ему человек в этом огромном непонятном мире, и Том еще помнит, как она упрашивала Шрайка сохранить ему жизнь. Он должен ехать с ней, пусть даже в дикие земли Лиги. Пусть даже в Шань-Го.

– Хорошо, – сказал Том. – Я поеду.

Глава 25
Историки

Из нависших над Лондоном сизых туч сыплется дождь – достаточно сильный, чтобы смыть снег и превратить землю под гусеницами города в густую желтую слякоть, но не загасить пожары в Панцерштадт-Байрёйте. Они все еще полыхают на северо-западе, словно погребальный костер титана.

На открытой всем ветрам крыше Инженериума стоит Магнус Кром, глядя на далекий столб дыма. Инженер-ученица держит над ним раскрытый зонт, а за спиной у нее замерли на страже шесть высоких неподвижных фигур в таких же резиновых плащах, как у других членов гильдии, только черных. Террористов, проникших накануне в Инженериум, все еще не поймали, и потому были приняты усиленные меры безопасности: отныне лорд-мэр никуда не выходит без своих новых телохранителей, первой партии Сталкеров доктора Твикс.

Разведывательный дирижабль гильдии, описав круг над зданием, садится на крышу. Из него выходит глава отдела безопасности гильдии инженеров, доктор Вамбрейс, и спешит к лорд-мэру. Полы резинового плаща хлопают на ветру.

– Ну что, доктор? – нетерпеливо спрашивает Кром. – Что вы увидели? Смогли приземлиться?

Вамбрейс отрицательно качает головой:

– Там всюду пожары. Но мы покружили так низко, как только смогли рискнуть, и сделали несколько фотографий. Верхние ярусы города расплавились и провалились на нижние. И, судя по общему виду, котлы и топливохранилища взорвались при соприкосновении с нашим энергетическим лучом.

Кром кивает:

– Кто-нибудь выжил?

– Между ярусами кое-где видно слабое шевеление, но в остальном…

Широко раскрытые глаза безопасника за толстыми стеклами очков – словно парочка улиток в аквариуме. В его отделе всегда живо интересуются новыми необычными способами истребления людей, и он все еще весь в азарте от зрелища обгорелых тел на улицах и площадях Панцерштадт-Байрёйта – многие так и остались стоять, превращенные в статуи единым взглядом МЕДУЗЫ.

– Лорд-мэр, вы намерены вернуться и переварить обломки? – спрашивает он, помолчав. – Пожары через день-два догорят.

– Ни в коем случае! – резко отвечает Кром. – Нужно спешить дальше, к Щит-Стене.

– Жители будут недовольны, – предупреждает Вамбрейс. – Они получили победу, теперь хотят добычу. Металлолом и запчасти…

– Я не ради металлолома и запчастей привел город в такую даль, – перебивает Кром, замерев у поручня и глядя на восток.

На горизонте уже видны белые вершины гор, словно ряд жемчужных зубов.

– Нельзя отвлекаться. Через несколько дней мы будем на расстоянии выстрела от Щит-Стены. Я заранее объявил праздничный день и прием в Ратуше по случаю эпохального события. Представьте только, Вамбрейс! Новые огромные охотничьи угодья!

– Но в Лиге теперь знают о нашем приближении, – предостерегает Вамбрейс. – Они постараются нас остановить.

Кром смотрит в будущее, и глаза его холодно сверкают.

– Валентайну даны четкие приказы. Лигу он возьмет на себя.

Так что Лондон потащился дальше, на восток. Столб дыма над мертвым Панцерштадт-Байрёйтом остался позади, и, когда Кэтрин шла к станции лифта, ее окружали размокшие остатки вчерашнего праздника. Ветер гонял по качающейся палубе смятые китайские фонарики. Люди в красной униформе Отдела вторичной переработки, толкая перед собой мусорные баки на колесиках, подбирали праздничные бумажные колпаки и отсыревшие под дождем транспаранты с надписями «Мы ♡ Магнуса Крома» и «Да здравствует Лондон!». Собака попробовал гоняться за лентами серпантина, но Кэтрин строго крикнула: «К ноге!» Не время было играть.

По крайней мере, в Музее никто не развешивал ни транспарантов, ни серпантина. Гильдия историков всегда с запозданием принимала нововведения инженеров – не сделали исключения и для МЕДУЗЫ. В пыльных полутемных залах царила тишина, как и подобает наутро после гибели целого мегаполиса. Звуки с улицы доносились приглушенно, словно между музейными витринами висели плотные шторы времени.

Тишина помогла Кэтрин собраться с мыслями, и, подходя к кабинету Чадли Помроя, она уже точно знала, о чем намерена говорить.

Она еще не рассказала мистеру Помрою, о чем узнала в Инженериуме, но старик видел, в каком она была состоянии, и совсем не удивился, когда

Кэтрин с Собакой появились на пороге его кабинета.

– Мистер Помрой, – прошептала Кэтрин, – мне нужно с вами поговорить. Бивис еще здесь? У него все в порядке?

– Конечно, – сразу же ответил Помрой. – Входите!

В небольшом кабинете с отделанными деревом стенами обнаружился Бивис Под, одетый в мантию историка. В тусклом желтоватом свете музейных ламп его бритый череп казался хрупким, как яичная скорлупа. Кэтрин хотелось броситься к нему, обнять и попросить прощения за то, что втянула его в такие ужасные неприятности, но вокруг Бивиса сидели человек десять историков. Некоторые пристроились на подлокотниках кресел и на краешке письменного стола. Все они виновато посмотрели на Кэтрин, и она вдруг испугалась, что Помрой ее выдал.

– Не волнуйтесь, – ласково сказал Помрой. – Я просто решил: если Под будет гостить у нас в Музее, нужно его познакомить с моими коллегами. Среди нас нет друзей лорд-мэра. Мы все решили, что ученик Под может оставаться здесь, сколько понадобится.

Историки потеснились, освобождая для Кэтрин место рядом с Бивисом.

– Ты как? – шепотом спросила она.

У нее отлегло от сердца, когда Бивис немного нервно улыбнулся в ответ.

– Неплохо, – прошептал он. – Здесь так странно. Все деревянное и столько всяких древностей… Но историки очень добрые.

Кэтрин огляделась. Многих она знала в лицо. Вот доктор Аркенгарт, доктор Каруна, профессор Пьютертайд, молоденькая мисс Поттс, Норман Нанкэрроу из Отдела живописи и гравюр и мисс Плим, тихо всхлипывающая в платочек.

– Мы тут обсуждали уничтожение Панцерштадт-Байрёйта. – Чадли Помрой вложил в руки Кэтрин кружку горячего какао. – Это ужасное устройство, эту МЕДУЗУ.

– Кажется, все, кроме вас, от нее в восторге, – с горечью ответила Кэтрин. – Я полночи слушала, как они хохочут и кричат: «Молодец, Кром!» Я понимаю, все радуются, что нас не съели, но все-таки… По-моему, ничего нет веселого в том, что мы взорвали целый мегаполис.

– Это катастрофа! – горячо согласился старый доктор Аркенгарт, заламывая костлявые руки. – Вибрации от этой мерзкой машины сгубили мою коллекцию керамики!

– Да ну вас, Аркенгарт, с вашей керамикой, – рассердился Чадли Помрой. – А о Панцерштадт-Байрёйте вы подумали? Город сгорел дотла!

– Вот к чему приводит оголтелое увлечение олд-теком! – сказал профессор Пьютертайд. – История позволяет учиться на опыте бесчисленных столетий, а их интересуют только машины Древних!

– И чего Древние добились со своими машинами? – простонал Аркенгарт. – Испоганили свой мир и взорвали сами себя!

Другие историки печально закивали.

– В Панцерштадт-Байрёйте был замечательный музей, – сказала доктор Каруна.

– Насколько я знаю, там хранилась великолепная коллекция живописи, – подхватил Нанкэрроу.

– Уникальные образцы м-мебельного искусства тридцатого века! – возопила мисс Плим и разрыдалась на жестком плече доктора Аркенгарта.

– Извините бедняжку Мойру, Кэтрин, – шепнул Чадли Помрой. – Она сегодня с утра получила ужасное известие. Кром приказал сдать нашу коллекцию мебели в машинное отделение. Горючего, видите ли, не хватает, все из-за этого безумного рывка на восток.

В ту минуту Кэтрин было глубоко плевать и на мебель, и на керамику, но ее радовало уже то, что не одна она в ужасе от случившегося. Набрав побольше воздуха, она коротко рассказала о том, что они с Бивисом услышали в Инженериуме о МЕДУЗЕ и о том, что следующим этапом своего великого плана лорд-мэр назначил штурм Щит-Стены.

– Какой кошмар! – пронесся общий вздох, когда она закончила.

– Шань-Го – страна великой и древней культуры! Будь она за или против Лиги, нельзя взрывать Батмунх-Гомпу!

– Столько храмов!

– Керамика!

– Молитвенные колеса…

– Роспись по шелку…

– М-м-мебель!

– Вы о людях подумайте! – сердито воскликнула Кэтрин. – Надо что-то делать!

– Да-да! – согласились все и растерянно замолчали.

После двадцати лет правления Крома им трудно было даже помыслить о том, чтобы пойти против Гильдии инженеров.

– Но что мы можем сделать? – спросил наконец Помрой.

– Рассказать людям, что происходит! – сказала Кэтрин. – Вы – заместитель главы гильдии! Объявите собрание Совета! Заставьте их понять, насколько все это неправильно!

Помрой покачал головой:

– Они не станут слушать. Мисс Валентайн, вы же слышали вчерашнее ликование.

– Это только потому, что Панцерштадт-Байрёйт собирался нас съесть! Когда они узнают, что Кром задумал применить это оружие против еще одного города…

– Только громче будут кричать «ура», – вздохнул Помрой.

– К тому же он во все гильдии внедрил своих сторонников, – заметила доктор Каруна. – Старых заслуженных гильдейцев больше нет – умерли, или ушли в отставку, или арестованы по его приказу. Даже наши ученики одержимы олд-теком не меньше инженеров, особенно с тех пор, как Кром навязал нам в Главные историки своего ставленника Валентайна… Ах, простите, мисс Кэтрин…

– Папа не его ставленник, – сердито ответила Кэтрин. – Я уверена! Если бы он знал, что задумал Кром, ни за что не стал бы ему помогать. Наверное, потому его и отправили на разведку, просто убрали с дороги. Когда он вернется и узнает, что здесь происходит, он сумеет остановить Крома. Понимаете, это же он нашел МЕДУЗУ. Он ужаснется от одной мысли, что она убила столько народу. Он захочет загладить свою вину, обязательно!

Кэтрин говорила с такой убежденностью, что часть историков ей поверила, даже те, кого, как доктора Каруну, обошли с повышением, когда Кром поставил Валентайна во главе гильдии. А уж Бивис глядел на Кэтрин сияющими глазами. Он даже не смог бы подобрать название охватившему его чувству – в лабораториях этого не проходили. Он дрожал с головы до ног.

Первым заговорил Помрой:

– Мисс Валентайн, я очень надеюсь, что вы правы, потому что он единственный, кто способен бросить вызов лорд-мэру. Будем ждать его возвращения.

– Но…

– А пока мы договорились предоставить мистеру Поду убежище в Музее. Он может спать в старой Галерее транспорта, и пусть помогает доктору Нанкэрроу с каталогом нашего художественного собрания. А если инженеры за ним явятся, мы сумеем его спрятать. Я знаю, это не такой уж сильный удар по Крому, но поймите, Кэтрин: мы уже старики, нам очень страшно, и мы правда больше ничего не можем сделать.

Глава 26
Батмунх-Гомпа

Мир вокруг менялся. В этом, конечно, не было ничего нового; первое, чему учат историков, – что мир постоянно меняется. Но сейчас это происходило невероятно быстро, буквально на глазах. С полетной палубы «Дженни Ганивер» Том видел обширные равнины Охотничьих Угодий с ползущими по ним крапинками городов. Напуганные загадочной вспышкой на севере, они разбегались со всей скоростью, с какой несли их колеса или гусеницы. Сейчас им было не до того, чтобы охотиться друг на друга.

– МЕДУЗА, – словно про себя прошептала мисс Фанг, глядя на далекий, подсвеченный пламенем столб дыма.

– Что это за МЕДУЗА такая? – спросила Эстер. – Вы что-то знаете, да? За что все-таки убили моих маму и папу?

– К сожалению, не знаю, – ответила летчица. – Я всего лишь слышала однажды это название. Шесть лет назад один агент Лиги пробрался в Лондон под видом пилота лицензированного дирижабля. Он наткнулся на что-то такое, что его заинтересовало, но что именно – мы так и не узнали. От него пришло только одно послание, всего два слова: «Берегитесь МЕДУЗЫ». Инженеры поймали его и убили.

– Откуда вы знаете? – спросил Том.

– Они прислали нам его голову, – сказала мисс Фанг. – Наложенным платежом.

Вечером она посадила «Дженни Ганивер» на один из удирающих городов – солидный четырехпалубник под названием Перипатетиаполис. Он мчался на юг, чтобы затаиться в горах по ту сторону Хазакского моря. В порту они услышали новые подробности о том, что случилось с Панцерштадт-Байрёйтом.

– Я видел это! – рассказывал какой-то летчик. – Был за сто миль оттуда, и все равно видел. С Лондона, с Верхнего яруса, вырвался язык пламени, неся смерть всему, к чему прикоснется!

– В Лондоне раскопали что-то, оставшееся после Шестидесятиминутной войны, – сказал вольнонаемный археолог. – Древняя Американская империя под конец совсем обезумела; я слыхал об ужасном оружии. Квантовый энергетический луч брал энергию не из нашей Вселенной…

– Кто теперь посмеет перейти им дорогу, когда Магнус Кром любого

непокорного может испепелить в одно мгновение? – спрашивал насмерть перепуганный торговец из Перипатетиаполиса. – Лондон скажет: «Идите-ка сюда, я вас съем!» – и мы поползем, никуда не денемся. Конец нашей цивилизации пришел! Снова!

Но одно хорошее во всем этом было: жители Перипатетиаполиса охотно принимали лондонские деньги Тома. Он поддался порыву и купил ярко-красный шелковый шарф вместо платка, который Эстер потеряла в ту давнюю ночь в Брюхе.

– Это мне? – спросила она, словно не могла поверить.

Сколько Эстер себя помнила, ей ни разу ничего не дарили. Она почти не разговаривала с Томом после Черного острова, стыдясь за свою резкость, но теперь сказала:

– Спасибо. И наверное, надо еще спасибо сказать за то, что спас мне жизнь. Хоть я и не понимаю, зачем ты напрягался.

– Я знал, что ты на самом деле не хочешь превратиться в Сталкера, – ответил Том.

– Нет, я хотела, – сказала Эстер. – Так было бы намного проще. Но ты правильно сделал.

Она смутилась и опустила глаза, рассматривая шарф.

– Я стараюсь быть хорошей. Раньше я никого не встречала такого, как ты: чтобы казалось, будто ко мне хорошо относятся. Поэтому я стараюсь быть приветливой и улыбаться, раз ты этого хочешь, а потом нечаянно увижу свое отражение в зеркале или вспомню о *том человеке*, и все сразу становится плохо, и в голове у меня только страшные мысли, и я ору на тебя и стараюсь ударить побольней. Прости.

– Ничего, – смущенно ответил Том. – Я понимаю. Все нормально.

Он взял шарф и аккуратно повязал ей на шею, но она, конечно, сразу подтянула шарф повыше, прикрывая рот и нос. Тому почему-то стало грустно. Он привык к ее лицу, и ему будет не хватать ее перекошенной улыбки.

Они покинули город на рассвете и пересекли гряду холмов, похожих на мятую оберточную бумагу. Весь день местность становилась все более гористой, и к вечеру Охотничьи Угодья остались позади. Здесь уже мало какому городу удалось бы проехать. Том видел густые сосновые леса и заросли рододендронов, изредка попадались стационарные деревушки в окружении вспаханных полей да иногда – кучка беленьких домиков на вершине горы, откуда, словно спицы колеса, тянулись дороги. Самые настоящие дороги, по ним ездили телеги, а на перекрестках трепетали разноцветные молитвенные флажки. Том глаз от них не мог отвести, пока

они не скрывались из виду. О дорогах рассказывали на уроках истории, но он и думать не думал, что увидит их в действительности.

На следующий день Анна Фанг раздала всем шарики из какой-то ярко-красной массы.

– Толченые плоды бетеля, – объяснила она, – смешанные с сушеными листьями одного нуэво-майского растения. Помогает на больших высотах. Только не привыкайте их жевать, не то зубы покраснеют, как у меня.

От плотной крупитчатой массы во рту появилось вяжущее ощущение, зато прошли легкая тошнота и головокружение, которые усиливались по мере того, как дирижабль поднимался выше, а заодно притупилась и боль в сломанных ребрах.

Крохотная тень «Дженни Ганивер» уже скользила по снежным вершинам, а впереди возносились к небу вершины еще выше – белые шпили, словно мираж над облаками. Потом следующий ряд, еще выше, и следующий. Том, напрягая зрение, пытался разглядеть на юге очертания Джомолунгмы, которую Древние называли Эверестом, но Гималаи окутывала предгрозовая дымка.

Дирижабль мчался дальше, над черно-белым миром снега и ледников и черного камня молодых гор. Иногда Анна Фанг просила Тома и Эстер последить за приборами, а сама задремывала прямо в пилотском кресле. Все выше, выше, и вот уже они скользят над первыми контрфорсами Чжань-Шаня – самой высокой из новых гор, чья снеговая шапка возносится прямо в бесконечный холод небес. Дальше идут горы пониже, такие красивые, белые, а между ними проглядывают зеленые долины, где огромные стада разбегаются при звуке моторов. Это Небесные горы, вдали на северо-востоке переходящие в степь, и тайгу, и непроходимые болота.

– Это и есть Шань-Го многотабунный, – сказала Анна Фанг. – Я надеялась поселиться здесь, когда закончится моя работа на пользу Лиги. А теперь, возможно, все это сожрет Лондон. МЕДУЗА разнесет наши крепости в пыль, поселения переварят, зеленые горы раздерут на части, выковыривая из них полезные ископаемые, лошадей истребят… Все как везде.

Том считал, что не так уж это и плохо, ведь при естественном ходе событий движущиеся города и должны расселяться по всему миру. Но мисс Фанг ему нравилась, хоть она и шпионка, и, чтобы утешить ее, Том сказал:

– Пусть МЕДУЗА сильна, все равно Лондону понадобятся годы, чтобы прогрызть дорогу сквозь такие огромные горы.

– Не понадобятся, – ответила Анна Фанг. – Смотри!

Том посмотрел, куда она показывала, и увидел в горной цепи разрыв.

По широкому проходу мог бы проползти целый мегаполис, только разрыв перегораживала Щит-Стена – издали она казалась просто еще одним горным отрогом.

Сплошная стена ночной черноты, сложенная из громадных плит вулканического базальта и укрепленная броней из палубной стали городов, осмелившихся бросить ей вызов и уничтоженных сотнями ракетных батарей. На заснеженном гребне стены, в четырех тысячах футов над землей, развевалось на ветру знамя с изображением сломанного колеса. В солнечных лучах сверкали артиллерийские орудия и стальные шлемы солдат Лиги.

– Была бы она такой неприступной, какой кажется… – вздохнула Анна Фанг, по плавной дуге направляя «Дженни Ганивер» вниз, к крепости.

Навстречу им немедленно помчался крошечный летательный аппарат, по сути – воздушный змей с мотором. После недолгих переговоров по радио он облетел «Дженни Ганивер» кругом и полетел вперед, показывая дорогу через гребень Щит-Стены. Том смотрел сверху вниз на мощные бастионы и запрокинутые лица воинов – желтые, коричневые, черные, белые, лица из всех краев, где варварские стационарные поселения еще держались против муниципального дарвинизма. Потом все это исчезло; «Дженни Ганивер» пошла на снижение по ту сторону Стены, и Том увидел, что Стена – на самом деле город, вертикальный город с сотнями террас, окон и балконов, прорубленных прямо в черной скале. Магазины, казармы и жилые дома, а между ярусами, словно разноцветные лепестки, скользят по воздуху ярко раскрашенные шары и воздушные змеи.

– Батмунх-Гомпа! – объявила мисс Фанг. – Город Вечной Мощи. Правда, те, кто его так называет, не слыхали о МЕДУЗЕ.

Город был прекрасен. Тома всегда учили, что стационарные поселения – убогие и отсталые, и сейчас он только глаза таращил, стоя у обзорного окна. Эстер встала рядом с ним и прижалась лицом к стеклу, прячась за своим шарфом почти кокетливо.

– Ой! Совсем как скалы на Дубовом острове, где гнездятся морские птицы! – воскликнула она. – Смотри, смотри!

У подножия Стены сверкало синевой озеро с разбросанными по нему парусами прогулочных лодок.

– Том, обязательно пойдем купаться! Я тебя плавать научу…

«Дженни Ганивер» пришвартовалась у причала на середине высоты Стены, рядом с другими торговыми дирижаблями, и мисс Фанг повела Тома и Эстер к воздушному шару, поджидающему пассажиров. Шар полетел мимо парков и чайных к дворцу правителя. В древности здесь был

монастырь Батмунх-Гомпа – от него город и получил свое название. Дворец со множеством окон был вырублен прямо в отвесной скале с краю Стены и выкрашен в белый цвет. К пристани пониже дворцового сада слеталось множество разноцветных воздушных шаров. В корзине одного шара Том увидел капитана Кхору. Тот замахал им рукой.

Они встретились на пристани. Приземлившийся первым, летчик побежал им навстречу, крепко обнял мисс Фанг и помог ее друзьям выбраться из шаткой гондолы. Он прилетел сюда из Воздушной Гавани сразу после нападения Шрайка и сейчас изумился и обрадовался, что Том и Эстер живы.

Анне он сказал:

– Фэн-Хуа, правитель и командующие ждут твоего отчета. О Лондоне рассказывают страшные вещи…

Приятно было увидеть в чужом городе дружеское лицо. Пока они поднимались по длинной лестнице к входу во дворец, Том пристроился рядом с Кхорой.

Вспомнив стройный дирижабль «Ачебе-2100» у причала нижней платформы, Том спросил:

– Это мы ваш корабль видели у пристани, с аутриггерами из бычьей шкуры?

Кхора весело расхохотался:

– Эта дряхлая посудина? Нет, слава всем богам! Мой «Мокеле-мбембе» – боевой корабль! Все союзники Лиги поставляют дирижабли в Северный военно-воздушный флот. Они стоят вон там, наверху.

Кхора показал пальцем, и Том увидел блестящие на солнце бронзовые ворота почти на самом гребне Стены.

– Орлиное Гнездо. Когда-нибудь мы тебя туда сводим, Том, – пообещала мисс Фанг, первой входя в лабиринт прохладных каменных коридоров за дверями, у которых на страже стояли воины-монахи. – Истребители Лиги – чудо из чудес! Но сперва правитель Хан должен услышать историю Эстер.

Правитель Эрмине Хан был приветливый старичок с унылым длинным лицом добродушной овцы. Он пригласил гостей в свои личные покои и угостил чаем с медовыми коврижками. За круглыми окнами, далеко внизу, среди возделанных полей сверкало озеро Батмунх-Нор. Уже тысячу лет семья Хана помогала удерживать Стену, и старика совсем пришибло известие, что его пушки и ракеты вдруг стали бесполезны.

– Ни один город не сможет одолеть Батмунх-Гомпу, – снова и снова

повторял он, меж тем как в комнату набилась толпа высших офицеров, которые тоже хотели послушать новости. – Моя дорогая Фэн-Хуа, если Лондон к нам сунется, мы его уничтожим, как только он подойдет на расстояние выстрела. Бабах – и все!

– Я об этом как раз и говорю! – нетерпеливо воскликнула мисс Фанг. – Лондону не понадобится подходить на расстояние выстрела ваших орудий. Кром остановит город за сотню миль отсюда и сожжет вашу драгоценную Стену дотла! Вы же слышали, что рассказывала Эстер. Я думаю, машина, которую Валентайн украл у ее матери, представляла собой часть древнего оружия, а судьба Панцерштадт-Байрёйта доказывает, что лондонские инженеры ухитрились полностью восстановить это оружие и привели его в рабочее состояние.

– Да-да, это все слова, – возразил какой-то артиллерист. – И мы должны поверить, что Кром в самом деле привел в действие прибор, пролежавший в земле со времен Шестидесятиминутной войны? А может, Панцерштадт-Байрёйт погиб из-за несчастного случая?

– Да! – Правитель радостно ухватился за эту мысль. – Метеорит или утечка газа… – Он погладил бороду, напомнив Тому старых маразматиков из Лондонского музея. – Возможно, Кром и вовсе к нам не пожалует… Быть может, он нацелился на совершенно другую добычу?

Но другие военные склонялись к тому, чтобы поверить Цветку Ветра.

– Он точно сюда явится, – сказала летчица из Кералы, немногим старше Тома, с обожанием глядя на Анну. – Фэн-Хуа, позавчера я летала на разведку на запад. До города варваров не больше пятисот миль, и он быстро приближается. Завтра к ночи мы можем оказаться в радиусе действия МЕДУЗЫ.

– И еще, в горах видели черный дирижабль, – добавил капитан Кхора. – Корабли, которые отправили ему наперехват, не вернулись. Я предполагаю, что это дирижабль Валентайна, «Лифт на тринадцатый этаж», шпионит за нашими городами, чтобы Лондону удобнее было их проглотить.

Валентайн! При мысли о том, что Главный историк свободно разгуливает в самом сердце Шань-Го, Том ощутил странную смесь гордости и страха. Эстер застыла, как только прозвучало имя Валентайна. Том покосился на нее, но она смотрела мимо него, в открытое окно, словно ожидала в любую минуту увидеть, как «Лифт на тринадцатый этаж» проносится над горами.

– Ни один город не может миновать Стену, – повторил правитель, верный своим предкам, но голос его звучал уже не так твердо.

– Правитель, поднимайте в воздух флот! – настаивала мисс Фанг. – Разбомбите Лондон, пока они не успели навести на вас МЕДУЗУ, чтобы наверняка.

– Нет! – крикнул Том, вскакивая.

Стул с грохотом отлетел в сторону. Том не верил своим ушам. Как она могла такое сказать!

– Вы говорили, что мы просто предупредим жителей! Нельзя бомбить Лондон, там же ни в чем не повинные люди!

Сейчас он думал о Кэтрин, уже представляя, как торпеды Лиги врезаются в Музей и в Клио-Хаус.

– Вы обещали! – жалобно закончил он.

– Фэн-Хуа не дает обещаний дикарям! – отрезала девушка из Кералы.

Но мисс Фанг шикнула на нее.

– Том, мы будем бить прицельно по Брюху и гусеницам. И по Верхнему ярусу, где размещается МЕДУЗА. Мы не хотим причинить вред невиновным, но что еще остается, когда варварский город нам угрожает?

– Лондон не варварский город! – заорал Том. – Вы сами варвары! Почему Лондону не съесть Батмунх-Гомпу, если ему это нужно? Не нравится – давно бы поставили свои города на колеса, как цивилизованные люди!

Несколько военных подняли крик, требуя, чтобы он замолчал, а девушка из Кералы выхватила саблю, но мисс Фанг всех успокоила парой слов и с обычной своей терпеливой улыбкой обернулась к Тому.

– Томас, – твердо сказала она, – тебе, наверное, лучше пока уйти. Встретимся позже, я тебя найду.

У Тома на глаза навернулись глупые слезы. Конечно, ему было жаль здешних жителей – он видел, что они никакие не дикари, и на самом деле не считал, что они заслуживают быть съеденными, но не мог же он спокойно слушать, как готовят нападение на его родной город.

Он с надеждой посмотрел на Эстер, – может, хоть она возьмет его сторону? Однако Эстер затерялась в каких-то своих мыслях. Ее пальцы снова и снова обводили шрамы под красным шарфом. Она чувствовала себя пристыженно и глупо. Стыдно, что она была так счастлива в небе с Томом, а ей нельзя быть счастливой, пока Валентайн безнаказанно бродит по свету. Глупо – потому, что, когда Том подарил ей шаль, она начала надеяться, что нравится ему, но стоило подумать о Валентайне, как она вспомнила, что никогда и никому не сможет понравиться в *этом* смысле.

Поймав взгляд Тома, она сказала только:

– Пусть хоть всех в Лондоне перебьют, мне-то что. Лишь бы

Валентайна мне оставили.

Том отвернулся и деревянными шагами вышел из комнаты. Когда двери за ним уже закрывались, он услышал, как девушка из Кералы прошипела:

– Варвар!

Том побрел вниз, на пристань, где дожидались пассажиров воздушные шары, и сел на каменную скамью. Он был зол и мысленно перебирал, что можно было ответить мисс Фанг, если бы только догадаться об этом вовремя. Еще ниже в тени горы тянулись крыши и террасы Батмунх-Гомпы. Том попытался представить, как это – жить здесь изо дня в день и по утрам просыпаться, видя вокруг всегда одно и то же. Неужели не захочется перемен, движения? Как здешние жители спят ночью без убаюкивающего покачивания и урчания городских моторов? Неужели они любят свое странное место обитания? И вдруг Тому стало ужасно грустно оттого, что весь этот яркий, шумный древний город скоро превратится в щебень под гусеницами Лондона.

Захотелось увидеть больше. Том подошел к ближайшему воздушному шару и кое-как объяснил пилоту, что он – гость мисс Фанг и хочет спуститься в город. Летчик, улыбаясь, загрузил в корзину камни из груды, сваленной на причале, и скоро Том уже спускался, и мимо мелькали один ярус за другим. Спуск закончился на центральной площади, где сновало множество воздушных такси и со всех сторон лестницы вели вверх, к Орлиному Гнезду, и вниз, к магазинам и рынкам нижних уровней.

Известие о МЕДУЗЕ уже разнеслось по верхней части города, и многие дома и лавки стояли с закрытыми ставнями – владельцы бежали на юг, в другие поселения. Но на нижних ярусах еще толпился народ. Том бродил по крутым лестницам и оживленным базарам. На перекрестках ему попадались палатки предсказателей и алтари небесных богов, усыпанные серым пеплом от палочек благовоний. На центральной площади выступали свирепого вида акробаты-уйгуры, и повсюду Том видел солдат и летчиков Лиги: белобрысых великанов со Шпицбергена, иссиня-черных воинов Лунных гор, низкорослых темнокожих выходцев из стационарных поселений в Андах и людей с огненно-красной кожей из джунглей Лаоса и Аннама[15].

Том старался не думать о том, что эти люди, возможно, скоро начнут сбрасывать ракеты на Лондон, и просто наслаждался чередованием лиц и смесью незнакомых языков. Иногда кто-нибудь показывал на него и пояснял своим друзьям: «Том!», или «Томаш», или «Тао-ма!» Рассказы о его битве со Шрайком, распространяясь от одного торгового поселка до

другого, перебрались через горы и встретили его в Батмунх-Гомпе. Том слушал это равнодушно. Ему казалось, что говорят о каком-то другом Томасе – храбром, сильном, точно знающем, что нужно делать, и не ведающем сомнений.

Он уже задумался, не пора ли вернуться во дворец и найти Эстер, как вдруг заметил поднимающегося по лестнице высокого человека в рваном красном плаще. Тот надвинул на лицо капюшон, опираясь на посох, а на плече у него висел дорожный мешок. Том повидал десятки таких бродячих монахов, служителей горных богов (на причале Анна Фанг остановилась возле одного такого, склонилась, поцеловала ему ноги и вручила шесть бронзовых монет, чтобы он благословил «Дженни Ганивер»). Но этот человек чем-то отличался. Том не мог отвести от него глаз.

Он пошел следом, стараясь не выпускать из виду красное одеяние. Они прошли через рынок пряностей, полный невероятных ароматов, потом по узкой улице Плетельщиков, где на шестах возле лавок висели сотни корзин, словно птичьи гнезда; Том на ходу задевал их головой. Чем его так зацепила походка этого человека и смуглая узкая рука, стискивающая посох?

Тут монаха как раз под фонарем остановила уличная девчонка, прося благословения, и Том увидел бородатое лицо под капюшоном. Он сразу узнал этот ястребиный нос и пронзительные глаза моряка, он понял, что амулет меж черных бровей скрывает под собой знак лондонской Гильдии историков.

Это был Валентайн!

Глава 27
Доктор Аркенгарт вспоминает

В те последние дни Кэтрин подолгу пропадала в Музее. Лондон, рыча моторами, мчался к горам, а Кэтрин укрывалась в тишине музейных залов, куда не доносился визг пил, вгрызающихся в последние деревья Кругового парка, обреченные стать топливом, и восторженные вопли толпы, каждый день собиравшейся перед общественными визи-экранами, понемногу открывающими для публики подробности великого плана лорд-мэра. В Музее можно было даже забыть о безопасниках Гильдии инженеров, а они сейчас встречались на каждом шагу – не привычные громилы в белых плащах, а загадочная новая порода в черных плащах с капюшонами, молчаливые, чуть скованные в движениях, с зеленоватым отблеском за тонированными стеклами лицевых щитков. Воскрешенные мертвецы доктора Твикс.

Но если быть совсем честной с самой собой, в Музей ее манили не только тишина и покой. Там был Бивис. Постель ему стелили прямо на полу в старой Галерее транспорта, под пыльными моделями планеров и других летательных аппаратов. А Кэтрин с каждым днем все сильнее нуждалась в его обществе. Ей нравилось, что он – ее тайна. Нравился его тихий голос и странный смех, как будто на пробу, словно в Подбрюшье у него мало было поводов смеяться. Нравилось, как взгляд его темных глаз подолгу задерживается на ее лице и особенно на волосах.

– У меня раньше не было знакомых с волосами, – объяснил он однажды. – В гильдии всех учеников сразу после поступления обрабатывают специальным химическим составом, чтобы волосы не росли.

Кэтрин задумалась о его бледной гладкой голове. И это ей тоже нравилось – ему по-своему шло. Может, вот так люди и влюбляются? Не как в сказках, когда сразу понимаешь, что произошло нечто удивительное, а потихоньку, маленькими шажками – и вдруг однажды просыпаешься утром, и оказывается, что ты по уши влюблена, в кого совсем не ожидала… Например, в ученика-инженера?

Спросить бы у папы, если бы только он был дома.

Ближе к вечеру Бивис надевал мантию историка, прикрывал лысую макушку шапочкой и шел помогать доктору Нанкэрроу. Тот заново составлял каталог огромной коллекции живописи и графики, а заодно делал фотографии – на случай, если лорд-мэр надумает и музейные экспонаты

отправить на топливо для двигателей. В это время Кэтрин в сопровождении Собаки бродила по Музею, выискивая находки своего папы. Стиральные машины, детали компьютеров, ржавая грудная клетка Сталкера… На всех этих предметах имелись этикетки с надписью: «Обнаружил мистер Т. Валентайн, археолог». Кэтрин представляла себе, как папа бережно извлекает их из земли, так долго хранившей свои сокровища, очищает от грязи и оборачивает холстиной для транспортировки в Лондон. «То же самое, наверное, он сделал и с фрагментом МЕДУЗЫ, – думала Кэтрин, шепча молитвы Клио в уверенности, что богиня незримо присутствует в этих пропитанных временем залах. – Он нужен Лондону! Нужен мне! Пожалуйста, помоги ему благополучно вернуться домой как можно скорее…»

Но в тот вечер в отдел естествознания ее привела не Клио. Собака издали заметил чучела животных и, глухо рыча, порысил взглянуть на них поближе. Старый доктор Аркенгарт, как раз проходивший по галерее по дороге домой, испуганно попятился, но Кэтрин его успокоила:

– Не волнуйтесь, доктор, он не укусит!

Она опустилась на колени рядом с Собакой, разглядывая качающихся на тросах акул и дельфинов и громадного кита – его отцепили от потолка и прислонили к стене, чтобы не рухнул от тряски.

– Внушительный, правда? – спросил Аркенгарт, всегда готовый прочесть небольшую лекцию. – Синий кит, истреблен в первой половине двадцать первого века. Или двадцатого, тут записи не вполне ясны. Мы бы даже не знали, как он выглядел, если бы миссис Шоу не обнаружила окаменелые кости…

Кэтрин отвлеклась, думая о другом, но мигом встрепенулась, услышав фамилию Шоу. Аркенгарт показывал на витрину, где лежала кучка окаменелых костей. К позвонку была прислонена табличка: «Кости синего кита, обнаружены миссис П. Шоу, независимым археологом».

Пандора Шоу – Кэтрин вспомнила имя из музейного каталога. Не Эстер, конечно.

Просто чтобы прервать лекцию, она спросила доктора Аркенгарта:

– Вы ее знали? Пандору Шоу?

– Да-да, миссис Шоу, – кивнул старик. – Очаровательная дама. Археолог, вела раскопки на Поверхности, дружила с вашим отцом. Разумеется, в те дни ее фамилия была Рэй…

– Пандора Рэй? – Это имя было Кэтрин знакомо. – Так она была папиной помощницей во время экспедиции в Америку! В его книге есть ее фотография!

– Верно. – Аркенгарт слегка нахмурился оттого, что его перебили. – Я же говорю – археолог. Специализировалась по олд-теку, но при случае доставляла нам и другие находки, вот как эти китовые кости. Потом она вышла замуж за этого Шоу и поселилась с ним на каком-то островке на западе. Бедная девочка… Ужасная, ужасная трагедия.

– Она умерла, да?

– Ее убили! – Аркенгарт театрально пошевелил бровями. – Лет шесть-семь назад. Мы обо всем узнали от другого археолога. Убили вместе с мужем, в собственном доме. Кошмарная история. Моя дорогая, вы хорошо себя чувствуете? Вы как будто привидение увидели!

Нет, Кэтрин чувствовала себя совсем не хорошо. У нее в голове сложились кусочки головоломки. «Пандору Шоу убили семь лет назад – и как раз тогда папа нашел машину… Пандора – летчица, археолог, сопровождала его в американской экспедиции, когда он обнаружил чертежи МЕДУЗЫ… А теперь девочка по фамилии Шоу хочет убить папу…»

Кэтрин еле выдавила следующий вопрос:

– У нее был ребенок?

– Да, кажется, был. – Старик задумался. – Да, помню, однажды миссис Шоу показывала мне фотографию, когда привезла несколько керамических изделий для Музея. Прелестные вещицы! Ваза с орнаментом времен Электрической Империи, лучший образец данного стиля в нашем собрании…

– Вы помните имя?

– Да-да, позвольте… Если не ошибаюсь, «ЭИ – двадцать семь сто девяносто»…

– Не вазы! Ребенка!

Нетерпеливый крик Кэтрин разнесся по пустым коридорам. Доктор Аркенгарт вздрогнул и сейчас же обиделся:

– Право, мисс Валентайн, незачем так кричать! Как я могу помнить имя ребенка? Это было пятнадцать-шестнадцать лет назад, а я никогда не любил младенцев. Гадкие создания, сырость с обоих концов и никакого уважения к керамике. Данного младенца звали не то Этти, не то Ости…

– Эстер!

Всхлипнув, Кэтрин бросилась бежать. Собака мчался за ней, не отставая. Кэтрин бежала, не разбирая дороги, хотя от правды не убежишь. Теперь она знала, откуда у папы сведения о МЕДУЗЕ и почему он никогда об этом не рассказывает. И почему несчастная Эстер Шоу хотела его убить.

Глава 28
Чужак в Небесных горах

Рука Валентайна выводит в воздухе над склоненной головой девушки загадочные сложные знаки, и девушка безмятежно улыбается, не подозревая, что ее благословляет злейший враг Лиги.

Том наблюдает, выглядывая из-за святилища небесной богини. Его глаза с самого начала узнали монаха в красном, а теперь и мозг подоспел с пониманием. Капитан Кхора говорил, что в горах видели «Лифт на тринадцатый этаж». Наверное, Валентайн высадился на каком-нибудь утесе поблизости от Батмунх-Гомпы и остаток пути проделал пешком. Пробрался в город, как вор. Но зачем? Что за секретное задание привело его сюда?

Том сам не понимал, что чувствует. Само собой, страшно вдруг оказаться совсем рядом с человеком, который пытался тебя убить, но в то же время дух захватывает от безоглядной отваги Валентайна. Какое мужество нужно, чтобы пробраться в главную крепость Лиги под самым носом врагов! О таких приключениях рассказывалось в книгах Валентайна, которыми зачитывался Том, скрючившись с фонариком под одеялом в общей спальне учеников-историков третьего ранга.

Валентайн завершил благословение и двинулся дальше. Том на секунду потерял его в толпе, но тут же снова увидел фигуру в красном, поднимающуюся по широкой центральной лестнице. Том пошел следом, держась на расстоянии. Мимо нищих, и стражников, и лоточников, которые и не догадывались, что человек в красном не обычный бродячий монах. Валентайн шел очень быстро, низко наклонив голову, и Том, шагах в тридцати за ним, не боялся, что тот его заметит. Но он никак не мог решить, что должен делать. Эстер вправе знать, что убийца ее отца – здесь. Найти ее? Сказать? Но Валентайн наверняка выполняет важную миссию для блага Лондона – может быть, собирает информацию, чтобы инженеры могли точнее навести луч МЕДУЗЫ. Если Эстер убьет Валентайна, получится, что Том предал родной город…

Пока он просто карабкался по ступенькам, преодолевая боль в сломанных ребрах. На террасах Батмунх-Гомпы светились яркими точками фонари, и подсвеченные изнутри оболочки воздушных шаров поднимались и опускались, как будто странные морские существа, что качаются на волнах возле коралловых рифов. Том начал понимать, что не хочет успеха Валентайну. Лондон ничем не лучше, чем Танбридж-на-Колесах, а

Батмунх-Гомпа – древний и очень красивый город. Нельзя, чтобы его разбомбили!

– Там Валентайн! – закричал Том, взбегая вверх по лестнице.

Прохожие смотрели на него, не понимая, а когда Том наконец догнал человека в красном и сдернул с головы капюшон, на него, растерянно моргая, уставилось круглое лицо странствующего монаха.

Дико озираясь, Том сообразил, что произошло. Валентайн покинул центральную площадь по другой лестнице, а Том увязался за другим красным плащом. Он снова побежал вниз. Валентайн едва виднелся вдали – крохотное красное пятнышко, поднимающееся по освещенной фонариками лестнице наверх… к Орлиному Гнезду, где были пришвартованы знаменитые истребители.

– Там Валентайн! – заорал Том, тыча пальцем, но вокруг никто не говорил по-англичански.

Кто-то подумал, что он просто сумасшедший, другие – что вот-вот по городу ударит МЕДУЗА. Волна паники захлестнула площадь. Скоро внизу, на густонаселенных террасах с магазинами и тавернами зазвучали тревожные гонги.

Первой мыслью Тома было найти Эстер, но он не знал, где ее искать. Тогда он кинулся к воздушному такси, вскочил в корзину и крикнул летчице:

– Летите вон за тем монахом!

Но та только улыбнулась, качая головой. Она не поняла ни слова.

Тогда Том завопил:

– Фэн-Хуа! – вспомнив, что так здесь называют Анну Фанг.

Летчица улыбнулась и кивнула. Шар отошел от причала и начал подниматься вверх. Том старался взять себя в руки. Мисс Фанг должна знать, что делать. Он вспомнил, как во время перелета через горы она доверила ему управлять дирижаблем, и ему стало стыдно, что он пошел против нее на совете.

Том думал, что воздушный шар доставит его во дворец, но вместо этого они остановились у террасы, где была причалена «Дженни Ганивер». Хозяйка такси показала ему таверну, прилепившуюся к нижней стороне верхней террасы, словно громадное ласточкино гнездо.

– Фэн-Хуа! – дружелюбно пояснила она. – Фэн-Хуа!

На одну ужасную секунду Том решил, что его привезли в таверну с таким названием, но тут на одном из многочисленных балкончиков он увидел кроваво-красное пальто летчицы. Том сунул таксистке все деньги, какие у него были, и, крикнув: «Сдачи не надо!» – понесся к таверне.

Таксистка осталась ошарашенно рассматривать незнакомые лица Квирка и Крома на банкнотах.

Мисс Фанг сидела на балконе за столиком с капитаном Кхорой и суровой кераланкой, что так разозлилась тогда на Тома за его выступление на совете. Они пили чай и что-то увлеченно обсуждали, но все разом вскочили, когда Том выбежал на балкон с криком:

– Где Эстер?

– Внизу, у причала, – ответила мисс Фанг. – У нее дурное настроение. А что?

– Валентайн! – запыхавшись, выкрикнул Том. – Здесь! Одет монахом!

В таверне музыканты перестали играть, и стало слышно далекий звук тревожных гонгов за распахнутыми окнами.

– Валентайн, здесь? – презрительно хмыкнула девушка из Кералы. – Враки! Варвар надеется нас запугать!

– Помолчи, Сатия! – Мисс Фанг схватила Тома за локоть. – Он один?

Том быстро пересказал ей все, что видел. Мисс Фанг зашипела сквозь зубы:

– Он нацелился на наш воздушный флот! Хочет оставить нас без защиты!

– Невозможно в одиночку уничтожить воздушный флот, – усмехнулся Кхора.

– Ты не видел Валентайна в действии! – Летчица уже вскочила, азартно предвкушая схватку с самым сильным лондонским агентом. – Сатия, предупреди гвардейцев! Скажи, что Орлиное Гнездо в опасности. Том, спасибо, что предупредил, – прибавила она мягко, словно понимала, как трудно далось ему решение.

– Нужно рассказать Эстер! – сказал Том.

– Ни в коем случае! Она или сама убьется, или убьет Валентайна, а мне он нужен живым для допроса. Побудь пока здесь.

Еще одна хищная улыбка, и мисс Фанг умчалась из охваченной паникой таверны. Кхора побежал за ней. Анна Фанг выглядела решительной, грозной и очень красивой, и Тома словно коснулась та же яростная любовь к ней, какую наверняка испытывали и Кхора, и кераланка, и вся Лига.

А потом он подумал про Эстер и про то, что она скажет, когда узнает, что он видел Валентайна и скрыл это от нее.

– Великий Квирк! – внезапно заорал Том. – Я все-таки ее найду!

Сатия только глазами хлопала. Она больше не была суровой – просто испуганная, совсем молоденькая девушка.

Том крикнул ей, пробегая мимо:

– Слышала, что сказала мисс Фанг? Поднимай тревогу!

Снова по темным лестницам, вниз, к причалу, где парит на якоре «Дженни Ганивер».

– Эстер! Эстер! – позвал Том.

Она вышла на свет фонарей, подтягивая повыше красный шарф. Том все ей рассказал, а она, как он и ожидал, выслушала молча и холодно. Потом повернулась и побежала, а Том бежал за ней по бесконечным ступенькам.

Стена создавала свой особый климат. Чем ближе к вершине, тем холодней и разреженней становился воздух. Огромные снежинки задевали лица Тома и Эстер, словно крылья бабочек. Впереди показалась обширная освещенная платформа. От Орлиного Гнезда отчалил порожний танкер. А потом взметнулось пламя, потом еще и еще, словно здесь была стоянка не дирижаблей, а драконов. Огонь перекинулся на оболочку танкера. Она взорвалась, и вокруг падающего дирижабля в воздухе распустились парашюты. Эстер оглянулась. В ее глазу отражались языки пламени.

– Опоздали! Он сжег воздушный флот!

Они побежали дальше. Ребра Тома на каждом вдохе пронзала острая боль, холодный воздух обжигал горло, но он старался не отставать, хрустя по снегу. Узкий мостик привел их на платформу перед Орлиным Гнездом. Бронзовые ворота стояли открытые настежь, из них сплошным потоком бежали люди, прикрывая лица от огненного жара. Кое-кто тащил на себе раненых. Неподалеку от ворот двое механиков хлопотали возле Кхоры.

Когда Том и Эстер подбежали к нему, летчик поднял голову и простонал:

– Валентайн! Спокойно прошел мимо часовых – сказал, будто хочет благословить дирижабли. Когда мы с Анной подоспели, он уже устанавливал взрывчатку. Ох, Том, такого мы даже от варвара не ждали! Он застал нас врасплох. Весь военно-воздушный флот… Мой бедный «Мокеле-мбембе»…

Кхора замолчал, кашляя кровью. Шпага Валентайна проткнула ему легкое.

– А что с мисс Фанг? – спросил Том.

Кхора покачал головой. Он не знал.

Эстер уже шагнула в невыносимый жар внутри ангара, не обращая внимания на окрики. Том бросился за ней.

Ощущение было – как будто он вбежал в печку. Смутно различил громадную пещеру, от нее отходили другие пещеры, поменьше. Там Лига

держала свои военные дирижабли. Должно быть, Валентайн обошел их все, устанавливая на каждом фосфорные бомбы. Сейчас в раскаленном добела полыхании пожара видно было только лопающиеся ребра воздушных судов.

– Эстер! – закричал Том.

Его голос потерялся в реве пламени. Том разглядел Эстер далеко впереди. Она быстро шла по узкому туннелю, ведущему вглубь скалы. «Я туда за ней не полезу! – подумал Том. – Если она хочет там застрять и поджариться – ее дело…» Он уже повернул назад, к безопасной платформе, но тут в гондолах горящих дирижаблей начали рваться боеприпасы. Со всех сторон со свистом летели пули и ракеты, врезаясь в каменные стены. До туннеля было ближе, чем до главного входа, и Том кинулся туда, шепча молитвы всем богам, каких только смог вспомнить.

Навстречу ему повеяло прохладным воздухом, и Том сообразил, что туннель, наверное, ведет сквозь скалу к огневой точке на западной стороне Стены.

– Эстер? – позвал он.

Ему ответило только эхо, мешаясь с ревом пожара. Том пошел вперед. В том месте, где туннель раздваивался, лежала скорченная фигура: Валентайн заколол молодого пилота. У Тома вырвался вздох облечения, оттого что это не Эстер и не мисс Фанг, и сразу стало стыдно, ведь этот бедняга убит.

Он уставился на развилку. В какую сторону идти?

– Эстер? – тревожно оклинул Том.

Эхо. Из ангара прилетела шальная пуля и высекла сноп искр из скалы над самой его головой. Том бросил гадать и побежал по правому туннелю.

К глухому реву пламени прибавился какой-то новый звук: тонкое пение металла по металлу. Том взбежал по скользким ступенькам, увидел впереди свет и рванулся к нему. Он оказался на просторной платформе. Здесь было холодно и шел снег и стояла целая батарея ракетных установок, обращенных на запад. В железной жаровне плясало пламя, освещая древний бастион, мертвые тела артиллерийского расчета и безумный блеск клинков. Валентайн и мисс Фанг сражались на истоптанном снегу, то отступая, то наступая друг на друга.

Том съежился в тени у входа в туннель, обхватив руками ноющие ребра. Валентайн дрался великолепно. Он сорвал с себя монашеское облачение, оставшись в белой рубашке, черных штанах и высоких черных сапогах. Валентайн парировал, делал выпады и грациозно уходил от ударов летчицы – но было видно, что он встретил достойного противника. Двумя

руками держа длинный меч, мисс Фанг теснила его к орудиям и к трупам убитых им людей, предугадывая каждый его выпад, выполняя обманные финты и перепрыгивая через клинок при низких ударах. В конце концов она выбила шпагу у него из рук. Валентайн упал на колени, стараясь дотянуться до своего оружия, но мисс Фанг уже приставила клинок ему к горлу. Тонкая струйка крови потекла на воротник рубашки.

– Ловко! – похвалил он, улыбаясь той улыбкой, которую Том запомнил с давней ночи в Брюхе – ласковой, веселой, абсолютно искренней. – Молодец, Фэн-Хуа!

– Молчать! – оборвала она. – Это не игра…

Валентайн засмеялся:

– Напротив, милый Цветок Ветра, это самая лучшая игра на свете, и, кажется, моя команда выигрывает. Разве ты не заметила, что ваш воздушный флот догорает? Лучше надо было его охранять. Вы, должно быть, решили, что можете почивать на лаврах, потому что Лиге больше тысячи лет удавалось все делать по-своему. Но мир меняется…

«Он тянет время», – понял Том. Только не понимал зачем. Загнанный в угол на высоте, обезоруженный, без надежды на спасение, на что Валентайн рассчитывал, когда дразнил свою противницу? Том подумал, что надо бы поднять шпагу и встать плечом к плечу с мисс Фанг, пока не явится подкрепление, но была в Валентайне, даже теперь, какая-то грозная сила, и Том не решился выйти из укрытия. Он прислушивался – не раздадутся ли шаги солдат в туннеле, и гадал, что стало с Эстер. Пока что было слышно только слабые звуки гонгов и пожарного набата с дальней стороны Стены да легкомысленный, чуть насмешливый голос Валентайна.

– Тебе бы перейти на службу Лондону, дорогая. В конце концов, завтра от Щит-Стены останется груда щебня, и тебе понадобится новая работа. Лиге конец…

Тут в небе вспыхнул свет. Яркий луч прожектора с дирижабля зашарил по снегу. Летчица, ослепленная, попятилась, а Валентайн одним прыжком добрался до своей шпаги, дернул Анну на себя и вогнал клинок ей в горло. Мгновение они стояли, пошатываясь в тесном объятии, словно пьяные танцоры под конец праздника, – так близко от Тома, что он отчетливо видел острие шпаги, торчащее сзади из шеи мисс Фанг, и слышал ее хриплый отчаянный шепот:

– Эстер Шоу найдет тебя…

Валентайн выдернул клинок, и Анна упала на снег. А Валентайн, отвернувшись, вскочил на парапет, навстречу снижающемуся в луче света «Лифту на тринадцатый этаж».

Глава 29
Домой

Пока защитники Батмунх-Гомпы были заняты пожарами и взрывами, черный дирижабль тихо дрейфовал по ветру к назначенному месту встречи высоко в горах. И вот наконец его моторы ожили, разгоняя снежинки и заглушая испуганный крик Тома.

Валентайн легко, словно гимнаст по бревну, прошел по стволу ракетной установки и прыгнул, на миг зависнув в пустоте с раскинутыми руками. Потом он ухватился за веревочную лестницу, которую спустили ему Пьюси и Генч, и быстро забрался в гондолу.

Прожектор погас, и Том остался в кромешной тьме. Со стены посыпались ракеты, разбиваясь о толстую шкуру «Лифта». Одна разбила стекло в иллюминаторе гондолы, но черный дирижабль уже уходил прочь. Ветер, поднятый его пропеллерами, ударил Тому в лицо, когда он рухнул на колени возле Анны Фанг и принялся ее трясти в слабой надежде, что она очнется.

– Так нечестно! – всхлипывал Том. – Он нарочно дожидался, чтобы луч вас ослепил! На самом деле победа ваша!

Летчица молчала, глядя мимо него тусклыми, словно сухие камешки, глазами. На лице ее застыло глупо-удивленное выражение.

Том сел в пропитанный красным снег и попытался собраться с мыслями. Наверное, теперь ему нужно бежать из Батмунх-Гомпы, но от одной мысли о том, чтобы снова куда-то двигаться, навалилась усталость. Ему надоело мотаться по всему миру в угоду чьим-то чужим планам. В груди полыхнула ярость от внезапной мысли: Валентайна дома встретят как героя. А ведь все случилось из-за Валентайна! Он сломал жизнь Тому, а еще раньше – Эстер, и сколько еще людей из-за него погибло. Валентайн подарил Гильдии инженеров МЕДУЗУ. Права была Эстер – зря Том не дал ей убить Валентайна, пока была возможность…

На дальнем конце платформы раздался какой-то шум. Том посмотрел в ту сторону и увидел судорожно распутывающийся черный клубок из рук, ног и длинного пальто, словно огромный паук упал с потолка. Это была Эстер. В погоне за Валентайном она заплутала и выскочила на дозорный пункт несколькими уровнями выше. И вот спустилась на тридцать футов по обледенелой стене, а на оставшиеся десять просто спрыгнула. Задержав на мгновение взгляд на убитой летчице, она отвернулась к парапету и

уставилась в темноту, полную танцующих снежинок.

– Лучше бы на ее месте была я, – услышал Том. – По крайней мере, я бы точно забрала его с собой.

Тома подташнивало, он весь дрожал от ярости и горя и отчетливо понимал, что именно так чувствовала себя Эстер уже много лет – с тех пор, как Валентайн убил ее родителей. Ужасное чувство, и Том видел только один способ с ним справиться.

Он нащупал на шее Анны, под пальто, ключ. Сорвал ключ со шнурка, потом подошел к Эстер и обнял. Это было все равно что обниматься со статуей, но Тому необходимо было за что-нибудь держаться. Вверху все еще палили орудия, в безнадежных попытках зацепить «Лифт на тринадцатый этаж». Том приблизил губы к самому уху Эстер и крикнул, стараясь пробиться сквозь грохот:

– Давай вернемся домой!

Она недоуменно оглянулась:

– Умом тронулся?

– Как ты не понимаешь? – проорал Том, хохоча во все горло, потому что ему в голову пришла безумная идея. – Кто-то должен его заставить расплатиться за все! Ты права, я зря тебя остановил тогда, но я не жалею, потому что иначе тебя бы убили полицейские и мы бы с тобой не познакомились. А теперь я помогу тебе до него добраться и помогу потом сбежать. Мы возвращаемся в Лондон! Сейчас! Вместе!

– Точно, тронулся, – хмыкнула Эстер, но все-таки пошла с ним.

С ее помощью Том отыскал дорогу обратно, на другую сторону Стены. Навстречу то и дело попадались бегущие солдаты, испуганные, перемазанные сажей и копотью. Слишком поздно – они могли только горестно вскрикнуть, увидев трупы на орудийной площадке.

В ночное небо над Батмунх-Гомпой поднимался дым и обгорелые обрывки оболочек. В Орлином Гнезде еще полыхал пожар, а на дорогах, ведущих в долину, уже теснились созвездия других огоньков – фонарики беженцев. Людские ручейки стекали с гор, словно там прорвало плотину. С гибелью воздушного флота пришел конец Щит-Стене, и жители бежали прочь со всей скоростью, какую позволяли развить их ноги, мулы, запряженные быками повозки и грузовые воздушные шары.

От пристани уже отходили дирижабли, поднимались в затянутое дымом небо и поворачивали на юг.

Сатия сквозь слезы уговаривала перепуганных солдат остаться:

– Стойте, защищайте Стену! Южный воздушный флот придет нам на помощь! Через неделю, даже меньше, они будут здесь!

Но все понимали, что к тому времени от Батмунх-Гомпы ничего не останется и Лондон будет уже на пути к центральным землям Лиги.

– Останьтесь, защищайте Стену! – умоляла Сатия, но дирижабли все уходили и уходили, не обращая на нее внимания.

«Дженни Ганивер» стояла на якоре, безмолвная, с погашенными огнями. Ключ, снятый с шеи Анны Фанг, подошел к замку переднего люка, и скоро Том уже стоял на полетной палубе, разглядывая приборную доску. Приборов было намного больше, чем ему запомнилось.

– Ты уверен, что у нас получится? – тихо спросила Эстер.

– Конечно! – ответил Том.

Он попробовал покрутить разные переключатели. Снова открылся люк, в гондоле включился свет, заурчала кофемашина, словно воспитанный пес, а с потолка свалилась надувная лодка и сбила Тома с ног.

– Точно уверен? – спросила Эстер, помогая ему встать.

Том кивнул:

– Я, еще когда был маленький, строил модели дирижаблей, общий принцип знаю. А мисс Фанг учила меня управлять, когда мы летели над горами. Если бы она еще прилепила к приборам ярлычки на англичанском…

Том подумал минуту, потянул еще одну рукоятку, и на этот раз включились моторы. Люди на пристани начали оглядываться. Кое-кто делал руками знаки, отвращающие нечистую силу: зная, что Фэн-Хуа погибла, они опасались, уж не появился ли на борту «Дженни Ганивер» ее неупокоенный дух. Но Сатия разглядела Тома и Эстер и бросилась к дирижаблю.

Том испугался, что она помешает им улететь, и начал судорожно искать рукоятку, управляющую поворотом двигателей. Наконец они заняли нужное положение для взлета. Том засмеялся от восторга, чувствуя, что дирижабль слушается. Вверху послышалось знакомое шипение газового клапана и звяканье отстегивающихся причальных зажимов. Люди на пристани махали руками и что-то кричали, Сатия выхватила пистолет, но в последний миг на пристань, пошатываясь, вышел капитан Кхора – его поддерживал под руку другой пилот – и осторожно забрал у Сатии оружие. Запрокинув голову, Кхора посмотрел прямо на Тома и поднял руку, желая удачи. Тома поразило, какая у него розовая ладонь и подушечки пальцев. Дирижабль, покачиваясь, неуверенно поднялся в небо, выше клубов дыма над Орлиным Гнездом. Том бросил последний взгляд на Батмунх-Гомпу и направил дирижабль на запад.

Он возвращался домой.

Глава 30
Лондон встречает героя

Тучи, сеявшие снег над Батмунх-Гомпой, унеслись на запад и пролились дождем над Лондоном. Дождь шел и на следующий день, когда «Лифт на тринадцатый этаж» прибыл домой. Восторженные толпы его не встречали. Промокшие газоны Кругового парка были пустынны, только кое-где рабочие из Департамента вторичной переработки рубили последние деревья. Но Гильдия инженеров получила сообщение о том, что Валентайн возвращается, и, когда возник во влажном сиянии причальных огней огромный дирижабль, инженеры выбежали на площадку. Капли дождя барабанили по их лысым макушкам, на резиновых плащах играли разноцветные блики.

Кэтрин у себя в комнате смотрела в окно, как техники закрепили причальные концы и взволнованные инженеры сбились в кучу возле сходен. Вот открылись люки гондолы; вот Магнус Кром выступил вперед; слуга держал над ним белый резиновый зонт. И вот папа сошел на причал – его издали можно было узнать по росту, и уверенной походке, и по тому, как развевался на ветру его непромокаемый плащ.

У Кэтрин что-то сжалось в груди, как будто сердце готово было разорваться от горя и гнева.

Она ведь мечтала, как первой выбежит ему навстречу, когда он вернется в город. А сейчас не знает, сможет ли вообще когда-нибудь заговорить с ним.

Она видела сквозь стекло, как он здоровается с Кромом, кивает, смеется. Белые плащи ненадолго заслонили его, а когда Кэтрин снова его увидела, он уже расстался с лорд-мэром и стремительно шагал по намокшему газону к Клио-Хаусу – наверное, удивляясь, почему дочка не ждала его на пристани.

Кэтрин стало страшно и захотелось куда-нибудь забиться, но Собака был рядом и придал ей сил. Она закрыла черепаховые ставни и стала ждать. Папины шаги на лестнице, папин стук в дверь.

– Кейт? – глухо донесся его голос. – Кейт, ты там? Мне не терпится рассказать тебе о своих приключениях! Я побывал на снеговых вершинах Шань-Го, буду теперь надоедать тебе рассказами! Кейт? У тебя все в порядке?

Она приоткрыла дверь на щелочку. Папа стоял на лестничной

площадке, с его плаща лило, а его улыбка поблекла при виде ее заплаканного, измученного лица.

– Кейт, все хорошо! Я вернулся!

– Знаю, – ответила Кэтрин. – Но все плохо. Лучше бы ты умер в горах.

– Что?

– Я все о тебе знаю, – сказала она. – Я догадалась, что ты сделал с Эстер Шоу.

Кэтрин впустила его в комнату и закрыла дверь. Строго прикрикнула на Собаку, когда тот бросился к Валентайну. С закрытыми ставнями было темно, и все равно Кэтрин увидела, как папа смотрит то на нее, то на груду книг на столе. У него была свежая повязка на шее и кровь на рубашке. Кэтрин накрутила на палец прядь спутанных волос, отчаянно стараясь не заплакать снова.

Валентайн сел на незаправленную постель. Всю долгую дорогу от Батмунх-Гомпы в ушах у него отдавалось предсмертное проклятие Анны Фанг: «Эстер Шоу найдет тебя». Услышать это же имя от Кэтрин – все равно что нож в сердце.

– О, не беспокойся, – сказала она с горечью. – Больше никто не знает. Понимаешь, я узнала, как звали ту девушку, а доктор Аркенгарт рассказал, как убили Пандору Шоу. Я уже выяснила, что она умерла семь лет назад – примерно в то время, когда ты вернулся из той экспедиции, и лорд-мэр был тобой очень доволен. Ну, я сложила все это вместе и…

Она пожала плечами. Как только все подсказки собрались воедино, проследить цепочку до конца было нетрудно. Кэтрин показала отцу раскрытую книгу – его собственный рассказ о путешествии в Америку, «Приключения на мертвом континенте». Кэтрин ткнула пальцем в групповой снимок участников экспедиции: рядом с Валентайном стояла и улыбалась девушка-летчица.

– Я не сразу поняла, потому что у нее поменялась фамилия. Ты сам ее убил? Или поручил Генчу и Пьюси?

Валентайн опустил голову – злость, стыд, отчаяние. Кэтрин, вопреки всему, в глубине души надеялась, что он возмутится, будет все отрицать и докажет, что не он убил семью Шоу, но, увидев склоненную голову, она поняла, что отец не может отрицать правду.

Он сказал:

– Кейт, пойми, я сделал это для тебя…

– Для меня?!

Наконец он поднял взгляд, но смотрел не на нее, а в стену возле ее локтя.

– Я хотел, чтобы у тебя было все. Чтобы ты выросла настоящей леди, а не кладоискателем с Поверхности, каким был я. Для этого я должен был найти что-то такое, что понадобится Крому… Ты правильно сказала, Пандору я знал еще с американской экспедиции. Она была со мной, когда я нашел чертежи и коды доступа к МЕДУЗЕ. Нам и в голову не приходило, что эту машину можно восстановить. Потом наши с Пандорой пути разошлись. Она была противницей Движения. Вышла замуж за какого-то фермера, ковыряющегося в земле, и они поселились в глухом углу под названием Дубовый остров. Я был уверен, что она и думать забыла о МЕДУЗЕ. Как видно, она еще раз побывала в Америке, уже без меня, и пробралась в другую часть древнего подземного комплекса – которую мы пропустили при раскопках. И там нашла…

– Компьютерный мозг, – перебила Кэтрин. – Ключ к МЕДУЗЕ.

– Да, – прошептал Валентайн, изумляясь ее осведомленности. – Пандора прислала мне письмо. Она знала, что без чертежей и кодов ее находка ничего не стоит, и надеялась, что мы продадим их ей, а прибыль разделим пополам. А я знал, что, если поднесу Крому такой подарок, твое будущее будет обеспечено.

– И ради этого ты ее убил, – сказала Кэтрин.

– Она не согласилась бы продать свою добычу Крому, – сказал папа. – Я же сказал, она была противницей Движения. Хотела передать МЕДУЗУ Лиге. Кейт, я вынужден был ее убить!

– А Эстер? – глухо спросила Кэтрин. – Зачем ты ее изуродовал?

– Я не хотел, – горестно ответил Валентайн. – Она, наверное, проснулась и услышала шум. Она была такая хорошенькая малышка… Примерно твоя ровесница и очень похожа на тебя, прямо как сестра. Возможно, вы и были сестрами. Мы с Пандорой одно время очень сблизились.

– Моя сестра? – Кэтрин задохнулась. – Твоя родная дочь?

– Когда я увидел ее, стоя над мертвым телом ее матери… Она смотрела прямо на меня! Я должен был заставить ее замолчать! Я ударил не глядя, как полоумный. Мне показалось, что она мертва, но я не проверил, не смог себя заставить. И она сбежала. Уплыла на лодке. Я думал, она утонула, а она объявилась в Брюхе и попробовала меня заколоть.

– А Том… – сказала Кэтрин. – Том услышал ее имя, и его тоже понадобилось убить, потому что он мог обмолвиться об этом среди историков, и тогда все бы раскрылось.

Валентайн беспомощно смотрел на нее.

– Ты не понимаешь, Кейт. Если бы узнали, что я сделал, даже Кром не

смог бы меня защитить. Я бы погиб и тебя утянул за собой в пропасть.

– Но Кром все знает, да? – спросила Кэтрин. – Поэтому ты ему так верно служишь. Преданный, как пес, пока тебе платят и позволяют делать вид, что твоя дочурка-иностранка – настоящая верхнелондонская леди.

Дождь все стучал, стучал в окна. Весь город содрогался, продираясь по размокшей равнине. Собака положил голову на лапы и только переводил взгляд с хозяйки на Валентайна и обратно. Он никогда еще не видел, чтобы они ссорились. Ему это не нравилось.

– Я раньше думала, что ты такой замечательный, – сказала Кэтрин. – Самый лучший, самый умный, самый храбрый на свете. А ты не такой. Ты даже не особенно умный, да? Неужели ты не понимал, для чего Крому МЕДУЗА?

Валентайн резко вскинул голову:

– Понимал, естественно! В нашем мире выживает сильнейший город. Или ты съешь, или тебя съедят. Жаль, конечно, что пришлось уничтожить Панцерштадт-Байрёйт, но Лондону, чтобы выжить, необходимо пробить Щит-Стену. Нам нужны новые охотничьи территории.

– Но там живут люди! – крикнула Кэтрин.

– Кейт, это всего лишь сторонники Лиги. Да и все равно большинство из них наверняка успеют убежать.

– Они нас остановят. У них есть дирижабли…

– Нет. – Валентайн улыбнулся. Он гордился собой, несмотря ни на что. – Как ты думаешь, для чего Кром отправил меня на восток? Северный военно-воздушный флот Лиги превратился в пепел. Сегодня МЕДУЗА пробьет нам дорогу через их знаменитую Стену.

Он встал и протянул ей руку со счастливой улыбкой, словно эта победа исправит все, им содеянное.

– Кром сказал, что выстрел будет произведен в девять вечера. К этому времени в Ратуше начнется торжественный прием: вино, закуски, рассвет новой эры. Кейт, пойдешь со мной? Я бы очень этого хотел.

У нее оставалась последняя надежда – что отец не знал о безумных планах лорд-мэра. Теперь и эта надежда умерла.

– Какой же ты тупой! – закричала Кэтрин. – Так нельзя! Ты что, не понимаешь? Крома нужно остановить! Надо сломать его ужасную машину!

– Но тогда Лондон останется совсем без защиты посреди Охотничьих Угодий, – возразил отец.

– И что? Будем жить, как раньше жили. Охотиться, поглощать другие города, а если встретим большой мегаполис и нас самих съедят… Все лучше, чем стать убийцами!

Она больше ни секунды не могла оставаться с ним в одной комнате. Кэтрин бросилась прочь, а отец не попытался ее остановить. Даже не оклинул – так и стоял, бледный, словно оглушенный. Всхлипывая, Кэтрин вылетела из дома и побежала через исхлестанный дождем парк, чтобы оказаться как можно дальше от отца, на другом конце Верхнего Лондона. Собака несся за ней. «Надо что-то делать, – стучало у нее в голове. – Надо остановить МЕДУЗУ».

Кэтрин бросилась к станции лифта. По визи-экрану на весь Лондон трубили радостную весть о том, что Валентайн вернулся.

Глава 31
Подслушивающий

Лондон набирал скорость, направляясь к горам. Вспугнутые его приближением полустационарные городки, годами ютившиеся в предгорьях, стронулись с насиженных мест и поковыляли кто куда, оставляя позади зеленые лоскуты вспаханной земли и даже целый неподвижный поселок. Мегаполис на них не отвлекался. Теперь уже весь Лондон знал великий план лорд-мэра. На наблюдательных площадках, несмотря на холод, толпились люди. Каждому не терпелось увидеть в подзорную трубу легендарную Стену.

– Скоро! – говорили они друг другу.

– Сегодня к вечеру!

– Столько новых территорий для охоты!

В Музее уже привыкли постоянно видеть Кэтрин и Собаку. Никто не обращал внимания на девушку и белого волка, спешащих куда-то через выставочные залы. Несколько человек заметили ее безумный взгляд и слезы на щеках, но не успевали они спросить, что случилось, или предложить носовой платок, как Кэтрин пробегала мимо.

Возле кабинета мистера Нанкэрроу ее встретил застарелый запах скипидара и трубочного табака, но ни Бивиса Пода, ни самого мистера Нанкэрроу здесь не оказалось. В коридоре возил шваброй по полу толстый ученик третьего ранга.

– Мистер Нанкэрроу в запаснике, мисс, – хмуро доложил он. – И с ним тот странный новичок.

Когда Кэтрин ворвалась в запасник, странный новичок помогал мистеру Нанкэрроу снять со стены огромную картину в золоченой раме под названием «Квирк руководит перестройкой Лондона», кисти Уолмарта Стрейнджа. Когда Бивис выронил свой край картины, она стукнулась об пол с грохотом, который отдался по пыльной кладовке, словно маленький взрыв.

– Эй, в чем дело, Под? – возмутился мистер Нанкэрроу, но тут и он увидел выражение лица Кэтрин и сразу перестал ругаться.

– Мисс Валентайн, вам, кажется, не помешает чашечка крепкого чаю, – пробормотал он, исчезая в лабиринте стеллажей.

– Кейт? – Бивис неуверенно подошел к ней. – Что случилось?

Он не привык утешать людей; в Гильдии инженеров этому не обучали. Он неловко протянул к ней руки, коснулся плеча и потрясенно замер, когда Кэтрин бросилась ему на шею.

– Э-э-э… – сказал Бивис. – Ну тихо, тихо…

– Бивис! – всхлипнула Кэтрин. – Теперь вся надежда только на нас. Нужно что-то делать. Сегодня вечером…

– Сегодня? – Бивис нахмурился, не поспевая за ходом ее мысли. – В смысле только мы с тобой? А я думал, твой папа нам поможет…

– Он мне больше не папа! – горько ответила Кэтрин и вдруг поняла, что сказала правду.

Она держалась за Бивиса изо всех сил, словно за спасательный плот, который может перенести ее через трясину тоски и угрызений совести.

– Папа служит Крому. Поэтому я должна уничтожить МЕДУЗУ, понимаешь? Я должна искупить его вину…

Тут вернулся Нанкэрроу с двумя жестяными кружками чая.

– Э-э-э… Ах! Ох! – Он страшно смутился, застав молодых людей в объятиях друг друга. – Я, наверное… Н-да. Очень много работы. Надо бежать. Вернусь через часик-другой… Продолжай тут, Под…

Уходя, он чуть не споткнулся о толстого ученика третьего ранга, протирающего пол у самой двери в запасник.

– Меллифант, клянусь Квирком! – завопил Нанкэрроу. – Обязательно нужно торчать под дверью?

Но Герберту Меллифанту было обязательно нужно торчать под дверью. С той минуты, как его разжаловали, он искал зацепку, чтобы снова продраться на первый ранг. Несколько дней назад на глаза ему попался Под. Неизвестно откуда взялся, а запросто общается со старшими гильдейцами; дружит с дочкой Главного историка; одевается как ученик, но не ночует в общежитии и не ходит на уроки с другими учениками. По визи-экрану передавали, что Гильдия инженеров до сих пор разыскивает нарушителей, которые пробрались на секретное собрание. Меллифант начал подозревать, что доктор Вамбрейс мог бы сильно заинтересоваться новым помощником Нанкэрроу. Как только старик ушел, Меллифант отложил ведро и швабру и снова приник к двери.

– …Лига противников движения осталась без защиты, – говорила Кэтрин. – Папу для того туда и отправили: шпионить за их городами и взорвать их военно-воздушный флот. Так что теперь все зависит только от нас.

– А как же историки? – спросил Бивис.

Кэтрин пожала плечами:

– Они боятся. Но я и одна справлюсь, я точно знаю. Папа зовет меня на прием к лорд-мэру. Я пойду. Скажу папе, что я его простила, и мы счастливой семьей отправимся в гости к Крому. И пока все будут восхвалять Крома за то, что он такой умный, и есть колбаски на шпажках, я потихоньку сбегу, найду МЕДУЗУ и расколошмачу ее. Как ты думаешь, молотком получится? Я знаю, где доктор Аркенгарт держит ключи от чулана уборщицы. Там наверняка найдется молоток. Или ломик. Может, лучше ломиком?

Она засмеялась. Бивис вздрогнул от этого ломкого, сумасшедшего звука. Кэтрин испугалась, что он сейчас скажет: «Успокойся» или «Ты что, ничего не получится»… Она потрогала его лицо, его пылающие уши, почувствовала, как бьется на горле пульс и сокращаются мускулы, когда он сглатывает.

– Бомбой, – сказал Бивис.

– Что?

– Наверняка МЕДУЗА громадная. Половину собора небось занимает. Чтобы ее уничтожить, нужна взрывчатка. – Он смотрел одновременно азартно и испуганно. – Уборщицы в Музее используют моющие средства, в них есть соединения азота. Если их смешать с жидкостью, которую доктор Нанкэрроу применяет при реставрации живописи, и приделать таймер…

– Откуда ты все это знаешь? – потрясенно спросила Кэтрин.

Мысль о бомбе ей и в голову не приходила.

– Основы химии. – Бивис пожал плечами. – Я проходил курс в лабораториях гильдии…

– Ваши что, только о взрывах и думают? – прошептала Кэтрин.

– Нет-нет! – возразил Бивис. – Но в науке всегда так. Ее можно применять по-разному. Кейт, если ты правда хочешь, я сделаю тебе бомбу, которая поместится в сумке. Если проберешься к МЕДУЗЕ, положи сумку рядом с компьютерным мозгом, установи таймер и беги. Через полчаса…

С наружной стороны двери ухо Меллифанта распласталось по деревянной створке, словно бледный слизняк.

Быстрее, быстрее! Кажется, нетерпение лорд-мэра пропитало самую ткань города; поршни в машинном отделении ходят взад-вперед в ритме его сердца, колеса и гусеничные траки вращаются со скоростью его мысли, стремясь поскорее добраться до Стены и открыть новую главу в славной истории Лондона.

Валентайн весь день разыскивал Кэтрин. Обшарил парк, пугал знакомых во время ужина, внезапно возникая у стеклянных дверей, словно

призрак в окровавленных одеждах, и вопрошая: «Где моя дочь? Вы видели мою дочь?» Теперь он расхаживает взад-вперед по гостиной Клио-Хауса, пятная грязными сапогами ковер, и никак не может избавиться от промозглого холода, угнездившегося в костях, от страха, укоренившегося в мозгу.

Наконец на посыпанной гравием дорожке раздаются шаги. Потом шаги звучат в прихожей, и в комнату вваливается Пьюси, такой же мокрый и несчастный, как его хозяин.

– Шеф, я ее выследил! Она в Музее. Старина Крибер, ну этот, который держурит на контроле, сказал, она в последнее время часто там бывает…

– Вези меня туда! – кричит Валентайн.

– Вы уверены, шеф? – Пьюси уставился на свои ботинки, чтобы не смотреть в отчаянное, залитое слезами лицо хозяина. – Может, лучше дать ей успокоиться? В Музее с ней ничего не случится. Я думаю, ей просто нужно все обдумать. Поразмыслит и сама придет.

Валентайн падает в кресло. Старый пилот бесшумно обходит комнату, зажигая лампы. За окном сгущаются сумерки.

– Я вашу шпагу начистил и выходной костюм приготовил в гардеробной, – мягко произносит Пьюси. – Вы не забыли, сэр, сегодня прием у лорд-мэра? Не годится опаздывать.

Валентайн кивает, рассматривая свои руки, свои длинные пальцы.

– Пьюси, зачем я все это время потакал его замыслам? Зачем дал ему МЕДУЗУ?

– Не могу сказать, сэр.

Валентайн со вздохом встает и направляется в гардеробную. Он хотел бы мыслить так же четко, как Кейт; с такой же легкостью отличать, что правильно, что неправильно. Жаль, что ему не хватило мужества выступить против Крома. А сейчас уже слишком поздно. Поздно, поздно.

А Кром в это время отвлекается от своего обеда (овощное пюре и заменитель мяса, с нужным содержанием белков, углеводов, витаминов и так далее) и смотрит на трясущегося ученика-историка, которого Вамбрейс только что втолкнул к нему в кабинет.

– Итак, ученик Меллифант, если я правильно понял, вы что-то хотите сообщить?

Глава 32
Чадли Помрой берет дело в свои руки

Кэтрин все-таки сумела совладать с собой. Еще недавно ей хотелось только забиться куда-нибудь в угол и умереть от горя, а сейчас она держится, и ничего. Похоже было, когда умерла мама. Кэтрин тогда была раздавлена, почти ничего не чувствовала и удивлялась, что жизнь продолжается. По крайней мере, сейчас с нею рядом Собака… и Бивис.

– Кейт, подай мне еще один винтик. Такой же, как этот, только подлиннее.

Она считала Бивиса милым, славным, немного беспомощным – тем, о ком нужно заботиться, потому что без нее он пропадет. Наверное, историки в Музее примерно так же к нему относились. Но сегодня она начала понимать, что на самом деле он намного умнее, чем она. Кэтрин смотрела, как он работает, склонившись над портативным аргоновым светильником в углу Галереи транспортных средств, тщательно отмеряет нужное количество чистящего порошка и растворителя для масляных красок. Потом начал сооружать часовой механизм из кусков медной проволоки, на какой подвешивают картины, и циферблата с приборной доски древнего «жука», время от времени проверяя, поместится ли устройство в сумку, припасенную Кейт.

– Кейт, винтик!

– А, да…

Она торопливо отыскала нужный винт в кучке деталек на полу и протянула Бивису. Потом глянула на часы: уже восемь. Скоро нужно будет вернуться в Клио-Хаус и с улыбкой сказать папе: «Прости, я вела себя как дурочка, с возвращением тебя, а можно, я пойду с тобой на прием к лорд-мэру?»

– Ну вот, – Бивис поднял сумку. – Готово.

– Совсем не похоже на бомбу.

– Балда, так и задумано! Смотри!

Он открыл сумку и показал Кэтрин спрятанный внутри прибор – красную кнопку, которую нужно будет нажать, и часовой механизм.

– Бабахнет не очень сильно, – честно признался Бивис, – но если ты сумеешь пристроить ее поближе к электронному мозгу…

– Как-нибудь исхитрюсь, – пообещала Кэтрин, забирая сумку. – Я же дочка Валентайна. Если кто и может подобраться к МЕДУЗЕ, так это я.

Ей показалось, что в его взгляде мелькнуло сожаление. Наверное, ему грустно оттого, что даром пропадет вся эта невероятная компьютерная мощь – чудо древних технологий, мечта инженера.

– Я должна это сделать, – сказала она.

– Я понимаю. Жаль только, что не могу пойти с тобой.

Кэтрин обняла его, прижалась щекой к щеке, губами к губам и почувствовала, как он дрожит. Его руки нерешительно потянулись к ее голове, погладили волосы. Собака тихонько зарычал – наверное, от ревности. Испугался, что Кэтрин разлюбит его и забросит, как старые плюшевые игрушки, которые грустят на полке у нее в комнате.

– Ох, Бивис, – прошептала Кэтрин, отстраняясь. – Что с нами будет?

Где-то вдали послышались крики. Шум доносился со стороны лестницы, с нижних этажей. Слов не разобрать, но сразу понятно, что случилось что-то не то; обычно в Музее никто не орет.

Собака зарычал громче и кинулся к двери. За ним и Кэтрин с Бивисом выбежали на полутемную площадку. Навстречу повеяло прохладным сквозняком. Лестница виток за витком уходила вниз, теряясь в темноте. Смутно поблескивали бронзовые перила. Снова крики, потом что-то с грохотом упало. На нижней площадке замелькали лучи фонариков, и тут отчетливо раздался голос Чадли Помроя:

– Безобразие! Это возмутительно! Вы вторглись на территорию Гильдии историков!

Безопасники Гильдии инженеров толпой поднимались по лестнице, громко шаркая резиновыми подошвами. Свет фонариков плясал на резиновых плащах и хитроумном оружии. У верхней площадки они замедлили шаг, увидев горящие глаза Собаки. Он прижал уши, зарычал и припал к полу, готовый броситься. Оружейные стволы разом нацелились на него.

Кэтрин схватила Собаку за ошейник и крикнула:

– Он вас не тронет, он просто испугался! Не стреляйте!

Но они все равно его застрелили. Коротко протрещали выстрелы. Пули ударили в Собаку с такой силой, что его отбросило к стене. Он взвизгнул, а потом наступила тишина. Только шорох от падения большого мохнатого тела. Кровь казалась черной в пляшущем свете фонариков. Кэтрин никак не могла вдохнуть. Руки и ноги тряслись мелкой противной дрожью, и справиться с ней не получалось. Кэтрин не смогла бы пошевелиться, даже если бы и хотела, но резкий голос на всякий случай гаркнул:

– Стоять, не двигаться, мисс Валентайн!

– Собака… – жалко прошептала она.

– Не двигаться! Зверюга сдохла.

По лестнице среди редких завитков дыма поднимался доктор Вамбрейс.

– Под, к тебе тоже относится, – прибавил он, увидев, что мальчик дернулся было подойти к мертвому волку.

Доктор Вамбрейс остановился на верхней ступеньке, улыбаясь Бивису и Кэтрин.

– А мы тебя всюду искали, ученик. Надеюсь, тебе стыдно за свое поведение. Дай мне сумку.

Бивис протянул сумку. Инженер выхватил ее из рук и открыл.

– Как и предупреждал Меллифант: бомба.

Он повернулся и начал спускаться по лестнице. Двое его людей потащили за ним арестованных.

– Нет! – закричала Кэтрин, цепляясь за руку Бивиса, когда их стали растаскивать в разные стороны. – Нет!

Ее голос отразился от потолка и полетел дальше, эхом отдаваясь в лестничном колодце, и ей самой показался беспомощным, как у капризничающего ребенка. Ребенок сделал какую-то мелкую пакость, а теперь отбрыкивается от наказания. Кэтрин пнула в лодыжку безопасника, который ее держал, но тот даже не вздрогнул; он был мужчина рослый, к тому же в сапогах.

– Куда вы нас ведете?

– Вы, мисс Валентайн, пойдете со мной на Верхний ярус, – ответил Вамбрейс. – И станете центром внимания на приеме лорд-мэра. Что касается вашего сердечного дружка, его отправят в Подбрюшье. – Вамбрейс усмехнулся, услышав как Бивис тоненько пискнул от страха. – О да, ученик Под, в Подбрюшье тебя ожидают весьма интересные переживания.

– Он не виноват! – Кэтрин видела, что ее дурацкий план разваливается прямо на глазах и отдачей задевает ее, и Бивиса, и бедного Собаку. – Я его *заставила* мне помогать! – крикнула Кэтрин. – Бивис ни при чем!

Но Вамбрейс уже отвернулся, а конвоир зажал ей рот ладонью, от которой пахло какими-то химикатами.

«Жук» Валентайна подъезжает к Ратуше. Там уже стоят «жуки» почти всех глав гильдий. Генч откидывает крышку, помогает хозяину выйти и хлопочет вокруг него, словно мать, провожающая сыночка в школу, – убирает волосы с лица, поправляет воротник парадной черной мантии, протирает рукоять шпаги.

Валентайн рассеянно смотрит в небо. Заходящее солнце озаряет высокие перистые облака. Ветер по-прежнему дует с востока, неся с собой запах снега, и на миг перебивает мысли о Кэтрин воспоминанием о Шань-Го. «Эстер Шоу найдет тебя», – прошептала Цветок Ветра, умирая. Откуда она знала об Эстер? Они же не могли встретиться? Могли или нет? Неужели Эстер все еще жива и каким-то образом оказалась в Батмунх-Гомпе? И теперь затаилась в горах, готовится снова пробраться на борт Лондона и еще раз попытаться убить Валентайна… Или, хуже того, навредить его дочери?

Он отталкивает широкие ладони Генча.

– Если вы, ребята, не слишком расстроитесь, пропустив прием у лорд-мэра, неплохо бы сегодня вывести «Лифт» на прогулку. Так, на всякий случай, а то вдруг эти дурные храбрецы из Лиги вздумают что-нибудь устроить.

– Так точно, шеф!

Оба старых пилота без энтузиазма готовились к торжественному приему. Подумаешь, великая радость – куча изысканных закусок и пижонской болтовни. То ли дело – возможность хорошей драки! Генч усаживается на сиденье рядом с Пьюси, и «жук» мчится прочь, распугивая попадающихся по дороге инженеров с гвардейцами. Валентайн, поправив галстук, быстрым шагом поднимается по ступенькам Ратуши.

Инженеры провели пленников через выставочные залы нижнего этажа к главному входу. По пути им ни души не попалось. Кэтрин никогда еще не видела Музей настолько пустым. Куда подевались историки? Понятно, что помочь они не в силах, но хотелось просто их увидеть. Убедиться, что кто-то знает о ее судьбе. Кэтрин все удивлялась, что позади не слышно постукивания когтей Собаки, а потом вспоминала. Бивис шел рядом, но смотрел прямо перед собой, словно уже видел Подбрюшье и то, что там с ним сделают.

Вдруг инженеры остановились на последнем пролете лестницы, ведущей вниз, к главному входу.

В вестибюле, спиной к высоким стеклянным дверям, выстроились историки. Пока люди Вамбрейса хозяйничали наверху, они разорили витрины в Отделе оружейного и военного дела и вооружились древними пиками и мушкетами, ржавыми мечами и жестяными шлемами. Кто-то держал в руках щит, кто-то нацепил кирасу поверх черной мантии. Сотрудники Музея были похожи на шайку разбойников из любительского спектакля.

– Что это значит? – грозно осведомился доктор Вамбрейс.

Вперед вышел Чадли Помрой, держа в руках мушкетон с широким раструбом. Кэтрин только сейчас заметила, что в тени за витринами прячутся еще историки, целясь сквозь ребра динозавров из старинных духовых ружей.

– Господа! – волнуясь, начал Помрой. – Вы находитесь на территории Гильдии историков. Убедительно вас прошу сейчас же отпустить этих молодых людей.

– Сейчас же! – подхватила доктор Каруна, наведя пыльный мушкет на красное колесо между бровей доктора Вамбрейса.

Инженер расхохотался.

– Глупое старичье! Вообразили, что сможете нас остановить? Да за то, что вы тут устроили, вашу гильдию распустят! Ваше дурацкое, никому не нужное барахло отправят в топку, а вас самих перемелют на специальных машинах боли в Подбрюшье! Вас ничего не интересует, кроме истории? Ну так вы сами станете историей! Мы – Гильдия инженеров! Будущее – за нами!

На один удар сердца стало тихо, только эхо слов Вамбрейса повисло в затхлом воздухе. И еще были совсем слабые звуки – скрюченные артритом пальцы легли на старинные спусковые крючки. И вдруг вестибюль заволокло дымом, трещат выстрелы, звук отражается от сводчатого потолка и снова рушится вниз. Грохочет мушкетон Помроя, и спрятанная в нише за билетной кассой старинная пушка выбрасывает целый сноп огня, как только доктор Нанкэрроу подносит зажигалку к запальному отверстию. Кэтрин видит, как Вамбрейса и двух его подручных сносит выстрелом в сторону, как падает навзничь доктор Аркенгарт, взмахивая руками, словно крыльями ветряной мельницы. Безопасник, державший Кэтрин, спотыкается, и мушкетная пуля с глухим стуком пробивает его резиновый плащ.

Безопасник валится на пол, а Кэтрин падает на колени, спешно соображая, где бы укрыться. От Вамбрейса остались только дымящиеся сапоги – это выглядело бы почти смешно, как в мультике, если бы не то, что в сапогах все еще торчат ноги. Половина безопасников выведены из строя, но оставшиеся сбились в кучу, и оружие у них получше, чем у историков. Они поливают вестибюль непрерывным огнем, пули высекают искры из мраморных плит пола, осколки костей динозавров разлетаются в разные стороны. Стекло витрин осыпается сверкающими водопадами, и прячущиеся за ними историки бегут прятаться в другое место, а кое-то остается лежать среди рассыпанных экспонатов. Аргоновые светильники

под потолком лопаются один за другим, и постепенно в вестибюле становится темно, только мелькают вспышки выстрелов, от которых начинает мучительно болеть голова. Инженеры наступают, уверенно продвигаясь к дверям.

У них за спиной всеми забытый Бивис поднимает оброненное кем-то ружье, ощупывает его в поисках спускового крючка. Кэтрин наблюдает за ним. Вокруг свистят пули, осколки мрамора и с жужжанием проносятся боевые диски, но Кэтрин некогда искать укрытие: она глаз не может отвести от Бивиса. Он раскрывает подпорку на прикладе ружья, упирает ее в сгиб локтя, и в белых плащах инженеров появляются сзади синие дырочки. Инженеры взмахивают руками, роняют оружие и, закрутившись волчком, падают. Бивис Под смотрит на них через прицел так спокойно и серьезно – это уже не привычный Кэтрин мягкий, добрый Бивис, а человек, умеющий хладнокровно убивать, как будто его ум инженера нисколько не ценит человеческую жизнь; а может, он просто слишком много смерти видел в Подбрюшье и уже не придает ей большого значения.

Когда он прекращает стрельбу, становится очень тихо. Слышен только шорох резиновых плащей, укрывающих трупы, и быстрый костяной перестук. Не сразу Кэтрин понимает, что это у нее стучат зубы.

Из углов понемногу начали выползать историки. Кэтрин боялась, что их осталось меньше. В мелькании вспышек ей показалось, что всех перестреляли, но, хотя многих ранили, убиты были только некий Веймут – с ним она никогда не разговаривала – и доктор Аркенгарт. Старый хранитель керамики лежал у двери, на лице застыло возмущенное выражение, как будто смерть – новомодная причуда, которую он не одобряет.

Бивис так и стоял на коленях, растерянно глядя на ружье у себя в руках. Руки дрожали, над дулом ружья вился дымок.

Чадли Помрой, тяжело ступая, поднялся к ним по лестнице. Выстрелом у него сорвало парик с головы, и он придерживал руку – поцарапало осколком кости.

– Посмотрите только! – воскликнул Помрой. – Я, наверное, первый человек за миллионы лет, пострадавший от динозавра!

Он поморгал, глядя на Кэтрин с Бивисом, потом перевел взгляд на убитых инженеров. Никто не засмеялся над его шуткой.

– Ну что ж, – сказал Чадли Помрой. – Так, значит? Ну что! Мы им показали! Я рассказал нашим, что происходит, и все согласились, что так не годится. То есть почти все. Остальных заперли в столовой, и с ними – всех учеников, которые могли встать на сторону Крома. Кейт, видела бы ты нас!

«Мы им не позволим забрать мисс Валентайн!» – сказали мы, и не позволили! Будут знать! Если рассердить историка, ему никакой инженер не страшен!

– Или ей, мистер Помрой! – подхватила Мойра Плим, тоже взбегая по ступенькам. – Пусть знают, что бывает с теми, кто портит музейную мебель! Пусть знают!..

Забрало шлема захлопнулось и заглушило конец фразы.

Кейт отыскала сумку – та лежала на лестнице, в грязи и крови. Если не считать отвратительных пятен, сумка была невредима.

– Мне надо на Верхний ярус, остановить МЕДУЗУ. По-другому никак. Сейчас пойду на станцию лифта и…

– Нет! – По лестнице взбежала Клития Поттс. – У дверей снаружи оставались двое инженеров, и они успели сбежать! Наверняка они уже подняли тревогу. На станции будут гвардейцы, и сюда вот-вот прибудут еще безопасники. Возможно, со Сталкерами.

Заметив встревоженный взгляд Помроя, она опустила голову, словно тут была ее вина.

– Простите, мистер П.

– Ничего, мисс Поттс. – Помрой добродушно хлопнул ее по плечу и чуть не сбил с ног. – Не волнуйтесь, Кэтрин! Мы найдем, чем занять этих чертяк, а вы тем временем проберетесь на Верхний ярус по Кошачьему лазу.

– Что это? – спросила Кэтрин.

– О нем все забыли, а историки помнят, – улыбнулся Помрой. – Старая лестница, еще с самых первых дней Лондона, когда лифтовая система была не всегда надежна. Лестница ведет с Третьего яруса до Верхнего, через Музей. Готова к путешествию?

Кэтрин кивнула, хотя совсем не была готова.

– Я пойду с ней, – сказал Бивис.

– Нет!

– Все в порядке, Кейт. Я так хочу.

Он начал переворачивать убитых инженеров, отыскивая не слишком продырявленный плащ. Выбрал один и стал расстегивать пуговицы.

– Если инженеры увидят тебя там одну, они догадаются, что случилось, – объяснил Бивис. – А если с тобой буду я, они решат, что ты арестована.

– Кейт, он прав, – кивнул Чадли Помрой.

Клития Поттс помогла ученику-инженеру надеть плащ и обтерла кровь подолом мантии. Помрой взглянул на часы:

– Восемь тридцать. По визи-экранам говорили, что МЕДУЗУ приведут в действие в девять. Времени тебе должно хватить, только идите поскорее, пока инженеры не вернулись с подкреплением.

Глава 33
Вино, закуски и рассвет новой эры

На борту «Дженни Ганивер» все напоминало об Анне Фанг: след от ее губ на грязной кружке, вмятина от ее тела на незастеленной койке, недочитанная книга на приборной доске, с закладкой-ленточкой на странице 205. Эстер нашла в шкафчике полную шкатулку денег. Там были не только бронзовые монетки, но и серебряные ляны, и золотые соверены – столько денег они с Томом в жизни не видели.

– Она была богатая! – прошептала Эстер.

Том обернулся, сидя в кресле пилота, и уставился на деньги. За весь долгий полет от Шань-Го у него ни на миг не возникло сомнений из-за того, что они взяли себе дирижабль; казалось, они просто одолжили его на время, чтобы закончить важное для мисс Фанг дело. А сейчас, глядя, как Эстер пересыпает в ладони звякающие монеты, он почувствовал себя вором.

– Ей они уже не пригодятся, – сказала Эстер, захлопывая крышку шкатулки. – И нам тоже, потому что скоро мы будем там же, где она. Если только ты не передумал.

Том покачал головой, хотя, по правде, злость ушла, пока он осваивал управление дирижаблем и прокладывал курс на запад, борясь с переменчивой погодой в горах. Сейчас ему стало страшно, а еще он вспоминал Кэтрин и гадал, что с нею станет после смерти отца. Но Том все равно считал, что Валентайн должен заплатить за все горе, которое причинил другим. Том стал искать радиоволну Лондонского маяка, а Эстер продолжала рыться в шкафчиках, пока не нашла то, что искала: тяжелый черный пистолет и нож с длинным узким лезвием.

На один-единственный вечер лондонский Большой зал совета украшен флагами и фонариками и превращен в банкетный зал. Главы больших и малых гильдий оживленно беседуют, сидя на зеленых кожаных диванчиках или присаживаясь на край трибуны. Они обсуждают новые охотничьи угодья, время от времени поглядывая на часы. Приближается время выстрела МЕДУЗЫ. Среди приглашенных снуют ученики-инженеры, разнося экспериментальные закуски, приготовленные в отделе смотрителя Ниммо. Угощение коричневого цвета вкус имеет довольно своеобразный, зато нарезано в виде идеально ровных геометрических фигур.

Валентайн проталкивается через толпу туда, где виднеется лорд-мэр с помощниками: треугольник белой резины в окружении высоких черных силуэтов – Сталкеров-охранников. Валентайн хочет спросить, что стало с агентом, которого отправили искать Эстер Шоу. Расталкивая упитанных советников, он краем уха слышит обрывки разговоров.

– Смотрите, это Валентайн, вернулся из Шань-Го!

– Говорят, взорвал весь флот Лиги!

– Какие прелестные закуски!

– Валентайн! – приветствует его лорд-мэр. – А мы только вас и ждали!

Кром почти весел. Рядом с ним стоят гении, заставившие МЕДУЗУ вновь заработать: доктор Чандра, доктор Чабб и доктор Уизмер Сплей, а также доктор Твикс; она что-то сюсюкает и приседает в реверансе, поздравляя Валентайна с удачной вылазкой. За спиной у нее статуями застыли охранники в черном. Валентайн кивает им.

– Я вижу, Кром, не зря я вам привозил запчасти от Сталкеров…

– Безусловно, – с ледяной улыбкой подтверждает лорд-мэр. – Новая раса – Воскрешенные. Они будут нашими солдатами и слугами в новом мире, который мы построим. Некоторые уже и сейчас заняты делом в Музее.

– В Музее?

– Да. – Кром с хитринкой наблюдает за ним, оценивая реакцию. – Валентайн, среди ваших историков завелись предатели. Вооруженные предатели.

– То есть там идет бой? Но там же Кейт! Мне нужно к ней!

– Невозможно. – Лорд-мэр удерживает его, схватив за плечо. – На Второй ярус никого не пускают. Музей окружен Сталкерами и безопасниками. Но вы не беспокойтесь, им дано строжайшее указание не причинять вреда вашей дочери. Ее при первой же возможности доставят сюда, к нам. Я специально хотел показать ей МЕДУЗУ в действии. И вы мне тоже нужны здесь, Валентайн. Стоять!

Во внезапной тишине Валентайн смотрит на лорд-мэра, не обращая внимания на оцепеневших участников банкета.

– Любопытно, – задумчиво тянет Кром, – кому вы преданы больше – Лондону или своей дочке? Стоять!

«Стоять» – как псу. На миг рука Валентайна стискивает рукоять шпаги, но он знает, что не обнажит клинок. Если быть честным, он напуган. Все его рискованные экспедиции – всего лишь жалкая попытка скрыть от самого себя правду: он трус.

Валентайн растягивает дрожащие губы в улыбке и кланяется:

– Ваш покорный слуга, господин лорд-мэр.

Рядом с отделом естествознания обнаружилась неприметная дверка. Наверное, Кэтрин сотни раз проходила мимо нее, не замечая. Когда Помрой отпер замок и приоткрыл дверь, стало слышно, как гулко воет ветер в высоком колодце, а снизу доносится рокот городских двигателей. Помрой отдал Бивису ключ и фонарик.

– Удачи, мистер Под! Удачи, Кейт…

Откуда-то сзади донесся глухой удар, от которого зазвенели стекла в музейных витринах.

– Они уже здесь, – проговорил Помрой. – Я должен быть на посту.

– Идемте с нами! – попросила Кэтрин. – Вам будет безопасней в толпе на Верхнем ярусе…

– Это мой Музей, – напомнил он. – Здесь я и останусь. Наверху я буду только мешать.

Кэтрин обняла его, уткнувшись лицом в мантию и вдыхая запах нафталина и трубочного табака.

– Бедный Музей!

Помрой пожал плечами:

– Вряд ли инженеры еще долго позволили бы ему существовать. А так мы, по крайней мере, не сдадимся без борьбы.

– Может, вы победите…

– О да! – Старый историк невесело усмехнулся. – Знаешь, мы всегда их побивали на футбольном кубке гильдий. Правда, тогда у них не было пулеметов и Сталкеров…

Он приподнял ее лицо, взяв за подбородок, и очень серьезно посмотрел в глаза.

– Останови их, Кэтрин. Подпорти им праздник!

– Постараюсь, – пообещала она.

– Мы скоро снова встретимся, – твердо сказал Помрой, вскидывая на плечо мушкетон. – У тебя, Кейт, есть тот же талант, что у твоего отца: люди идут за тобой. Смотри, как ты нас тут всех встряхнула!

Он закрыл за собой дверь, но они успели услышать еще один пушечный выстрел, а потом треск ружейной стрельбы, уже ближе и вперемешку с криками.

– Вон он! – сказал Том.

Они летели на большой высоте среди редких облаков, а далеко впереди виднелся Лондон.

– Вон там!

Город был больше, чем помнилось Тому, и гораздо уродливее. Странно – когда Том жил в нем, он верил всему, что рассказывали по визи-экранам о красоте Лондона, о его изысканных очертаниях. Сейчас он видел, что город безобразен. И ничем не лучше других городов, просто больше по размеру. Трубы, извергающие вонючий дым; катящийся на восток вал черноты с белыми виллами на гребне. Город казался чужим.

– Вон там… – повторил Том.

– Вижу, – сказала Эстер. – На Верхнем ярусе что-то происходит. Иллюминация, как на ярмарке. Том, наверняка Валентайн тоже там! Они, наверное, готовятся активировать МЕДУЗУ!

Том кивнул. Слово «МЕДУЗА» вызывало у него острое чувство вины. Мисс Фанг обязательно придумала бы, как вывести из строя древнее оружие, а он просто не представляет, что тут можно сделать. Слишком оно огромное, слишком жуткое, не помещается в мозгу. Лучше сосредоточиться на том, что важно для них с Эстер, а весь остальной мир пусть сам о себе заботится.

– Он там, – прошептала Эстер. – Я чувствую.

Том не хотел подлетать слишком близко – вдруг лорд-мэр поставил дозорных следить за небом или выслал навстречу воздушные корабли-разведчики. Том потянул за рычаг и почувствовал, как дирижабль откликается. «Дженни Ганивер» плавно пошла вверх. Лондон превратился в размытое пятно света под облаками. Том задал курс на юг, выписывая круг над городом.

Лестница вела из тьмы во тьму. Дрожащий луч фонарика переползал с одной металлической ступеньки на другую, точно такую же. Громадные тени Бивиса и Кэтрин скользили по стенам. Оба молчали, только слушали дыхание друг друга, радуясь, что не приходится проделывать этот путь в одиночку. Кэтрин все время оглядывалась, забывая, что Собака не идет следом.

– Пятьсот ступенек, – прошептал Бивис, остановившись на крохотной площадке и посветив фонариком вверх.

Лестница витками уходила в бесконечность.

– Мы, наверное, на Первом ярусе.

Кэтрин кивнула. На слова не хватало дыхания, на остановку, чтобы отдышаться, – терпения. Наверху, наверное, банкет в самом разгаре. Она двинулась дальше. Колени уже не хотели сгибаться, каждый вдох отдавался в горле холодной резкой болью. Тяжелая сумка била по бедру.

Эстер видела, как пролетает за обзорным окном Поверхность далеко внизу, изрезанная прямыми, словно по линейке проложенными, колеями. Вдоль таких же точно траншей брели они с Томом в те первые дни знакомства. А впереди в темноте мелькали красные габаритные огни Лондона. Свет становился слабее, когда дирижабль попадал в густой ядовитый туман выхлопа. Из Тома вышел отличный пилот, подумала Эстер. Как жаль, что его план не сработает.

С шорохом ожило радио. Управление Лондонского воздушного порта запрашивало их идентификационный код.

Том испуганно уставился на Эстер, но она знала, что нужно делать. Подошла к рации и начала щелкать переключателем «прием/передача», чтобы создалось впечатление, как будто система связи повреждена.

– Лондонский дирижабль «ГИ-сорок семь», – произнесла Эстер, вспомнив название, которое прозвучало из громкоговорителя таверны в Воздушной Гавани. – Мы везем Шрайка в Инженериум.

По радио что-то ответили, но Эстер его отключила. Черный смог лип к окнам. Капельки воды оседали на стекле и, дрожа, катились вниз, оставляя за собой извилистый след.

– Я покружусь над городом двадцать минут, а потом заберу тебя, – сказал Том. – Времени должно хватить, чтобы найти Валентайна и…

– Том, через двадцать минут меня уже не будет в живых. Улетай и забудь обо мне.

– Я вернусь…

– Меня не будет в живых.

– Я все равно вернусь.

– Том, это бессмысленно.

– Я вернусь и заберу тебя.

Эстер оглянулась и увидела, что его глаза блестят от слез. Том плакал. Плакал о ней – потому что она уходит навстречу опасности и он больше никогда ее не увидит. Ей было странно, что она для него так много значит, – и очень приятно.

Она сказала:

– Том, я хотела…

И еще:

– Том, если бы я…

И еще какие-то обрывки, канувшие в тишину. Она сама не знала, что пытается сказать, только хотела, чтобы Том знал: он – лучшее, что у нее было в жизни.

Из клубящейся тьмы возникло пятно света, потом еще и еще. Дирижабль прошел почти вплотную к Третьему ярусу и поднялся выше. Проплыли мимо Второго яруса под взглядами людей, толпившихся на обзорной площадке, мимо Кругового парка, где на деревьях были развешены лампочки. Том переключил несколько рычагов, и «Дженни» рванулась вперед, чуть ли не задевая крыши Найтсбриджа, а потом вверх, к самому краю Верхнего яруса со стороны кормы. Том быстро глянул на Эстер. Ей хотелось обнять его, расцеловать, хоть что-нибудь, но времени уже не осталось, и она просто выдохнула: «Том, смотри не нарвись», рывком переключила люк на «открыто» и выпрыгнула, как раз когда дирижабль пошел вверх по дуге над краем Верхнего яруса.

Жестко приземлившись на палубу, Эстер перекувырнулась несколько раз. «Дженни Ганивер» быстро удалялась, освещенная трассирующими ракетами противовоздушной батареи на крыше Инженериума. Ни одна ракета не попала в цель. Темнота поглотила дирижабль, и Эстер, оставшись одна, спешно отбежала в тень.

– Одиночный дирижабль, господин лорд-мэр, – докладывает взволнованный инженер. К его уху прикреплен радиоприемник в форме раковины. – Он ушел, но, возможно, высадил десант.

– Сторонники Лиги у нас на Верхнем ярусе? – Лорд-мэр кивает, словно такие вот мелкие проблемки – дело обыденное. – Ну-ну. Доктор Твикс, вот вам случай испытать ваши новые модели.

– О, чудненько! – щебечет доктор Твикс, в волнении роняя тарелку с тарталетками. – За мной, мои цыплятки! Марш-марш!

Сталкеры мгновенно строятся в колонну и чеканным шагом следуют за ней к выходу, раздвигая толпу гостей.

– Лазутчиков доставить живыми! – кричит Кром. – Жаль будет, если они пропустят такое важное событие.

Глава 34
Идея для праздничного фейерверка

Том вытер глаза кулаком и сосредоточился на управлении, уводя «Дженни» вверх и прочь от Лондона. Он больше не боялся. Приятно было наконец что-то делать и приятно чувствовать, как тебя слушается огромная чудесная машина. Он повернул на восток, туда, где на вершине Чжань-Шаня догорал слабый отблеск заката. Казалось, что половина намеченных двадцати минут уже прошла, но хронометр сообщил, что прошло меньше двух минут с тех пор, как Эстер спрыгнула на палубу Лондона и…

В гондолу врезалось что-то стремительное и сверкающее. Взрывом Тома выбросило из кресла. Он уцепился за стойку и увидел, как бумаги, приборы, канаты, алтарь с лентами и фотографиями и недочитанная книга мисс Фанг сыплются через рваную дыру в фюзеляже и разлетаются по небу неуклюжими птицами. В огромных окнах вылетели стекла, и в воздухе замерцали острые осколки.

Вывернув шею, Том старался рассмотреть через пустое окно, не горит ли оболочка. Огня не было, но вверху над дирижаблем скользнул громадный темный силуэт. Его бронированные бока блестели в лунном свете. «Лифт на тринадцатый этаж» обогнал «Дженни» и неторопливо выполнил победную «бочку» над отрогами Шань-Го, после чего повернул обратно – добить противника.

Магнус Кром наблюдает, как его гости толпой вываливаются на площадь полюбоваться сполохами воздушного боя над облаками. Лорд-мэр смотрит на часы.

– Доктор Чандра, доктор Чабб, доктор Сплей, пора приводить в действие МЕДУЗУ. Валентайн, идемте с нами. Вам, должно быть, не терпится увидеть, что мы сделали из вашей машины.

– Кром! – Исследователь загораживает ему дорогу. – Мне необходимо кое-что вам сказать…

Лорд-мэр заинтересованно выгибает бровь.

Валентайн колеблется. Он весь вечер продумывал свою речь, зная, что этого хотела бы от него Кэтрин. Однако сейчас он теряется под холодным взглядом лорд-мэра. Запинается, не находя слов.

– Кром, а сто́ит ли оно того? – спрашивает он наконец. – Уничтожив Щит-Стену, мы не уничтожим Лигу. Будут и другие крепости, сотни

крепостей, тысячи жизней. Неужели новые охотничьи угодья стоят всего этого?

По толпе гостей пробегает изумленный шепоток.

Лорд-мэр спокойно отвечает:

– Поздновато у вас проснулись сомнения, Валентайн. Вы волнуетесь попусту. Доктор Твикс может изготовить не одну армию Сталкеров. С лихвой хватит, чтобы раздавить сопротивление дикарской Лиги.

Он хочет пройти дальше, но Валентайн снова встает у него на пути:

– Подумайте, лорд-мэр! Надолго ли нам хватит новых охотничьих территорий? На тысячу лет? На две тысячи? В один прекрасный день добычи вообще нигде не останется. Лондон будет вынужден прекратить движение и осесть на месте. Может быть, лучше остановиться сейчас, пока не пострадали ни в чем не повинные люди? МЕДУЗА многому нас научила; попробуем приспособить ее для мирных целей…

Кром улыбается:

– Вы в самом деле считаете меня настолько недальновидным? Гильдия инженеров строит долгосрочные планы. Лондон никогда не остановится. Движение – это жизнь. Когда мы поглотим последний странствующий город и снесем последнее стационарное поселение, мы начнем копать вглубь! Мы построим огромные моторы, приводимые в действие жаром земной коры, и сдвинем планету с орбиты. Мы поглотим Марс, Венеру и астероиды! Мы поглотим само Солнце и отправимся в плавание по космическим океанам. И через миллион лет Лондон будет по-прежнему странствовать, охотясь уже не на мелкие городишки, а на целые миры!

Валентайн выходит вместе с ним на площадь, и они направляются к собору Святого Павла. «Кэтрин права, – думает Валентайн. – Он совершенно спятил! Почему я его не остановил, пока была возможность?» Над облаками грохочет, и отсветы взорванного дирижабля озаряют запрокинутые лица.

Толпа дружно выдыхает:

– О-о-о-о-о-о-о!

Эстер Шоу прячется, скорчившись, у самого края Верхнего яруса, пережидая, пока пройдут Воскрешенные. Зеленые лучи из их глаз шарят по стенам и палубам, стальные когти хищно подергиваются.

Кошачий лаз окончился в круглой комнатке с нарисованными по трафарету цифрами на отсыревших стенах и с металлической дверью. Бивис вставил ключ в замок и со скрежетом повернул. По контуру двери

появилась узкая светлая полоска, и Кэтрин услышала снаружи голоса – протяжное дрожащее «О-о-о-о-о!».

– Мы в переулке около Патерностер-Сквер, – сказал Бивис. – Интересно, из-за чего они так волнуются?

Кэтрин подставила часы в полосу света:

– Без десяти девять. Они ждут МЕДУЗУ.

Бивис обнял ее в последний раз и быстро, смущенно шепнул:

– Я тебя люблю!

Потом вытолкнул ее за дверь и сам перешагнул порог, стараясь делать вид, будто он ей не друг, а конвоир, а сам думал о том, произносил ли когда-нибудь другой инженер те слова, что он только что произнес, и чувствовал ли хоть один из них то, что чувствует он рядом с Кэтрин.

Том пробирался по заваленной обломками гондоле «Дженни Ганивер». Свет погас, и кровь из пореза на лбу заливала глаза. От боли в сломанных ребрах накатывала тошнота. Хотелось лечь, закрыть глаза и отдохнуть, но Том знал – нельзя. Он ощупью искал рычаги наведения и пуска ракет, молясь всем известным богам, чтобы не оказалось, что ракеты снесло взрывом. Когда он нажал нужную кнопку, над приборной панелью выдвинулся телескопический прицел. Том протер глаза и увидел увеличивающееся с каждой секундой перевернутое изображение «Лифта на тринадцатый этаж».

Том из последних сил навалился на рычаги. Палуба под ним содрогнулась. Ракеты с воем вылетели из своих гнезд под днищем гондолы. Когда они достигли цели, полыхнуло, но как только Том проморгался после вспышки, то увидел, что черный дирижабль никуда не делся. Ракеты едва поцарапали бронированную поверхность. Том понял, что сейчас умрет.

Но по крайней мере, он выиграл еще несколько минут. У «Лифта» были повреждены ракетные установки по правому борту, поэтому противник должен был обогнать «Дженни» и развернуться к ней левым бортом. Том постарался успокоиться. Он хотел подумать о Кэтрин, чтобы забрать воспоминания о ней в Страну, не ведающую солнца, но Кэтрин давно уже ему не снилась. Он забыл ее лицо. В памяти всплывало только лицо Эстер. Тогда он стал думать о ней и обо всем, что они пережили вместе, и как он обнимал ее вчера на гребне Стены. Вспоминал запах ее волос и тепло ее напряженного тощего тела под рваным пальто.

И тогда из какого-то закоулка памяти пришло эхо ракет Лиги, сыпавшихся на «Лифт», когда тот отваливал от Батмунх-Гомпы: глухие раскаты взрывов и тонкий колючий звон бьющегося стекла.

«Оболочка у него бронированная, но можно разбить окно!»

Том снова схватился за рычаги и поменял настройки так, чтобы перекрестье прицела на крохотном экранчике приходилось не на газовый баллон «Лифта», а на окна. Датчик показывал, что осталось всего три ракеты, и Том выпустил их все одновременно. Разбитая гондола дернулась и заскрипела. Ракеты понеслись к цели.

На долю секунды Том увидел, как Пьюси и Генч смотрят на него с полетной палубы, застыв от ужаса. Потом они исчезли в ослепительной вспышке. Ракеты пробили окна, и гондолу «Лифта» охватил огонь. Фонтан пламени взметнулся по трапу к газовым баллонам и вырвался наверху из оболочки. Когда зрение Тома восстановилось, гибнущий дирижабль уносило ветром. Разломанная гондола пылала, языки огня вырывались из люков, из двигателей, огонь бился внутри оболочки, и весь «Лифт на тринадцатый этаж» был похож на огромный китайский фонарик, падающий вниз, к ярким огням Лондона.

Кэтрин вышла из переулка и затесалась в толпу. Люди на площади смотрели вверх. Многие так и застыли с открытым ртом, сжимая в руках стаканы с напитками и закуски. Купол собора еще не открылся – значит, смотрели не туда. А что это за свет? Оранжевое сияние, от которого меркнут аргоновые фонари и тени мечутся по стенам?

Тут с неба обрушился пылающий изувеченный дирижабль и всей своей массой врезался в фасад Инженериума. Во все стороны полетели осколки стекла и острые изогнутые куски раскаленного металла. Один мотор оторвался и покатился прямо на Кэтрин, разбрызгивая кипящее горючее. Бивис оттолкнул Кэтрин, роняя ее на мостовую. Она увидела, как он стоит над ней, что-то выкрикивая, увидела изображение голубого глаза на кожухе мотора, а потом махина сбила Бивиса с ног. Он отлетел, нелепо взмахнув руками, мелькнул разорванный белый плащ, крик Бивиса потерялся в грохоте искореженного металла, вминающегося в лифтовую станцию.

Изображение голубого глаза… Кэтрин знала: это что-то значит, только никак не могла вспомнить, что именно.

Она медленно встала. Ее била дрожь. Вокруг что-то горело, и самый большой пожар полыхал в Инженериуме, освещая Верхний ярус, как на Хеллоуин. Спотыкаясь, Кэтрин побрела к тому месту, где лежал горящий двигатель. Лопасти огромного винта торчали над палубой, словно какие-то ископаемые останки. Прикрывая лицо ладонью от жара, Кэтрин искала глазами Бивиса.

Он лежал среди обломков в такой немыслимо изломанной позе, что сразу стало ясно: нет смысла даже звать его по имени. Огонь все разгорался, и резиновый плащ вскипал пузырями, оплывал, как растопленный сыр. Слезы на щеках у Кэтрин мгновенно испарялись. Жар сделался нестерпимым, и пришлось отступить, перешагивая через мертвые тела и куски тел.

– Мисс Кэтрин?

Голубой глаз на кожухе мотора. Кэтрин все еще видела перед собой рисунок. Видела, как облезает краска от огня. Папин дирижабль.

– Мисс Кэтрин?

Она оглянулась. Рядом стоял дежурный с лифтовой станции. Он сочувственно взял ее под руку и повел прочь. Показал на пылающие рядом с Инженериумом обломки дирижабля.

– Мисс, его там не было.

Кэтрин тупо смотрела на улыбку дежурного. Она не могла понять, о чем речь. Конечно, он там был! Она сама видела его мертвое лицо среди огня. Бивис пришел сюда с ней, он любил ее. Чему тут можно улыбаться?

Но дежурный улыбался.

– Мисс, его не было борту! Папаши вашего то есть. Я его пять минут назад видел, он пошел в собор с лорд-мэром.

Кэтрин почувствовала вес ужасной сумки, оттягивающей плечо, и вспомнила, что у нее осталось незаконченное дело.

– Идемте, мисс, – уговаривал дежурный. – Такое потрясение… Присядьте, выпейте чайку…

– Нет, – сказала Кэтрин. – Мне надо к папе.

Она быстро пошла прочь, проталкиваясь через перепуганную толпу в испачканной гарью одежде, под пронзительное завывание сирен. Через площадь, к собору Святого Павла.

Эстер бежала к Ратуше, когда взрывом ее швырнуло на середину площади, прямо на яркий свет от горящего Инженериума. Она покатилась по палубе, оглушенная. Пистолет выпал из ее руки, шарф сполз с лица. На миг наступила тишина, потом звуки вернулись: вопли, сирены. Эстер попробовала привести в порядок мысли и вспомнить, что было перед взрывом. Вспышка над крышами, что-то пылающее падает с неба… Дирижабль. «Дженни Ганивер».

– Том, – прошептала она в раскаленную мостовую, чувствуя себя маленькой и одинокой, как никогда прежде.

Она с трудом поднялась на четвереньки. Неподалеку от нее одного из

новых Сталкеров разорвало пополам взрывом. Нижняя половина бесцельно бродила по железной палубе, натыкаясь на разные предметы. Мимо пролетел шарф – подарок Тома. Эстер схватила его и намотала на шею. Обернулась, ища пистолет, и увидела, что сзади к ней приближается целый отряд Сталкеров, на этот раз целехоньких. Их когти при свете пожара взблескивали огненными штрихами в темноте. Пожар освещал мертвые лица. Эстер с острым разочарованием поняла, что ей конец.

А вверху, над черной зубчатой линией крыш, над дымом и пляшущими искрами начал раскрываться купол собора Святого Павла.

Глава 35
Собор

Разбитая гондола «Дженни Ганивер» плакала, словно флейта, когда в нее дул западный ветер, унося дирижабль прочь от Лондона.

Том без сил навалился на приборную доску. Лицо и руки у него были в мелком крошеве битого стекла, налипшего, словно пыль. Он старался не смотреть, как бешено крутятся стрелки манометров – из поврежденной оболочки с огромной скоростью вытекал водород. Старался не думать о том, как горели Пьюси и Генч в своей гондоле, – но, закрывая глаза, Том каждый раз видел их лица с раскрытыми в крике ртами, словно эта картина навечно отпечаталась у него под веками.

Подняв голову, он увидел вдали на востоке Лондон. Что-то происходило в соборе, а из Инженериума вырывались фонтаны зеленого и розового огня. Том не сразу понял, что произошло. Все это из-за него! Наверное, погибли люди. Не только Пьюси и Генч, толпа народу там, внизу. Если бы он не разнес на куски «Лифт на тринадцатый этаж», эти люди были бы живы. Зря он выпустил ракеты. Лучше умереть самому, чем смотреть, как горит Верхний ярус Лондона, и знать, что это его вина.

Потом он подумал: «Эстер!»

Он обещал вернуться за ней. Она ждет его там, среди пожара. Он не может ее подвести. Том тяжело вздохнул и взялся за рычаги управления. Моторы зачихали и снова включились. «Дженни Ганивер» еле-еле развернулась навстречу ветру и с черепашьей скоростью двинулась обратным курсом.

Кэтрин шла по Патерностер-Сквер, как сомнамбула. Преображенный собор словно притягивал ее. Вокруг разгорался пожар, но Кэтрин не сводила глаз с чудовищно прекрасной картины: на фоне ночного неба раздувался белый капюшон, медленно поворачиваясь на восток. Кэтрин больше не боялась. Она знала – Клио бережет ее, чтобы она искупила ужасные поступки своего отца.

Охранники у собора Святого Павла отвлеклись на пожар и не обратили внимания на школьницу с сумкой через плечо. Они велели ей убираться, но Кэтрин твердила, что в соборе ее папа, и махала золотым пропуском. Охранники пожали плечами и пропустили ее.

Она никогда еще не бывала внутри собора, хотя и видела его на

иллюстрациях. Сейчас все выглядело совсем по-другому.

Колонны, нефы и высокие сводчатые потолки остались прежними, но инженеры обшили стены листами белого металла и развесили повсюду круглые аргоновые светильники, защищенные металлической сеткой. По полу змеились толстые кабели, подающие электроэнергию куда-то в глубину собора.

Кэтрин медленно шла вперед, стараясь держаться в тени колонн и не попадаться на глаза инженерам, которые так и шныряли вокруг, проверяя контакты и делая заметки в планшетах. На возвышении в центре, как раз под куполом, стояло множество непонятных механизмов. Металлические фермы и всевозможная гидравлика удерживали вес огромного клобука, а вокруг вырос целый лес индукционных катушек, и все они гудели и потрескивали, накапливая электричество. Инженеры сновали между ними, бегали по металлическим лесенкам, а отдельная группа толпилась у стоящей поблизости консоли, словно священники у алтаря механического бога, тихо и взволнованно переговариваясь. Среди них Кэтрин разглядела лорд-мэра, а рядом с мрачным лицом стоял папа.

Кэтрин оцепенела. Он не видел ее в тени, а ей было все хорошо видно. Папа смотрел на Крома и хмурился. Кэтрин знала – он здесь только по приказу лорд-мэра, а сам предпочел бы сейчас быть снаружи, помогать спасателям. На миг она забыла, что он убийца; ей хотелось подбежать и обнять отца. Но Кэтрин сейчас была в руках Клио. Она была орудием Истории, и ее ждала работа.

Кэтрин осторожно подобралась поближе, прячась за старинной купелью рядом с возвышением. Отсюда можно было рассмотреть, чем заняты Кром и другие инженеры. Их консоль походила на «колыбель для кошки» – путаница проводов и гибких резиновых трубок, и в середине – совсем небольшая сфера, примерно с футбольный мяч. Кэтрин догадалась, что это такое. Пандора Шоу нашла этот предмет в древней Америке, в подземной лаборатории, и привезла к себе на Дубовый остров, а папа Кэтрин украл находку однажды ночью, а Пандору убил. Инженеры отчистили устройство и починили как могли, заменив поврежденные контуры примитивными схемами, собранными из сталкерских мозгов. Теперь перед восстановленным устройством сидел доктор Сплей. Пальцы его, словно пауки, бегали по клавиатуре цвета слоновой кости, набирая на портативном визи-экране зеленые светящиеся последовательности чисел. На другом экране показывали размытый вид местности; перекрестье прицела приходилось точно на Щит-Стену.

– Аккумуляторы заряжены, – сказал кто-то.

– Смотрите, Валентайн! – Кром ухватил папу за локоть костлявыми пальцами. – Мы готовы творить историю!

– Кром, но ведь пожар…

– Потом в пожарных поиграете, – оборвал его лорд-мэр. – Мы должны немедленно уничтожить Щит-Стену – на случай, если МЕДУЗА пострадает от огня.

Все звуки в соборе словно пригасли, слышно было только, как щелкают по клавишам пальцы Сплея. Инженеры со священным трепетом взирали на лес индукционных катушек – там возникали причудливые светящиеся призраки и, тихонько жужжа, уплывали в небо через раскрытый купол. Кэтрин вдруг подумала, что инженеры, наверное, тоже не понимают найденную папой машину.

Если сейчас подбежать, включить часовой механизм и бросить бомбу в древний компьютер, она могла бы все изменить. Но как на это решиться? Папа стоит совсем рядом с этой штуковиной, и пусть Кэтрин сколько угодно повторяет, что он ей больше не отец и что его жизнь ничего не значит против жизни тысяч людей, которые погибнут в Батмунх-Гомпе, все равно она не сможет причинить ему вред. Просто рука не поднимется. Все пропало.

Кэтрин запрокинула голову к сводчатому потолку, мысленно спрашивая: «Зачем Ты привела меня сюда? Что Ты от меня хочешь?»

Но Клио не ответила.

Кром подошел к клавиатуре.

– Задайте МЕДУЗЕ координаты цели, – скомандовал он.

Пальцы Сплея снова забегали по клавишам, набирая широту и долготу Батмунх-Гомпы.

– *Цель получена*, – объявил механический голос из репродукторов над головой доктора Сплея. – *Расстояние до цели: сто тридцать миль, постепенно сокращается. Введите код подтверждения «Омега»*.

Доктор Чабб выложил на стол пачку толстых пластиковых листов – заламинированных обрывков древних документов. Сквозь пластик слабо виднелись выцветшие столбики цифр, будто насекомые, застрявшие в янтаре. Чабб перелистал страницы, нашел нужную и протянул Сплею.

Но не успел Сплей ввести код, как внизу, у главного входа послышались голоса. Это пришла доктор Твикс со своими Сталкерами.

– Всем привет! – прочирикала она, приближаясь и жестами подзывая своих механических людей. – Взгляните, лорд-мэр, кого для вас нашли мои умнички! Настоящая живая сторонница Лиги, как вы и заказывали. Боюсь, правда, она довольно уродлива…

– *Введите код подтверждения «Омега»*, – повторила МЕДУЗА.

Механический голос ничуть не изменился, хотя Кэтрин показалось, что на этот раз в нем звучало легкое нетерпение.

– Помолчите, Твикс! – рявкнул Магнус Кром, не отвлекаясь от приборов.

Но все остальные разом обернулись, когда поднявшийся на возвышение Сталкер сбросил свою ношу к ногам лорд-мэра.

Это была Эстер Шоу – связанная по рукам и ногам, беспомощная, хмурая и все еще не понимающая, почему Сталкеры сразу ее не убили. При виде ее искалеченного лица инженеры оцепенели, словно ее взгляд обратил их в камень.

«О, всемогущая Клио!» – прошептала Кэтрин. Она впервые увидела своими глазами, что наделала папина шпага. Потом перевела взгляд на его лицо и поразилась еще больше. Всякое выражение ушло с этого лица, оставив нечеловеческую серую маску, еще ужаснее, чем у девушки. Наверное, так он выглядел, когда убил Пандору Шоу и, обернувшись, увидел, что на него смотрит Эстер. Кэтрин знала, что сейчас произойдет, еще прежде, чем шпага отца запела, покидая ножны.

– *Нет!* – закричала Кэтрин, только во рту пересохло, и получился еле слышный шепот.

И вдруг она поняла, зачем богиня привела ее сюда сегодня и что она должна сделать, чтобы искупить папино преступление. Выронив бесполезную сумку, Кэтрин взбежала по ступеням. Эстер пятилась, заслоняясь связанными руками от неизбежного удара Валентайна. Кэтрин бросилась между ними так неожиданно, что он не успел задержать руку. Его шпага легко вошла в грудь Кэтрин, и та почувствовала, как рукоять ударилась о ребра.

Инженеры ахнули. Доктор Твикс испуганно взвизгнула. Даже Кром встревожился.

– *Введите код подтверждения «Омега»*, – как ни в чем не бывало потребовала МЕДУЗА.

– Нет, – шептал Валентайн, качая головой, как будто не мог понять, откуда здесь взялась его дочь со шпагой в груди. – Кейт, нет!

Он отшатнулся, выдергивая шпагу.

Кэтрин смотрела, как лезвие покидает ее тело. Это выглядело нелепо, словно чья-то дурацкая шутка. Боли не было, только из дыры в куртке толчками выплескивалась ярко-алая кровь, забрызгивая пол. Закружилась голова. Эстер Шоу схватила Кэтрин за плечо, но Кэтрин вырвалась.

– Папа, не трогай ее, – сказала Кэтрин, сделала два неуверенных шага

и рухнула головой на клавиатуру.

По экранчику побежали бессмысленные зеленые буквы. Папа подхватил Кэтрин и бережно уложил на пол, а над ними раздался громовой голос МЕДУЗЫ:

– *Неверный код*.

На экранах замелькали еще какие-то цифры. В хитросплетениях кабелей что-то с треском взорвалось.

– Что происходит? – завопил доктор Чабб. – Что она делает?

– Она отвергла координаты цели! – ахнул доктор Чандра. – Но продолжает набирать энергию…

Инженеры кинулись по местам, спотыкаясь о Кэтрин. Папа обнимал ее, пристроив ее голову у себя на коленях. А она, никого не замечая, смотрела в лицо Эстер. Это было как увидеть собственное отражение в разбитом зеркале. Кэтрин улыбнулась, радуясь, что наконец-то встретила свою сводную сестру, и гадая, смогут ли они подружиться. У нее началась икота, рот наполнился кровью. По телу распространялся леденящий холод. Сознание уплывало, звуки в соборе словно отдалялись, делались тише и глуше. «Я умираю? – подумала она. – Нет! Рано! Я еще не готова!»

– Помогите мне! – заорал Валентайн на инженеров.

Но их, кроме МЕДУЗЫ, ничего не интересовало. Зато изуродованная девушка подошла и приподняла Кэтрин, поддерживая ее, пока он пытался остановить кровотечение оторванной от мантии полоской ткани.

Он посмотрел в ее единственный серый глаз и прошептал:

– Эстер… Спасибо!

Эстер посмотрела на него в упор. Столько лет она искала его, чтобы убить, и вот теперь он в ее власти, а она ничего не чувствует. Никто на них не смотрел, шпага так и валялась на полу. Даже со связанными руками Эстер могла схватить ее и ударить в сердце. Но сейчас все это уже не имело смысла. Эстер смотрела, как его слезы капают в лужу крови, которая растекалась вокруг его дочери. Мысли растерянно метались в голове. «Он любит ее! Она спасла мне жизнь! Я не могу позволить ей умереть!»

Эстер протянула руку и коснулась его плеча:

– Валентайн, ей нужен врач.

Он оглянулся на толпящихся возле машины инженеров. От них помощи ждать нечего. За дверями собора на площади метались полотнища золотистого пламени. За высокими окнами поперечного нефа что-то блеснуло красным в отсветах пожара.

– Это «Дженни Ганивер»! – крикнула Эстер, вскакивая на ноги. – Том вернулся! А на борту есть аптечка…

Но «Дженни» не сможет приземлиться посреди пожара.

– Валентайн, можно как-нибудь вылезти на крышу?

Валентайн поднял шпагу и разрезал веревки у нее на запястьях. Отбросив обрывки в сторону, он поднял Кэтрин на руки и понес между искрящими катушками к железной лестнице, которая зигзагами поднималась к самому куполу. Эстер побежала за ним. Сталкеры тянулись ее схватить, но Валентайн приказал им отойти.

Изумленному гвардейцу он крикнул:

– Капитан! По дирижаблю не стрелять!

Тут подбежал Магнус Кром и вцепился в его рукав.

– Машина обезумела! – зашелся в крике лорд-мэр. – Один Квирк знает, какую команду ввела ваша дочь! Мы не можем заставить МЕДУЗУ выстрелить и не можем прекратить накопление энергии! Сделайте что-нибудь! Валентайн, это же вы раскопали проклятую дрянь! Остановите ее!

Валентайн плечом оттолкнул его с дороги и начал подниматься по лестнице, не обращая внимания на сполохи ослепительного света, треск разрядов и запах горящего металла.

– Я только хотел помочь Лондону! – зарыдал старик. – Я хотел, чтобы Лондон был *сильным*!

Глава 36
Тень их костей

Эстер первой выбралась на открытую площадку на вершине купола, где клубился дым в отсветах пожара и чудовищное оружие отбрасывало огромную тень. Справа виднелся обгорелый каркас «Лифта на тринадцатый этаж» – он застрял в развалинах Инженериума, словно вагончик старинных «американских горок». Пожар дошел уже до Ратуши. Плановый отдел и архив пылали, рассыпая искры, словно рой светлячков, и миллионы бело-розовых официальных бланков. Собор Святого Павла высился, словно остров в море огня, а над ним покачивалась «Дженни Ганивер», будто низкобюджетная луна, обожженная и пьяно шатающаяся в восходящих потоках воздуха над горящими зданиями.

Эстер стала подниматься еще выше, к самому капюшону кобры. Валентайн шел за ней и что-то шептал Кэтрин, не сводя глаз с воздушного корабля.

– Какой идиот им управляет? – крикнул Валентайн, вслед за Эстер перешагивая на кожух МЕДУЗЫ.

– Это Том! – крикнула она в ответ и замахала обеими руками. – Том! Том!

Сначала Том увидел красный шарф – тот самый, что он для нее купил в Перипатетиаполисе. Заметил краем глаза красное пятно, потом присмотрелся и увидел, что развевающийся по ветру шарф повязан на шею Эстер, которая изо всех сил машет руками. Потом ее заслонил черный клуб дыма, и Том подумал было, что крошечная фигурка на капюшоне кобры ему примерещилась. Казалось невероятным, чтобы хоть кто-то выжил в разгоревшемся из-за него пожаре. Том подвел «Дженни Ганивер» ближе. Дым рассеялся, а Эстер все еще была на месте, в своем длинном черном пальто, со своими решительными шагами и уродливым, чудесным лицом.

Кэтрин открыла глаза. Внутри нее разрастался холод, начиная от того места, где ее пронзила шпага. Икота никак не проходила, и Кэтрин подумала – как глупо будет умереть, икая, до чего же унизительно. Ей хотелось, чтобы Собака был рядом. «Том! Том!» – кричал кто-то. Она повернула голову и увидела, что с затянутого дымом неба спускается дирижабль. Ближе, ближе… Вот гондола проскребла бортом по кожуху

МЕДУЗЫ и в лицо ударил ветер, поднятый едва работающими моторами. Папа понес Кэтрин к дирижаблю. В разбитое окно выглядывал Том. Тот, кто был здесь, когда все началось. Кэтрин считала его мертвым, а он живой, растерянный, измазанный сажей и копотью, со ссадиной на лбу в форме буквы «V» – словно знак какой-то загадочной гильдии.

Внутри гондола оказалась неожиданно просторной. Там было совсем как в Клио-Хаусе, и ее там ждали Собака и Бивис, икота наконец-то прошла, и рана оказалась вовсе не такой опасной, как все думали, – просто царапина. Солнце светило в окна, и Том вел дирижабль вверх, в хрустальное синее небо, и Кэтрин, счастливая, откинулась на руки отца.

Эстер первая добежала до дирижабля и забралась внутрь через пролом в корпусе. Высунулась наружу, протягивая руку Валентайну, чтобы помочь ему подняться на борт, увидела, что он упал на колени, и поняла, что Кэтрин умерла.

Эстер застыла с протянутой рукой, сама толком не понимая, что с ней творится. Воздух над капюшоном белого металла замерцал электрическими разрядами, и Эстер крикнула:

– Валентайн! Скорее!

Он лишь на миг оторвал взгляд от мертвого лица дочери и ответил:

– Эстер! Том! Бегите! Спасайтесь!

Том приставил к уху ладонь и крикнул:

– Что он сказал? Кто это у него, Кэтрин? Что случилось?

– Уходим! – прокричала она и кинулась к приборной доске.

Эстер спешно перевела все работающие моторы на полную мощность. А когда снова посмотрела вниз, Валентайн быстро уменьшался. На руках он держал темную фигурку, бледная рука свесилась вниз. Эстер показалось, будто сама она – дух Кэтрин, улетающий в небеса. Было ужасно больно внутри, дыхание вырывалось всхлипами, по щеке потекло мокрое и горячее. Может, ее ранили, а она и не заметила? Эстер приложила руку к лицу, на пальцах осталась влага, и Эстер поняла, что плачет. Она плакала о маме, и папе, и о Шрайке, и о Кэтрин, и даже о Валентайне, а над собором все ярче разгоралось электрическое сияние, и Том уводил «Дженни Ганивер» прочь, в темноту.

В Брюхе внезапно выключились все двигатели разом – подействовало странное излучение, пронизывающее весь город сверху донизу. Мегаполис замедлил ход – впервые с тех пор, как вернулся в Охотничьи Угодья.

В Музее, за наскоро построенными баррикадами Чадли Помрой осторожно высунул голову над муляжом синего кита и увидел, что

надвигающиеся на его последнюю линию обороны Сталкеры застыли на месте. Вокруг их металлических черепов терновыми венцами повисли облачка искр.

– Квирк всемогущий! – сказал Чадли Помрой горсточке уцелевших историков. – Мы победили!

Валентайн смотрит вслед красному дирижаблю, озаренному пламенем пожаров на Верхнем ярусе и ветвистыми молниями, что сверкают над куполом собора Святого Павла. Далеко внизу безнадежно звякает пожарный колокол и раздаются панические крики инженеров. Огни святого Эльма пляшут вокруг Кейт, ее волосы потрескивают и искрятся, когда Валентайн их гладит. Он бережно поправляет попавшую ей в рот прядку, прижимает дочь к себе – и тут в них ударяет молния. Миг – и они охвачены огнем, испаряются, исчезают. Только тень их костей отпечаталась на сверкающем небе.

Глава 37
Птичьи дороги

Лондон был увенчан короной из молний – словно луч, нацеленный за сотню миль на Батмунх-Гомпу, завился вокруг верхних ярусов и обрушил каскады расплавленного металла на нижние палубы. Взрывы сотрясали Брюхо, обломки летели в воздух, крутясь, как сухие листья, подхваченные ураганом. Несколько дирижаблей взлетали тоже, но оболочки, наполненные газом, загорались, сморщивались и падали – яркие огненные точки на фоне большого пожара.

Спаслась только «Дженни Ганивер». Она летела на краю бури, крутясь и раскачиваясь под ударами ветра. С такелажа и пропеллеров срывались длинные ленты радужного света. Моторы отказали после первого же выброса энергии, и никакими силами не удавалось снова их запустить. Том обмяк в пилотском кресле и плакал, беспомощно глядя, как их уносит все дальше от гибнущего города.

Он мог только повторять одно и то же:

– Это я виноват. Это все я виноват…

Эстер тоже смотрела туда, где только что высился собор Святого Павла, – как будто все еще видела Кэтрин и ее отца.

– Нет, Том, – сказала она. – Это случайно вышло. В машине у них что-то испортилось. Виноваты Кром и Валентайн. Виноваты инженеры, что запустили эту штуковину, и моя мама виновата, что выкопала ее. Виноваты Древние, что ее изобрели. Пьюси и Генч виноваты, что старались тебя убить, и Кэтрин виновата, что спасла меня от смерти…

Эстер села рядом с Томом. Она хотела его утешить, но боялась прикоснуться. С разбитых циферблатов и с осколков оконных стекол ей корчили рожи отражения, еще уродливей обычного в пляске отсветов МЕДУЗЫ. Вдруг Эстер подумала: «Дуреха, он же вернулся за тобой!» Дрожа, она обхватила его руками и притянула к себе, прижалась щекой к макушке, осторожно сцеловала кровь со свежей раны между бровей. Она обнимала его крепко-крепко, пока МЕДУЗА не истратила всю свою злобу и над равниной не забрезжил серый рассвет.

– Все хорошо, Том, – повторяла она. – Все хорошо…

Лондон остался позади, неподвижный. Над ним колыхались столбы дыма. Том нашел полевой бинокль мисс Фанг и навел его на город.

– Кто-то должен был выжить! – сказал Том, надеясь, что, если

проговорить вслух эти слова, они станут правдой. – Наверняка мистер Помрой и Клития Поттс уже организуют спасательные отряды и поят всех чаем…

Но ничего не было видно сквозь дым, пар и тучу пепла, и сколько Том ни водил биноклем, с отчаянием видел только почерневшие металлические конструкции и обожженную землю вокруг, с разбросанными по ней обломками колес, и горящие лужи топлива, и смятые гусеничные траки, словно сброшенные шкуры огромных змей.

– Том?

Эстер попробовала рычаги на приборной доске и с изумлением обнаружила, что руль все еще действует. «Дженни Ганивер» откликнулась, послушно поворачиваясь в ответ на команды.

Эстер тихо сказала:

– Том, может, попробуем добраться до Батмунх-Гомпы? Нас там примут с радостью. Ты для них, наверное, герой.

Том покачал головой. У него перед глазами «Лифт на тринадцатый этаж» все еще падал на город и Пьюси с Генчем разевали рты в беззвучном крике. Том не знал, кем себя считать, но уж точно не героем.

– Ну, как хочешь, – сказала Эстер.

Она его понимала. Иногда требуется время, чтобы справиться с тем, что случилось. Надо быть с ним терпеливой.

Она сказала:

– Тогда полетим на Черный остров. Починим «Дженни» в караван-сарае и улетим по птичьим дорогам куда-нибудь далеко-далеко. На Сто островов, или в горы Тангейзера, или на Южные Ледяные пустоши. Мне все равно, лишь бы ты меня взял с собой.

Она села на пол у его ног, положила руки ему на колени, а голову пристроила на руки. Том вдруг понял, что невольно улыбается в ответ на ее перекошенную улыбку.

– Ты не герой, а я не красавица, и вряд ли мы будем жить долго и счастливо, – сказала она. – Но мы живы, и мы вместе, и все у нас будет хорошо.

Благодарности

Я в огромном долгу и глубоко благодарен Леону Робинсону и Брайану Митчеллу за то, что они меня вдохновляли и подбадривали и подбрасывали свежие идеи; Майку Гранту, который публиковал мои ранние опыты в доброй памяти малотиражном журнале «Гелиограф» *(The Heliograph);* а также Лиз Кросс, Кирстен Скидмор и Холли Скит – без их терпения, энтузиазма и здравых советов эта книга закончила бы свои дни в виде растопки для моего камина.

Филип Рив

---

notes

Сноски

1

Дирижабль назван в честь техасской психоделической группы 1960-х годов *The 13th Floor Elevators*.

2

Dunroamin – некогда популярное в Англии название домов, от выражения «done roaming» – «перестал странствовать, пустил корни».

3

«Дженни Ганивер» (также «Дженни Ханивер», «Дженни Хэнивер») – название гротескной фигурки, изготовленной из высушенного морского ската; антверпенские моряки вырезали такие с XIII века.

4

Джайнизм – древняя дхармическая религия, появившаяся в Индии приблизительно в IX–VI веках до н. э.

5

Коса (также кхоса) – народ в Южно-Африканской Республике, относящийся к группе народов банту. Название происходит от имени одного из древних вождей.

6

«Idiot Wind» – название песни Боба Дилана с альбома «Blood on the Tracks» (1974).

7

«My Shirona» – искаженное «My Sharona» – песня группы *The Knack* с альбома «Get the Knack» (1979).

8

Мокеле-мбембе – мифическое динозавроподобное существо, по преданиям обитающее в бассейне реки Конго.

9

«Garden Aeroplane Trap» – написанная в 1935 г. картина художника-сюрреалиста Макса Эрнста, упоминающаяся в песне экспериментальной постпанк-группы *Mission of Burma* «Max Ernst» с дебютного мини-альбома «Signals, Calls and Marches» (1981). Также «Garden Aeroplane Trap» – песня неопсиходелической группы *Bevis Frond* с альбома «Son of Walter» (1996).

10

2 м 13 см.

11

«Уничтожить!» («Exterminate!») – клич киборгов-мутантов далеков из британского телесериала «Доктор Кто».

12

Stalker *(англ.)* – следопыт или тот, кто упорно преследует кого-либо.

13

Ротванг – безумный изобретатель из фильма Фрица Ланга «Метрополис» (1927).

14

Название города (Tunbridge Wheels) отсылает к реальному английскому городу Танбридж-Уэллс (Tunbridge Wells).

15

Аннам – наименование северной и центральной части Вьетнама в период французской колонизации Индокитая 1874–1949 гг.